

Мы больше не друзья.
Мы незнакомцы с общими воспоминаниями.

СИЛЬНЫЕ ДУШИ

* VK.COM/KN_BOOKS *

ШЕЙ ШТАЛЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

Annotation

На обычном повороте двухполосной дороги, под нависшим плотным слоем почерневших облаков двум людям суждено найти друг друга. Он оказался в ловушке между миром, который когда-то знал, и девушкой, которую должен спасти. Она просто хочет раствориться... совсем, где угодно, только бы не существовать в той разрушительной реальности, с которой сейчас столкнулась.

Чейз

Временами, когда не могу уснуть, я пялюсь в потолок. Не то чтобы я наслаждаюсь тем, что просыпаюсь посреди ночи, просто в последнее время, похоже, у меня нет особого выбора. В моей голове включается звонок тревоги, который срабатывает каждый раз, когда я чувствую, что она где-то рядом. Это, определенно, происходит неосознанно. Просто как факт.

Обычно, когда это происходит, я жду. Я жду, потому что знаю, рано или поздно я услышу звук открывающегося окна, и, так же, как и последние несколько месяцев, Куинн осторожно проберется в него с единственной целью — забраться ко мне в постель.

Окно скрипит, пока она с осторожностью поднимает его, стараясь не шуметь. Как всегда, оно застревает, и она оставляет его открытым, затем направляется к моей постели.

Это происходит не впервые, когда она пробирается в мою комнату прямо перед восходом солнца, когда ночь все еще темна, и я надеюсь, что это не последний раз.

Если все, что у меня есть — эти моменты, крохи времени, которые она позволяет себе провести здесь, я приму это.

Большинство людей подумают: хорошо тебе, мужик. В твоей постели посреди ночи оказывается девчонка. Зачетно, верно?

Ага, не особо. Знаете, Куинн — единственная девушка, которую я когда-либо любил, но, кроме этого, она еще и обладательница волшебного титула единственной девушки, которая когда-либо разбивала мне сердце.

Она пробирается посреди ночи в мою постель не потому, что хочет меня, нет. Куинн пробирается посреди ночи в мою постель вообще без причин. По крайней мере, только это я могу предположить, так как она никогда со мной не разговаривает. Только лежит рядом со мной, пока я легонько потираю ее спину, и когда она чувствует, что пришло время уходить, она делает это.

Сегодня ночью я решаю попробовать что-то немного новенькое. Я хочу, чтобы она сказала мне, что между нами еще не все кончено. Не знаю, зачем, но просто делаю это.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, прижимаясь подбородком к ее макушке, пока ее щека прижата к моей груди.

Должно быть, она не ожидала, что я что-то скажу, потому что она отклоняется, чтобы посмотреть на меня удивленными широко открытыми глазами. Проходит минута, прежде чем она отвечает, и даже тогда это не совсем ответ.

— Ш-ш-ш-ш, — она прикладывает палец к моим губам, заставляя меня замолчать, а затем сворачивается у меня на груди, лицом утыкаясь мне в плечо.

Я глубоко вздыхаю. Она пахнет, как дождь и морской бриз. Она пахнет, как мое детство. С этой девчонкой связано так много воспоминаний. С того момента, как мы встретились на игровой площадке, когда нам было по пять лет, до момента, восемь месяцев назад, она была моей.

В течение часа мы лежим в тишине, я обнимаю ее за плечи, прижимая ближе. С каждым разом, который мы проводим вместе, как сейчас, мне все сложнее и сложнее игнорировать те чувства, которые я до сих пор испытываю к ней.

— Что все это означает? — я, кажется, часто задаю этот вопрос. Я знаю ответ на него, но мне интересно, собирается ли она вообще объяснить мне все это. Полагаю, в какой-то степени в этом есть и моя вина. Она приходит ко мне за комфортом. Куинн всегда знала, что передо мной она может развалиться на части, и я всегда буду рядом, чтобы собрать ее воедино.

Мой вопрос как будто физически касается ее тела, и оно каменеет. Отклонившись назад, она кусает губы, задумавшись, от ее лица исходит какая-то нервная энергия. Ее глаза выглядят безжизненными, она бесцветная копия девушки, которую я знал раньше — девушки, которой я отдал свое сердце.

— Ничего.

Это *не* ничего.

— Я должна идти, — Куинн выпутывается из моих объятий и садится. Я не хочу, чтобы она уходила, но она уже закрылась в себе.

Удивляет меня то, что она не уходит. Вместо этого она сидит на краю кровати, не спуская взгляда с окна.

В тот момент, когда я этого меньше всего ожидаю, она разворачивается ко мне.

— Прости меня, — приглушенно говорит она, переводя взгляд прямо на меня. Она поднимает руки с колен и обхватывает мое лицо, а взгляд перемещает с глаз к моему рту.

Медленно она наклоняется и оставляет мягкий поцелуй на моих губах. Задерживается, даря мне надежду на то, что она увидела, что я не хочу больше ничего, кроме как любить ее. Я думаю, она собирается отодвинуться, но не делает этого, а кладет свои руки на мой затылок, заваливая меня на матрас. Я не двигаюсь. Я почти пугаюсь, когда она углубляет поцелуй, подключая язык. Поцелуй наполнен страстью, он становится более интенсивным, будто она хочет большего. Каждое движение наших губ будто отвечает на невысказанные вопросы, что все это значит?

Не уверен, что кто-то из нас знает ответ.

Все, что я знаю, что отчаянно хочу большего. Возбуждение проходит через все мое тело, и она это чувствует, когда прижимается ко мне. Из моей груди вырывается легкий стон, я не в силах сдержать себя и с осторожностью, чтобы она не почувствовала моего веса, перекатываю ее на спину.

С ее губ слетает маленький вздох, и я снова стону. Это обычная наша реакция, когда наши тела берут над нами верх.

Вот почему я не могу оставить ее одну. Она нужна мне так же сильно, как и я ей.

Одну руку перемещаю на ее щеку, пока другой рукой медленно спускаюсь по ее изгибам. Она хоть понимает, как сильно я ее хочу?

Нет, она просто не в силах это понять.

На самом деле, да, она может это почувствовать между своих ног.

Пальцами я пробираюсь под ее толстовку и оголяю кожу, к которой давно не прикасался. Не похоже, что с ее стороны есть какие-либо сомнения, когда она шире раздвигает бедра, позволяя мне втиснуть свои. Естественно, я твердый, и она, наконец-то, это чувствует.

Она выдыхает и прижимается своим ртом к моему, и, клянусь, я слышу, как с ее губ срывается мое имя. Уверен, что все это ошибка, и мы оба это знаем, но не похоже, что это ее останавливает. Пока это происходит со мной, мне неважно, к чему это нас приведет.

Закрыв глаза, я позволяю себе почувствовать ее тело, изгибающееся подо мной. Я

буквально впитываю ее, как дождь, что бьет по моему окну. Ее поцелуи делают меня слабым, опьяневшим, и я знаю, она ищет ответ на вопрос, на который я не могу ответить. Неважно, хочу я в этом признаваться или нет, но мы — двое людей, которые боятся отпустить наше общее прошлое. Если у меня и есть что-то, за что я держусь, это Куинн.

Как только я задумываюсь о том, чтобы стянуть с нее штаны, она кладет свои ладони мне на грудь, отталкивая.

— Остановись, — выдыхает она.

Я тут же отстраняюсь, тяжело и прерывисто дыша, мой взгляд прикован к ее глазам, и слабая улыбка на ее губах угасает в ночи. Нас осеняет, *что* мы только что делали. Вздыхая, я скатываюсь с нее на спину и хлопаю себя по лицу руками.

Проклятье.

В этот раз она не уходит сразу. Вместо этого она пялится в потолок, лежа рядом со мной, не издавая ни звука. Иногда я думаю, что она хочет остаться. Будто если она будет здесь со мной, это поможет боли уйти прочь.

Только она никогда этого не делает.

— Что это было? — спрашиваю я, мечтая прочесть ее мысли, когда она уже около окна.

Наши взгляды встречаются. От ее взгляда в моей груди становится тяжело, будто она ударила меня ножом, и медленно, как и из нее, из меня вытекает вся жизнь. Мое сердце, может, и бьется, но оно бьется из-за нее. Ради таких моментов.

— Я не знаю, — шепчет она, а затем выбирается наружу через окно, отдаляясь от меня. Она остается в моей жизни, как тяжелое облако, и я позволяю ей это, потому что цепляюсь за надежду, что все изменится.

В комнате витает ее запах, просачивается в мои кости после ее ухода. Я не хочу думать о Куинн, но думаю. Сначала минуты, потом часы. В последнее время все мои мысли только о ней.

Я не знаю, как долго лежу без сна, думая об этих поцелуях и о том, что они означают, а потом медленно проваливаюсь в сон, проснувшись только от звенящего мне в ухо будильника.

Хлопнув по будильнику, я сбрасываю его с прикроватной тумбочки на пол и зарываюсь лицом в подушку, проклиная тот факт, что вообще проснулся.

Я не ранняя пташка. И не сова. Во всем дне, наверное, всего два часа, когда я наслаждаюсь жизнью. И обычно они наступают, когда я нахожусь на бейсбольном поле.

Вздыхнув, я вздрагиваю от прохладного воздуха, проникающего через окно, которое Куинн оставила открытым.

В этот момент я понимаю, что опаздываю в школу. Это для меня обычное явление. Я никогда не могу вовремя собрать себя в кучу ни для чего, кроме бейсбола.

Скатившись с кровати, я спускаю ноги на ковер и сижу так некоторое время, потирая глаза. Проклиная тот факт, что проснулся и не могу снова лечь и уснуть, я подхожу к окну и закрываю его, прежде чем обернуться и поискать что-нибудь из одежды. К счастью для меня, на краю кровати лежит пара джинсов, а возле них чистая толстовка.

Схватив вещи, я вспоминаю о том, что сегодня вечером у меня игра и мне нужно найти все свое снаряжение, потому что у меня не будет времени вернуться домой перед игрой.

— Мам, где моя перчатка? — кричу я, выглянув в коридор.

— Вероятно, там, где ты ее и оставил, — кричит она в ответ, ее голос немного приглушен шумом бегущей из крана воды.

Я задумываюсь, слышала ли она прошлой ночью Куинн... но потом понимаю, что, скорее всего, не слышала. Ее голос звучит довольно сонно. Часть меня задумывается над тем, сказала бы она что-нибудь, даже если бы и услышала? Моя мама всегда была привязана к Куинн, и, похоже, приняла наш разрыв так же плохо, как и я сам.

Оглядывая комнату, я не нахожу перчатку. По факту, я не вижу ничего, кроме мятой одежды и остатков китайской еды в картонной коробке, которую я оставил прошлым вечером на прикроватной тумбочке рядом с книгой по истории.

Чем это так пахнет? Боже, надеюсь, это китайская еда. Что, если Куинн почувствовала этот запах?

Я не хочу об этом знать. Я плотно закрою дверь, когда выйду из комнаты, это уж точно.
— Не забудь убратся в своей комнате! — кричит мама, напоминая мне о том, что здесь полная катастрофа.

Буду надеяться, что она не унюхает этот запах.

Она права, мне следует убрать весь этот беспорядок, но, скорее всего, я этого не сделаю. Она пытается добиться этого от меня с тех пор, как я был еще ребенком, и я всегда говорю, что уберусь, но не делаю этого. Типичный подросток, правда?

Отбрасывая в сторону несколько пар джинсов по пути к кровати, я нахожу свою перчатку под третьей парой вместе со своими штанами и джерси.

— Чейз Джейкоб! Если ты не поторопишься, то опоздаешь в школу.

Я закатываю глаза на тот факт, что она перешла на тяжелую артиллерию и использовала оба моих имени. Что еще забавнее, она кричит на меня, хотя сама уже на десять минут опаздывает на работу. Моя мама всегда шутит, что мы два сапога пара. Мы оба пунктуальны в очень редких случаях.

Она утверждает, что это началось с моего рождения.

Мама поехала в больницу, в которой собиралась рожать, за две недели до установленного срока родов только для того, чтобы быть на месте, когда придет срок. Она пробыла в больнице три дня, прежде чем они, наконец, сделали кесарево сечение, чтобы достать меня.

Взглянув на часы, я понимаю, что должен пошевелиться. Я быстро одеваюсь, потом заталкиваю в свою спортивную сумку перчатку и штаны с джерси, бутсы и кепку, а потом тянусь за своим рюкзаком.

— Мам, я ушел, — я останавливаюсь около двери в ванную комнату, услышав, как бежит вода в душе, и ее проклятья о том, что она опаздывает.

— В один прекрасный день мы сделаем все вовремя, Чейз.

— Может быть, — смеясь, я направляюсь на кухню, чтобы сделать ей кофе, потом оставляю чашку рядом с ее ключами.

На улице гравий хрустит под моей обувью, земля влажная и сырая, и прохладный весенний воздух раннего утра касается моего лица.

Поднимается ветер, и я поправляю кепку и натягиваю сверху капюшон. Привычные серые облака сегодня утром немного темнее, среди них едва проглядывают просветы солнца. Здесь не так холодно, как обычно в мае на побережье, но сегодня прохладно.

Мой отец умер, когда мне было шесть, и с тех пор мы с мамой живем вдвоем. Несмотря на то, что я всегда восхищался им, на самом деле, я никогда по-настоящему не знал его. В течение шести лет он просто был где-то поблизости, потому что редко проводил достаточно времени дома. Повенчаный с морем, он был влюблен в океан, и думаю, он до сих пор там.

Спасатели так и не нашли его тело, но сказали, что он утонул, когда их судно перевернулось у берегов Аляски, куда они плыли на ловлю крабов.

Иногда я сбегая из дома в район порта, чувствуя, что он мог бы быть там. И как ни странно, каждый день все еще ощущаю его присутствие в своей жизни. Помню, когда мне было восемь, моя мать с трудом переживала его смерть. Она говорила, что ощущает его присутствие рядом с собой в те моменты, когда больше всего нуждается в нем.

Думаю, скорее всего, это правда, потому что, когда бы я ни приходил в порт... это случалось, именно тогда, когда я скучал по нему.

Пока я прогреваю грузовик — проржавевшую серую грудку металлолома, которую я купил за пять сотен баксов — открываю упаковку крекеров, которую прихватил из дома на пути к выходу, и думаю о Куинн в моей постели этим утром.

Не то чтобы мы чем-то занимались. Я просто обнимал ее. Я имею в виду, да, Куинн поцеловала меня, но, на самом деле, мы до сих пор ничем таким не занимались. Тем не менее, я чувствую себя виноватым. У меня есть девушка, и это не Куинн.

Раз я встречаюсь с Тейлор, то, наверное, мне не следует находиться в постели с другими девушками, верно?

Поцелуй — это не измена.

Ага, конечно, не измена это, Чейз.

Тейлор Томас, я повторяю мысленно ее имя, и у меня сводит живот.

Я — идиот.

Та девчонка, которая этим утром пробралась в мою постель, определенно была не Тейлор, именно поэтому прямо сейчас я ощущаю вину.

Мы с Тейлор встречаемся три месяца, и поскольку эти отношения не по любви, а больше по расчету и из-за секса, я понимаю, что между нами все почти кончено. Думаю, это должно беспокоить меня намного больше, чем то, что моя бывшая продолжает пробираться в мою комнату по ночам, когда ей вздумается, и проскальзывать в мою постель без каких-либо внятных объяснений.

Но я не могу заставить себя переживать о том, почему она это делает, потому что Куинн — моя любовь, она часть меня, которую я не могу отпустить.

Я съедаю один крекер и включаю радио. Оно потрескивает от помех на волне, прежде чем начинается Топ 40 и утренний ведущий рассказывает о последних сплетнях Голливуда. Мне даже не нравится эта станция, но она единственная, что я смог поймать.

Мой грузовик «Чевы» (*Примеч. Chevy (Чевы или Шеви) — в США неофициально название автомобилей марки Chevrolet*) с грохотом оживает, потряхивая кабину. Это хладнокровное чудовище не всегда хорошо ездит, но оно выручает меня, когда мне надо куда-то добраться. И если вы оглядите трейлерный парк, который я называю домом, то заметите, что он идеально соответствует «Нове» с нарисованными на капоте цветами и «Селье» моей матери, у которой перемотана скотчем разбитая фара.

Выехав на дорогу, я бросаю еще один взгляд на трейлер, в котором мы живем последние тринадцать лет. Я сделаю что угодно, чтобы вытащить нас с мамой из этого безнадежного города рыбаков.

Один взгляд на мою перчатку, лежащую рядом со мной, и я вспоминаю, что бейсбол — это мой билет отсюда. Может, у меня и нет отличных оценок, но у меня есть то, что я делаю лучше всего. Мои средние оценки — «В» с минусом, может даже «С». Это печально.

Со спортом другая история. Я лучший бейсболист среди всех школ штата. Говорю это с

уверенностью. Я не пытаюсь быть самоуверенным. Факт есть факт.

Я верю, что это мой дар от Бога, и я хорош в этом. Достаточно хорош, чтобы получить стипендию от Университета штата Флорида.

Поездка в школу утомляет, как и в любой другой день, так как ехать нужно через сонный северо-западный прибрежный город, в котором живут практически одни рыбаки.

Я живу неподалеку от пляжа, и мы с обеих сторон окружены водой. Мы — вихор Вашингтона, маленькая верхушка штата, которая торчит из воды между Грейс Харбор и Норт Бей. *(Примеч. Грейс Харбор — округ на севере штата Вашингтон, США, Норт Бей — город в Онтарио, Канада).*

В Вестпорте особо больше ничего и нет, и хотя бейсбол — не единственное, что здесь популярно, я вкладываю в него все силы.

Заехав на парковку коста-риканской школы, дома для «Диких Котов», я замечаю прислонившуюся к своему «БМВ» в ожидании меня Тейлор.

Увидев мой грузовик, она улыбается. Ею восхищается и ее боготворит большая часть мужского пола нашей школы, но, похоже, она смотрит только на меня. Я использую слово «похоже» условно, потому что однажды я уже думал, что довольно хорошо понимаю женщин, только чтобы в итоге выяснить, что парни никогда не смогут понять девушек.

— Привет, — я опускаю окно, подмигивая ей, пока паркуюсь на своем месте. Знаю, я сказал, что собираюсь порвать с ней, но в реальности мне очень тяжело сделать это. Может, потому, что каждый раз, как я собираюсь сказать ей об этом, она как будто чувствует это и отвлекает меня.

Сделав пять шагов к моему грузовику, она, не теряя ни минуты, цепляется за дверь и целует меня. Я ненавижу привлекать внимание публики, и она это знает. Только, похоже, это не имеет для нее значения.

Больше, чем публичное внимание, я ненавижу, что она пытается поцеловать меня после того, как это сделала Куинн. Поэтому я поворачиваю голову, и она целует меня в щеку.

Тейлор состоит в группе поддержки бейсболистов, и это прекрасно, но мы полные противоположности.

Шум на другой стороне парковки привлекает мое внимание, когда я закрываю дверь грузовика.

Это Куинн и ее парень Дин, они, как обычно, спорят.

Куинн Хэдли. Та девушка, что была в моей постели этим утром.

Есть кое-что отстойное в жизни в Вестпорте. К сожалению, вы знаете все обо всех, неважно, хотите вы этого или нет. Куинн и Дин — «проблемная» пара, о которой говорят все. Я даже не назвал бы их парой. Это больше похоже на нескончаемое отвратительное шоу, единственное, от которого я никак не могу отвести взгляда. Я знаю, что есть причина тому, почему я не могу отвернуться, и я просто хочу, чтобы этой причины не было.

К этому может иметь отношение тот факт, что она пробирается в мою постель посреди ночи.

— Не вешай мне на уши это дерьмо, — кричит Дин, положив руки ей на плечи и толкая ее спиной к машине. — Где ты была?

Ощущаю внутри себя всплеск адреналина, когда он дотрагивается до ее плеча.

Куинн выпрямляется и оглядывается вокруг, чтобы посмотреть, кто за ними наблюдает. Я. Я наблюдаю и глазею на Дина.

Ох, с какой радостью я бы надрал тебе задницу прямо перед всей школой, придурок.

Я хочу подойти туда и сказать ему, что так не обращаются с девушкой, тем более с *этой девушкой*, но я не могу этого сделать из-за нашего прошлого с Куинн. Хотя я и хочу выбить все дерьмо из этого татуированного, обутого в ботинки со стальными носками наркомана, сегодня я не могу попасться на драке. Вечером у нас игра, и я не хочу, чтобы меня отстранили. Плавали, знаем. Не хочу повторения этого, будет плохо, если не смогу играть вечером. Также я понимаю, что основная причина моего невмешательства, это Куинн. Последнее, что я хочу, это сделать для нее все только хуже.

В чем драма?

Куинн была моей первой девушкой, но она порвала со мной в сентябре.

Почему мы расстались?

Я не уверен, что даже сама Куинн знает ответ на этот вопрос.

Я спрашивал ее много раз, и каждый раз получал одни и те же отговорки. Все, что я знаю, это как-то связано с Дином, но не уверен на сто процентов. Никогда не получал прямого ответа.

У Куинн было тяжелое детство, в некоторой степени даже тяжелее, чем у меня. Ее родители погибли в автомобильной аварии на Восьмом шоссе, когда ей было одиннадцать лет, и она была непосредственным свидетелем этого происшествия. Она находилась на заднем сиденье и видела, как ее отец истекал кровью, а тело матери вылетело через лобовое стекло на капот машины. Это было тяжело.

После смерти ее родителей старшему брату Куинн, Эмери, было предоставлено право на законную опеку над ней. С тех пор он растил ее с помощью своей девушки Риз. Я знаю, что Эмери заботится о ней и делает все возможное, но это трудно — растить ребенка, когда ты сам едва вышел из детского возраста. Когда погибли их родители, ему было всего восемнадцать лет. Сейчас он владеет своей собственной рыбацкой лодкой, трудится, не покладая рук. Иногда он уплывал на месяцы. Куинн практически росла сама по себе, и последние семь лет делала то, что хотела.

Я знаю Куинн с детского сада, где мы во время перерыва разделили пачку кекеров в форме животных и пачку сока. Лучший день за всю мою пятилетнюю жизнь. Это был тот день, когда Куинн Хэдли стала моей девушкой. Сейчас, конечно, определение «моя девушка» означает не то же самое, что значило тогда. Но уже тогда я знал, что люблю ее.

Естественно, мне потребовалось время, чтобы набраться смелости и пригласить Куинн на свидание. Мне было примерно тринадцать, за меня все сделали мои бурлящие гормоны, и я, наконец, поцеловал ее.

С того момента мы были в том официальном статусе парень-девушка.

Так было до выпускного класса, семь месяцев назад.

Я знаю, что думает большинство... Я — парень, поэтому, должно быть, я сделал что-то тупое, из-за чего девушка, с которой я встречался пять лет, порвать со мной, но, увы, это не так.

В начале августа я уехал в бейсбольный лагерь, и все было нормально. Когда в сентябре я вернулся, что-то изменилось. Две недели спустя она порвала со мной. Без нормальных объяснений, только куча криков и слез.

По причине, которую я никогда не смогу понять, Куинн захотела чего-то нового. Проблема в том, что до того, как мы с Куинн начали встречаться, мы были друзьями, лучшими друзьями, и от этого не так уж и просто уйти. Я всегда буду заботиться о ней.

Возможно, потому, что она держит меня поблизости и время от времени пробирается в

мою комнату.

— Детка, пойдем, — говорит Тейлор, вырывая меня из моих размышлений. Она тянет меня за руку, сильно дернув.

Мой взгляд перемещается от Куинн на Тейлор, и различия между ними двумя никогда не будут более очевидными, чем я вижу прямо сейчас.

Тейлор высокая, почти вровень с моим метр восемьдесят, с длинными ногами, волнистыми светлыми волосами, завязанными в «конский хвост», и большими, миндалевидной формы карими глазами. Она умная, гораздо умнее меня. И она любит меня. Я могу видеть это в ее глазах, пусть она никогда не говорила этого вслух. Она из богатой семьи, и ее отец ненавидит меня. Мягко говоря.

На самом деле, я бы сказал, он меня презирает. Он хочет, чтобы она была с кем-то, у кого есть деньги.

И, знаете, я считаю его засранцем, так что, полагаю, мы в расчете.

Мне едва хватает денег, чтобы залить бензин в бак своего грузовика, не говоря уже о том, чтобы обеспечить такой образ жизни для Тейлор, которого он для нее ожидает.

Теперь о Куинн. Она невысокая, чуть выше метра пятидесяти, с темно-каштановыми волосами, которые покрывают ее плечи, как занавес, за которым она прячется, веснушчатое лицо в форме сердечка с глазами цвета льда. И в последнее время она одевается, чаще всего, в черное.

Она не всегда была такой.

Раньше она была разносторонней. Капитан женской команды по спортивной ходьбе, энергичная. И я не могу понять, куда пропала эта девушка. Я даже не уверен, что она сама это знает.

Я следую за Тейлор, сохраняя дистанцию между нами.

Мои приятели Джейден и Ганнер ждут нас в школе возле моего шкафчика, оба стоят, непринужденно прислонившись к стене, одетые в свои толстовки с эмблемами «Диких Котов» и в бейсбольных кепках. Коридор заполнен учениками, одетыми точно так же в знак поддержки своей бейсбольной команды на нашей последней домашней игре в этом году.

Джейден, Ганнер и я будем править этой школой еще, как минимум, следующие три недели, пока не выпустимся.

— День Игры! — говорит Джейден, вскинув кулак в воздух.

— Точно, — мы ударяемся кулаками, и я позволяю рюкзаку соскользнуть с моего плеча на пол. И по тому, как он смотрит на меня, я понимаю — он чувствует, что сегодня я сам не свой.

Сегодня вечером мы будем играть с «Лэйк Квинолт», и сейчас мы непобедимы.

— Мы рассчитываем на тебя, Паркер, — напоминает мне Ганнер, игриво обвивая рукой меня за плечо.

Когда, наконец, звенит первый звонок, я быстро целую Тейлор в щеку на прощание — не в губы — и они с Ганнером направляются в сторону своего класса, а я иду вместе с Джейденом в свой класс.

Тейлор оборачивается, ее брови приподнимаются от моего странного поведения этим утром, но я только киваю в ответ.

— Что происходит? — спрашивает Джейден, как только мы садимся на заднем ряду в классе. Он почувствовал, что мое настроение изменилось.

— Просто... я не знаю, — я, правда, не знаю. Понятия не имею, почему чувствую себя

странно, но знаю, что это связано с Куинн и тем фактом, что неделю назад я получил предложение от Университета штата Флорида и ни хрена не сказал об этом Тейлор.

— Ты не рассказал ей об универе, так?

Должно быть, он читает мои мысли.

— Я и не собираюсь. Думаю, между нами все кончено.

Джейден кивает.

— Ага, я, вроде как, уже догадался об этом.

Джейден с Ганнером знают, что у меня нет намерений встречаться с Тейлор после школы. Это никогда не приходило мне в голову. Конечно, было весело, пока это продолжалось, но в том то и дело — это было просто весельем.

Когда дверь в кабинет закрывается, Куинн врывается в класс с последним звонком. Ее макияж размазан. Мне не нужно видеть черные потеки от туши, пересекающие ее щеки, чтобы знать, что она плакала; я могу почувствовать это по ее присутствию в помещении. Мои мысли поглощает сожаление — будто туман обволакивает мой мозг.

Она думала насчет сегодняшнего утра? Поэтому Дин зол? Он узнал?

Называйте меня, как хотите, даже эгоистом, но я не хочу, чтобы она была с кем-то другим, особенно с Дином. Я хочу быть единственным, кто зажигает ее улыбку и заставляет ее краснеть.

Я хочу спросить у нее, в порядке ли она, и, как ни странно, хочу обнять и сказать ей, что она намного лучше, чем эта заноза в заднице, в которую она превратилась. Я хочу попросить ее поехать со мной в колледж и оставить все это дерьмо в прошлом.

Я знаю, она сказала, что не знает, почему приходит ко мне, но этому должна быть причина. Почему ко мне?

Наши взгляды на мгновение встречаются, но потом она сразу отворачивается от меня. Она никогда не позволяет мне подолгу смотреть на нее, даже в моей комнате, может, потому, что боится, что я найду что-то в ее глазах и что-то скажу — скажу ей, что она совершила ошибку.

— Мисс Хэдли, — миссис Уиллер качает головой, — вы, вообще, собираетесь приходить в класс вовремя?

Куинн не отвечает, она никогда не отвечает. Она редко разговаривает с кем-либо, не говоря уже о представителях власти, которые специально стараются ее унижить.

Спустя мгновение тишины, миссис Уиллер отворачивается, отступая, и ставит свою чашку с кофе на учительский стол, поправляя очки в толстой оправе на своем узком носу.

— Почему бы вам, ребята, не открыть свои книги на десятой главе, и давайте уже начинать.

Краем глаза через весь класс я наблюдаю за Куинн. Раньше я думал, что знаю о ней практически все. А теперь у нее появились эти секреты, которые она держит в себе и никогда не позволяет никому увидеть, тем более принять их. Это темные мысли, которые не могут или не должны быть у восемнадцатилетней девушки, но, опять же, она выжила в катастрофе, которая убила ее родителей. Я думаю, что, на самом деле, у нее в голове крутится много всякой херни.

Проходят десять минут лекции миссис Уиллер, и наши с Куинн взгляды снова встречаются, она пялится на меня. Ничего нового. Она думает, что я достаю ее, пытаюсь заставить поговорить со мной, даже после того, как мы порвали, но, эй, это она пробирается в мою комнату посреди ночи. Я думаю, что имею право смотреть на нее время от времени и

задаваться вопросом, о чем, черт возьми, она думает.

Наш разрыв был жестким. Мы кричали и обвиняли друг друга в вещах, которые даже сами не понимали, но я не имел в виду ничего из этого. Если бы смог, я бы хотел вернуть назад каждое плохое слово, которое сказал ей, и я пытался это сделать.

Я хочу лучшего для нее. И, наверное, всегда буду этого хотеть. Я любил ее еще тогда, когда даже не понимал, что означает слово «любить», не говоря уже о том, чтобы держать ее в объятиях и никуда не отпускать.

— Какие планы на вечер? — хлопнув меня по спине, тихим голосом спрашивает Джейден. — Ты присоединишься к нам после игры?

Я немного поворачиваю голову, стараясь не привлекать внимание миссис Уиллер. Я — ее любимый ученик, и не планирую менять это сегодня.

— Ага, конечно.

Большинство наших школьных вечеринок проходит дома у Джейдена. Его родители бывают там редко, а когда они там, их не волнует, что мы тоже там, плюс его старший брат снабжает нас пивом. Это двойной выигрыш.

— Так что... сегодня вечером ты порвешь с ней? — стонет он. — Ты же знаешь, что она устроит сцену. Сделай мне одолжение, пусть это произойдет завтра.

— Заткнись, — шепчу я, прикладывая палец к губам и показывая на учительницу. Я, конечно, не примерный ученик, на самом деле это далеко не так, но мне нужно поддерживать свои хорошие оценки.

Что означает, не разговаривать во время урока.

— Киска, — бормочет Джейден, вздыхая, и пинает мой стул.

Мой стул движется вперед, что привлекает внимание Куинн, и она смотрит в нашу сторону холодными голубыми глазами без единой эмоции.

Раньше ее глаза были яркими, но за последние несколько месяцев этот блеск пропал. Раньше ее волновало, что надеть, и раньше у нее были кудряшки, на которые я любил смотреть. Я потерял свою девственность с этой девушкой. Я знал каждый миллиметр ее тела, но это было словно годы назад. С того момента, как мы расстались, она сбросила килограммов пять, и последняя улыбка, которую я видел, была, когда Тейлор врезалась в дверь, выходя из кабинета химии три месяца назад.

Куинн презирает ее. Если и существует кто-то, кого бы она хотела стереть с лица земли, то это Тейлор. Это даже не обязательно должен быть несчастный случай. Я думаю, что Куинн с радостью бы сама толкнула Тейлор.

Они не всегда ненавидели друг друга, этому послужили последние события. Думаю, когда ты начинаешь встречаться с бывшим парнем своей лучшей подруги, это мгновенно вызывает ненависть.

— Ты планируешь появиться у нас сегодня вечером, Кью? — спрашивает Джейден у Куинн, и добивается только того, что она отворачивается от него и переводит взгляд на окно.

Я удивлен, что Куинн ничего не говорит. В то время, как она не разговаривает со многими людьми, обычно она говорит с Джейденом. Сегодня она немного больше в себе, если это вообще возможно.

Миссис Уиллер останавливается на середине объявления нашего домашнего задания на выходные, когда звенит звонок. Куинн резко встает и вылетает за дверь, оставив свои принадлежности на парте, руками закрывая лицо, будто вот-вот расплачется.

Возможно, так и есть. Во мне снова взрывается тот же самый защитный всплеск

адреналина. Он резкий, ярко выраженный удар в грудную клетку, который выбивает из меня весь воздух.

Я так сильно переживаю, что хочу пойти вслед за ней, но, опять же, я этого не делаю. В большей степени потому, что прямо за дверью с улыбкой на лице стоит Тейлор, дожидаясь, пока нас отпустят.

Часть меня хочет оттолкнуть ее в сторону и пойти за Куинн, чтобы она знала, что я рядом, но я не делаю этого. Вместо этого, я прочищаю горло и натягиваю улыбку.

Тейлор не любит, когда при ней я даже упоминаю ее имя, не говоря уже о том, чтобы говорить о Куинн, а я не хочу ввязываться в ссору перед сегодняшней игрой. Так что я снова улыбаюсь и позволяю Куинн исчезнуть в конце коридора.

И снова большинство людей подумали бы, что я влюблен в свою бывшую, и просто отрицаю это. Последнюю часть я не отрицаю. Просто все немного сложнее, чем я могу объяснить, или я не знаю, *как* это объяснить.

Не произнося ни слова, я иду рядом с Тейлор и Джейденом.

Тейлор замечает это, и вкладывает свою руку в мою.

— После игры мы пойдем к Джейдену или вернемся ко мне домой? — спрашивает она, пытаясь соблазнить меня тем, что, мне это известно, произойдет в ее доме.

Она действует так, когда понимает, что я отстраняюсь от нее, и когда чувствует, к чему мы приближаемся. Это становится тенденцией. Мне семнадцать. Увы, ее предложение секса иногда срабатывает.

— Я планирую после игры поехать к Джейдену.

— О... — ее лицо вытягивается.

Опять мы возвращаемся к этому.

— Я полагал, ты пойдешь со мной.

Великолепно, я привел ее к мысли, что ничего серьезного не происходит. Но я понимаю, почему так поступаю. Последнее, что мне сегодня нужно, это быть не в форме во время игры.

Ее лицо светлеет после моего заявления, а взгляд останавливается на моих губах.

— Звучит здорово.

Подняв руку, я дергаю за шнурок на ее толстовке с эмблемой «Диких Котов». Я практически чувствую вину, зная, что собираюсь порвать с ней, а она об этом понятия не имеет, но, опять-таки, не особо-то ее ощущаю.

* * *

До обеда я больше не вижу ни Тейлор, ни Куинн. Тейлор ждет меня за нашим обычным столом с Ганнером и Джейденом, в то время как Куинн сидит в одиночестве в углу, просто пялясь в окно.

Для кого-то другого это выглядит так, будто Куинн просто смотрит на дождь, который бьет в окно, игнорируя звуки кафетерия, но я знаю ее или, по крайней мере, знал. Она безучастно смотрит в окно, и неважно, кто и что о ней скажет, потому что прямо сейчас, потерянная в своих мыслях, она даже не думает о своем существовании во внешнем мире. Если честно, я немного завидую ее способности так легко закрываться от этого мира. Это то, что она могла делать всегда, и то, в чем я никогда не был мастером.

Как только я занимаю свое место за столом, Тейлор садится ко мне на колени и начинает ковыряться в своем салате, пока я ем свою не-очень-вкусную пиццу из кафетерия. Это еще одна вещь, которую я добавляю в свой список того, по чему я не буду скучать, когда распрощаюсь с этой школой и с этим городом: печально представленное сомнительного вида жаркое по-мексикански и пицца на вынос, жертвой которых я являюсь последние четыре года.

Стараясь действовать не слишком очевидно, я оглядываюсь назад на Куинн и замечаю, что она очень низко опустила на лоб свою черную шапочку, отчего ее темные волосы спадают с обеих сторон по плечам, намеренно скрывая ее лицо.

Я ощущаю тяжесть в желудке. Я не уверен, из-за чувства вины ли это или из-за пиццы, но знаю, что когда вижу Куинн в таком состоянии, то чувствую себя очень плохо. Хотел бы я знать, о чем она думает. Хотел бы я знать, как вернуть назад не ту Куинн, в которую я влюбился, а ту, которая была моей лучшей подругой долгие годы.

Ганнер возвращает меня к реальности, прочистив горло и пнув мой стул.

— На кого ты смотришь?

Я удивленно моргаю, когда мой стул кренится вбок.

— На дождь, — вру я, раздраженный тем, что целый день продолжаю получать пинки. — Надеюсь, мы все-таки проведем сегодня вечером эту чертову игру. Похоже, все складывается не очень-то хорошо.

Ганнер стонет, выглядя разочарованным.

— Это будет отстойно. Все мои планы на эту неделю вертятся вокруг этой долбанной игры.

Наверняка так и есть. Ганнер весь в бейсболе, как и я сам, и если мы не будем играть, это собьет планы на все его выходные.

К счастью, звенит звонок, и ученики начинают продвигаться к выходу, гремя подносами, а я снова и снова возвращаюсь взглядом к окну. Я стараюсь делать вид, что смотрю на что угодно, кроме нее, и у меня это даже получается, пока я мельком стреляю в нее взглядом. Видеть Куинн в таком виде не так просто.

И, хотя я этого и не хочу, в очередной раз мой взгляд возвращается к ней. Хотел бы я иметь возможность сделать что-нибудь для нее.

— *Ничего.*

Это не ничего.

— Что это было? — спрашивает меня Тейлор, когда мы стоим в коридоре около ее кабинета биологии.

— Что? — я прикидываюсь дураком только потому, что понимаю, что будет дальше.

Она закатывает глаза и указывает рукой в сторону кафетерия позади нас.

— Ты снова пялился на Куинн.

Вот блин, это до добра не доведет.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — отхожу от нее, делая два шага назад. — Я смотрел в окно.

И на Куинн.

— Ну, конечно, — фыркает Тейлор, вытаскивая учебник по биологии из сумки. Она ждет, сверля меня взглядом, будто может видеть меня насквозь. — Прямо в то, где сидела она.

Тейлор ревнует меня к Куинн. Она не признает этого, но так оно и есть, потому что

Куинн первая завладела моим сердцем, и неважно, хочет Тейлор это признавать или нет, с ней у нас все началось с секса. Вот как все было в самом начале. Мы месяцами тискались по углам, прежде чем я пригласил ее на настоящее свидание. И я никогда не говорил ей, что люблю ее. Можно было подумать, что когда-нибудь она поймет эти чертовы намеки.

По тому, как поднимаются и опадают ее плечи, могу сказать, что она пытается делать успокаивающие вдохи.

— Временами я задумываюсь над тем, почему ты со мной.

Ага, и я тоже.

Я фыркаю, закатывая глаза и одновременно сжимая рукой шею.

— Как скажешь, Тейлор.

Я не хочу спорить с ней. Не в данный момент, поэтому игнорирую ее комментарий и ухожу.

Чейз

К счастью, большая часть дня проходит без особых событий. Дождь не прекращается, и все вокруг спорят о том, отменят нашу игру или нет. Их хватает только на то, чтобы об этом говорить, а не предпринять что-то. Возможно, потому, что в этом округе большую часть сезона мы играем под дождем.

По пути к воротам на очередную тренировку Джейден с силой бьет меня по плечу.

— Мужик, я буду в ярости, если у нас не получится сразиться с «Лэйк Квинолт».

Я киваю, соглашаясь с ним. Это было бы отстойно.

Наша команда для разогрева делится на две группы, и я обращаю внимание на то, какая здесь сырая почва. При каждом шаге мои бутсы утопают в земле, очень скоро носки промокнут насквозь.

По полю то и дело разносится смех, пока мы ловим летящий с брызгами воды мяч, поскальзываясь на лужах грязи в центре поля.

— Майерс, — кричит тренер своему помощнику, махнув в сторону четырех из нас. — Раздели их.

Они смотрят на меня, капитана команды, чтобы убедиться, что мы готовы к разминке. Я улыбаюсь и киваю, но в ответ ничего не говорю, и, поправляя свою перчатку, направляюсь на позицию между второй и третьей базой около расчерченной линии.

Грязь прилипает к моим бутсам, пока я стою на поле, принимая точный бросок. Несмотря на то, что мои движения натренированы, и я занимаюсь этим с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы удерживать биту в вертикальном положении, мне это никогда не надоест.

Играть для меня стало таким естественным занятием, что в это время я спокойно вслушиваюсь в звуки, окружающие меня, те, которые ассоциируются у меня непосредственно с игрой, и я понимаю, почему так сильно это люблю. Ученики и родители заполняют трибуны, тренеры, мои товарищи по команде, болельщицы и дети смеются и наслаждаются пятничным вечером на поле.

Осматривая собравшуюся толпу, я вижу, что тренер в очередной раз отчитывает Ганнера за постоянные опоздания.

Какое-то время Джейден также наблюдает за ними, только его взгляд задерживается на ком-то другом и становится более злым и хмурым, когда он замечает, как девушка, с которой он когда-то тусовался, присоединяется к группе парней на парковке. У нас у всех есть свои проблемы. Многие девушки думают, что проблемы есть только у них. Будто наш разум не способен воспринимать ничего, кроме спорта. Да, мы думаем о спорте, много думаем, но когда не думаем о нем, мы очень легко можем переключиться на что-то другое.

Ладно, может, это и не относится к каждому парню старшей школы, но для тех, у кого есть жизнь вне пределов классных комнат, это правда.

Когда поднимается ветер, я чувствую запах свежескошенной травы. На побережье всегда ветрено, и меня всегда настигает запах травы. Он напоминает мне о лете и времени, проведенном на этом самом поле, когда я тренировался и сходил с ума от мечты быть не только лучшим, но и иметь возможность с помощью бейсбола выбраться из этого

маленького городка.

Наблюдая за тем, как тренер подбрасывает в воздух мяч, слыша звук удара биты, как мяч, пролетая в двух метрах над землей, приземляется на первую базу, я сразу понимаю, насколько кое-кому будет больно.

— Сукин сын, — Джейден стонет и падает на колени, пропуская лайнер (*Примеч. Лайнер — резко отбитый в воздух мяч, имеющий маленькую дугу*), подвернув ногу, его худое длинное тело скрючивается от боли.

— Он был твой, Петерсон, — кричит тренер разочарованно.

Джейден — наш бейсмен. (*Примеч. Бейсмен — игрок квадрата, защитник базы. Всего их три. Первый, второй и третий бейсмены защищают соответственно первую, вторую и третью базы*). Я играю с ним с тех пор, как мне стукнуло четыре года, и он крайне редко пропускает лайнеры. Видите, девчонки пудрят нам мозги.

— Да, Петерсон, где ты витал в этот момент? — кричу я, улыбаясь.

Он стреляет в меня взглядом и показывает мне жест рукой, стараясь прикрыть его перчаткой. Его взгляд мечется между парковкой и тренером.

Я группируюсь и готовлюсь к следующему хиту (*Примеч. Хит — удар, при котором отбивающий достиг первой базы*), зная, что он будет в мою сторону, наблюдаю, как мяч покидает руку тренера и в этот раз со свистом летит в мою сторону. Я подпрыгиваю и разворачиваюсь вправо, чтобы поймать мяч перчаткой, потом, повернувшись, бросаю его в сторону второй базы.

Там стоит Ганнер, уже готовый его поймать, согнувшись так, как мы в течение недели снова и снова тренировались.

— Вот, как вы должны играть, парни! — вскинув руки, кричит тренер со скамьи у третьей базы, сплевывая скорлупу от семечек. — Я хочу видеть это всю игру.

Я быстро киваю тренеру, затем бросаю еще один взгляд на трибуны и улыбаюсь, заметив маму, сидящую на скамье рядом с Тейлор и машущую мне. Спустя все это время, я до сих пор не уверен, одобряет ли она Тейлор, но, опять-таки, она никогда не скажет мне об этом, если это и не так. Она просто хочет видеть меня счастливым, и если она решит, что Тейлор делает меня счастливым, то будет держать свое мнение при себе.

Наша разминка заканчивается, и я направляюсь к скамейке для игроков в сопровождении Джейдена и Ганнера, наши бутсы скрипят по бетону, когда мы выходим из грязи на поле.

Пока мы занимаем места на скамье, достаем семечки и «Гаторейд» (*Примеч. общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo*), тренер объявляет наш стартовый состав, кто пойдет первым, выкрикивает наши имена, зачитывая их из списка.

Если честно, я слушаю его только вполуха, потому что знаю, что наш шорт-стоп. (*Примеч. Шорт-стоп — игрок защиты, находящийся между второй и третьей базой*). С самого первого моего года тренировок я занял место шорт-стопа.

Заняв свое место на скамье, я достаю горсть семечек и протягиваю пакет Ганнеру, который сидит рядом со мной. Он качает головой, поэтому я передаю пакет Джейдену.

— Эй, мужик, — Ганнер кивает в сторону трибун, берет в руки биты, потом начинает искать на скамейке свою перчатку. Он никогда не умел делать это одновременно. — Твоей маме нравится Тейлор?

Это неожиданно. С чего это он беспокоится об этом?

Я в растерянности смотрю на него, потому что очень странно слышать от него такой вопрос, и мне становится интересно, почему он спрашивает об этом. Ганнера мало что волнует, кроме бейсбола и вечеринок.

— Понятия не имею, — я пожимаю плечами, отмахиваясь от вопроса. Я, правда, не уверен, что можно на это ответить.

Вместо этого, я поднимаю взгляд и мгновение наблюдаю за ними. Тейлор болтает без остановки, а мама вежливо слушает, как делала это всегда, с улыбкой на лице.

Гарантирую, она не особо слушает, что ей говорят. У моей мамы две работы и мало времени на сон. И я очень сомневаюсь, что она хочет разговаривать с Тейлор. Более вероятно, что единственная мысль, которая крутится у нее в голове, это, скорее всего, то, что она мечтает, чтобы у нее было больше времени на сон перед ночной сменой в баре, которая сегодня вечером начнется сразу после игры.

Я знаю, что все это она делает ради меня. Она так сильно хочет обеспечить мне ту жизнь, которой у нее самой никогда не было. Надеюсь, однажды я смогу отплатить ей за это и подарить такую жизнь, которую она заслуживает.

Тренер переключает на себя мое внимание, встав прямо передо мной.

— Ты хорошо себя сегодня чувствуешь, Паркер?

Нет. Не особо.

Но я киваю.

— Ага, — мой ответ уверенный и именно такой, какой он и хотел услышать. — Как всегда.

* * *

Мы на седьмом иннинге (*Примеч. Иннинг — период бейсбольного матча, во время которого команды по разу играют в защите и нападении. Как правило, матч состоит из 9 иннингов*) и сократили разрыв на два очка, когда замечаю, как на своей «Импале» с низкой посадкой к краю поля подъезжает Дин. Такое просто невозможно пропустить, звук двигателя разносится по воздуху с грохочущим завыванием. И, будто это недостаточно отвратительно, из колонок машины гремят басы музыки, привлекая внимание всего поля, пока он уменьшает звук своего дерьмового рэпа. Я бы с удовольствием швырнул мяч прямо в лобовое стекло машины этого придурка.

Когда отвожу взгляд, в меня врываются огни стадиона, напоминая мне о том, ради чего я здесь. Нет ничего лучше, чем играть в свою любимую игру под этими огнями.

Дин паркуется рядом с полем, около ограждения, выходит из машины и садится на капот, держа в руках сигарету.

Скорее всего, он здесь для того, чтобы продавать наркотики, и, к сожалению, половина парней нашей школы покупают их у него.

Я не вижу Куинн. Стоп. Какое мне вообще до нее дело?

— Паркер, твой выход! — кричит тренер, кивая в сторону отбивающего.

Я не бэттер. (*Примеч. Бэттер — игрок нападения с битой. Находится у «дома» с левой или с правой стороны перед кэтчером*). Я — тот парень, которого используют, когда нужно добраться до базы с хорошим твердым лайнером.

Я стою недалеко от скамьи запасных, глядя на двух парней, которые уже на базе, один

на второй, а другой на третьей.

Моя работа заключается в том, чтобы привлечь их обоих, и в процессе этого сделать дабл. (*Примеч. Дабл — удар, в результате которого бэттер сумел добежать до второй базы*).

Толпа скандирует мое имя, в том числе и мама с Тейлор, которые в данный момент стоят, поддерживая меня.

Я ухмыляюсь, глядя на них, и подмигиваю маме и Тейлор. Невозможно не любить этот гул толпы или тот прилив адреналина, когда по воздуху разносится твое имя. Растягивая руки над головой, я оглядываю поле, проверяя, где мне можно будет вступить.

Чуть ранее, во время игры, я заметил, что брешь между вторым и шорт-стопом «Лэйк Квинолта», похоже, никогда не прикрывается. Их шорт-стоп, кажется, борется на левой стороне, и я понимаю, что это мой лучший шанс.

Занимая место отбивающего, я дотрагиваюсь концом своей биты основной базы и перевожу взгляд на питчера. Он внимательно осматривает мою позицию, но я ничем себя не выдаю, мое тело вытянуто и расслабленно.

Давай, парень, просто брось мяч.

Когда он наклоняется, заводя свою правую руку за спину, я корректирую свою позу и чуть больше разворачиваю бедра.

Замахнувшись и твердо отбив мяч, я посылаю его лететь прямо в центр, сквозь их брешь, в метре над головой питчера. Он недостаточно быстрый, чтобы задеть его. Второй бейсмен ныряет за мячом в то же самое время, как наш раннер с третьей базы уже на «доме», а тот, который был на второй, оббегает третью базу. Если он займет ее, мы будем связаны, если это сделаю я, мы победим.

Центральный филдер (*Примеч. Филдер — полевой игрок*) находит мяч, когда я уже на второй базе, но я не останавливаюсь до тех пор, пока у нас не остается только один аут, и это будет конец игры. Я бросаюсь в сторону третьей базы, центральный филдер совершает бросок, слабо подбросив его, чем и дарит мне преимущество.

Сейчас мое зрение обостряется, кэтчер (*Примеч. Кэтчер — игрок, находящийся за «домом», принимающий мяч, который подал питчером*) раскачивается на своей позиции, собранный и готовый, когда я падаю и проскальзываю к «дому», просовывая свою ногу между его ног, чтобы дотянуться до базы раньше, чем он дотянется руками до моего бедра.

— Сэйф! — выкрикивает судья, разводя руки в стороны. (*Примеч. Сэйф — игровая ситуация, возникающая, когда бегущий достиг базы раньше мяча и захватил ее*).

В спешке я вскакиваю на ноги, сбивая с себя пыль, и улыбаюсь. Моя ухмылка скрыта, так как моя голова наклонена вниз, я веду себя так, будто не ожидал, что мы победим. Мне нравится сдерживать и контролировать свои эмоции, никогда не выдавая свое настоящего настроения. Я известен своим спокойствием на поле, и я не хочу сейчас менять это.

Пока иду к скамейкам запасных, смотрю в сторону трибун, все наблюдают за моей реакцией, и я подмигиваю своей маме.

Мое очко привело нас к победе в этой игре, со счетом 7:6.

Команда похлопывает меня по спине, когда Тейлор подходит к ограждению. Она улыбается, в знак преданности одетая в толстовку «Диких Котов» с моим именем и номером на нем.

Не знаю зачем, но стреляю взглядом в сторону парковки, а потом снова смотрю на Тейлор.

Перестань искать ее.

— Привет, — я обнимаю Тейлор, когда меня накрывает волна эйфории от победы. Увидев, что к нам приближается мама, я улыбаюсь. Она тоже надела свою толстовку «Диких Котов», но на ее голове капюшон, скрывающий волосы.

Я знаю, что она уже опаздывает, поскольку осталась на всю игру. Обычно она должна быть в баре в шесть вечера, а сейчас уже почти семь.

Я поправляю кепку, разворачиваю ее козырьком назад и целую Тейлор в щеку, потом делаю шаг назад, когда мама останавливается около нас.

Блин, зачем я это сделал?

— Спасибо, что пришла, ма.

Сделав шаг вперед, она притягивает меня в свои объятия.

— Будто бы я могла пропустить твою игру, Чейз. Если проголодаешься, когда приедешь домой, в морозилке есть замороженная пицца, — потом она смотрит на Тейлор, на то, как близко мы стоим. — Ночью никаких друзей.

Таким образом мама хочет сказать, что никакого секса в нашем доме.

Она никогда не разрешает приводить Тейлор, когда она в ночь на работе, поскольку думает, что мы будем заниматься сексом в моей кровати. Что она не понимает, так это то, что матери Тейлор плевать, чем мы занимаемся, она практически сует нам в руки презервативы. Нет нужды заниматься этим в моем доме.

Кроме того, мой грузовик тоже хорошо подходит для этого. Иногда в нем немного тесновато, но он все равно подходит.

— Сегодня вечером я собираюсь потусоваться с парнями, съесть по гамбургеру, — говорю я ей. — Отпразднуем победу в доме у Джейдена.

Мама кивает, поправляя волосы под капюшоном, и начинает копаться в сумочке в поисках своих ключей.

— Хорошо, ну, тогда будь осторожен.

— Как всегда.

— Паркер, поехали! — кричит Джейден из кузова моего грузовика, где они с Ганнером сидят в ожидании нас с Тейлор.

Мама кивает и направляется к своей машине.

— Отойдем на минутку, Чейз. Мне нужно с тобой поговорить.

Я не уверен, о чем пойдет речь, но говорю Тейлор, чтобы она подождала меня в машине.

— Я сейчас подойду.

— Ты сегодня хорошо сыграл, дружок, — говорит она мне, пока мы направляемся в сторону парковки.

Дождь продолжает лить, капли, как попкорн, отскакивают от ее куртки.

— Кто тот парень рядом с Куинн?

Я оглядываюсь и вижу Куинн, которая сейчас сидит рядом с Дином на капоте его машины.

Ух. Я даже не знал, что она здесь.

Моя мама всегда была равнодушна к Куинн. Я думаю, что она считает себя обязанной присматривать за ней, поскольку ее родители погибли. За что я, в некотором роде, ей признателен.

— Ее парень, — по моему тону можно легко понять, что мне не нравится то, что я сказал.

— Сколько ему лет?

Я оглядываюсь через плечо на ту сторону парковки.

— Точно не уверен. Кажется, он выпустился в прошлом году... так что, может, девятнадцать.

Мама бросает на меня взгляд, который будто говорит, как ты мог допустить это?

— Это не мое дело, мам. Куинн порвала со мной, помнишь?

Она знает, что мне до сих пор не все равно.

— Я знаю, но... — она вздыхает, и, сжав в ладонях ключ, открывает дверь машины. — Я просто думала, что вы двое все еще дружите. Я имею в виду, почему еще она пробирается по ночам в твою комнату?

Ну, ладно, она ее слышала.

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю, кто мы друг для друга.

Это правда. Я не знаю, кто мы друг другу. Может, незнакомцы с общим прошлым.

Куинн была самой популярной девушкой в нашей школе вплоть до начала выпускного года. Суть в том, что когда я вернулся домой из бейсбольного лагеря, Куинн была уже другим человеком. Улыбающаяся девушка, которую я оставил, как-то радикально изменилась, став той незнакомкой, которая меня встретила. Или, может, это произошло еще раньше, а я просто этого не заметил.

Хотя, разве это когда-нибудь срабатывало?

Разве вас никогда не преследовали мысли о том, чего вы не можете изменить?

— Не гуляй всю ночь, — наконец, говорит мама, вздыхая, пока садится в свою машину.

Я наблюдаю, как она выезжает с парковки, в то время как ко мне направляется Тейлор. Она со спины обвивает меня руками за талию.

Развернувшись, я притягиваю ее ближе, все еще возбужденный от победы, вдыхаю запах дождя на ее коже.

— Я готова к тусовке с «Дикими Котами», — говорит она, снова обнимая меня, проскользнув своими руками под моими.

Не знаю почему, но не могу остановить себя от мысли, имеет ли она в виду тусовку со мной или тусовку со всей командой?

Мысли в голове перепрыгивают с одной на другую. Мой чертов мозг зациклился на этом, хоть я и говорю себе, что это не так. Тейлор ни разу не дала мне настоящего повода не доверять ей, но после того, как уже однажды обжегся, шрамы заставляют тебя помнить о том, что это может произойти снова.

Я смеюсь от своей неуверенности и тяну ее за руку следом за собой.

Тейлор облизывает губы, привлекая мое внимание к ним и только к ним, а затем выпячивает свою грудь.

— Сегодня вечером тебе есть чем заняться.

Видите, какой убедительной она может быть. Она использует силу своих сисек против меня.

Сейчас мы находимся около моего грузовика, поэтому я понижаю голос, потянувшись к ручке двери.

— Это так?

Тейлор делает шаг ко мне и опускает руки на мою талию.

— Так ты собираешься отплатить мне или как?

Нет, скорее всего, нет. Хотя моему семнадцатилетнему мозгу приходит мысль сделать это еще раз, напоследок. Особенно после того, как этим утром Куинн остановила нас.

— Не будь жадиной, — поддразниваю я, шлепнув ее по заднице, пока она забирается в грузовик.

Ганнер и Джейден выпрыгивают из кузова и садятся в кабину. Для нас четверых места здесь не хватает, поэтому Тейлор садится на колени к Ганнеру.

Когда мы выезжаем с парковки, в салоне включается музыка, а кабину заполняют разговоры об игре, я снова замечаю «Импалу» Дина. Куинн там, стоит со скрещенными на груди руками под проливным дождем, отказываясь садиться в его машину.

— Черт, кажется, он уже сдался, — фыркает Тейлор, задрав свой нос, глядя на свою лучшую подругу. — Она безнадежна.

Это так? Неужели каждый из них настолько далеко зашел, что уже нет дороги назад?

Мое сердце грохочет в бешеном ритме от слов Тейлор. Не уверен, почему, но мне не понравилось то, что она сказала. Это не первый раз, когда Тейлор в открытую при мне оскорбляет Куинн, но по какой-то причине в этот раз это действует на меня по-другому.

— Если она возьмет себя в руки, то он попытается еще раз, — добавляет Джейден, пытаясь стряхнуть пыль со своих забрызганных грязью штанов.

Если она возьмет себя в руки, то он попытается еще раз.

Это заявление посылает нервный всплеск сквозь все мое тело, и я стреляю взглядом в Джейдена. Может, я и веду себя невозмутимо на поле, но сам по себе я вспыльчивый, и он это знает. Последнее, чего хочет Джейден, или даже Ганнер, это столкнуться с обратной стороной моего характера.

Меня бесит, что Джейден сказал такое о Куинн, потому что, нравится вам это или нет, но я не наслаждаюсь мыслями о том, что у Куинн есть секс с кем-то другим. Я это ненавижу.

Ага, она — моя бывшая подружка, однако мои чувства все еще не исчезли. Не к такой девушке, как Куинн. Как и картинки в моей голове, изображающие ее с другими парнями. Они преследуют меня с того момента, как мы расстались.

Более того, эти мысли заставляют меня прибавить скорость, чтобы побыстрее отъехать от парковки.

Я ненавижу, что она в моих мыслях, засела так глубоко, что я не могу не думать о ней, и заикливаюсь на взглядах, которые она мне не дарит.

Взгляды, которые получает он, а заслуживаю я.

Я снова задумываюсь, почему я такой.

Почему всегда Куинн?

Возможно, все это сводится к тому, что мы хотим иметь то, что не можем иметь, или, в данном случае, что не можем сохранить.

Куинн

Пока сажусь рядом с Дином на капот этого куска дерьма, именуемого «Импала», не могу удержаться и не взглянуть тайком на игру, которая проходит прямо напротив нас. Мне действительно плевать на то, кто победит в этой игре. Черт, я даже не знаю, с кем мы играем, но что я знаю точно, Чейз находится на этом поле, и я не могу сдерживать себя и не смотреть на него.

Дин раздраженно кусает свою нижнюю губу.

— Думаешь, если будешь пялиться на него, это поможет найти решение всех твоих проблем, да? Вот, где ты была сегодня утром?

Серьезно? Нет, Дин, избавиться от тебя — вот решение всех моих проблем.

Этот парень, который стоит с битой в руках, Чейз Паркер, до сих пор пытается спасти меня, чего мне никогда не понять. Я устала от людей, которые хотят меня спасти, и я хочу сказать им, чтобы они остановились. Это не стоит их времени, потому что, какой в этом смысл?

Как там говорится, тонущий корабль в любом случае потонет? Как только туда попадет вода, это станет неизбежным.

Почему он не может этого понять? Я — отлив, который убегает, выпивая все до капли, в ожидании надвигающейся волны, которая все не наступает.

Дин — мое тупое прикрытие для бывшего парня — выдыхает воздух, который сдерживал в ожидании моего ответа на вопрос, который я даже не слышала. Я порвала с ним прошлым вечером по причине, которую даже я сама не могу понять, и вот она я, стою рядом с ним.

Может, я ищу проблем. Может, я уже совсем ничего не понимаю.

— Это неважно, где я была, и, если честно, это не твое чертово дело, — говорю я ему, закатывая глаза. Сделав глубокий вдох, я смотрю вверх на серое небо, которое выглядит таким ярким, что я прищуриваюсь, а потом зажимаю глаза.

— Тебе обязательно всегда так вести себя?

Всегда?

Всегда означает, что я веду себя так все время, но никто не может вести себя одинаково постоянно, это уж точно. Я даже не уверена, что это вообще возможно, особенно с кем-то, вроде меня.

Это все равно, что сказать «вечно», и верить в то, что дерьмо и в правду случается.

Это неважно. Не в моей реальности.

Возможно, если вы — Тейлор Томас, такая реальность и существует.

Инстинктивно, но как бы невзначай, я начинаю отодвигаться от Дина. Резкий морской ветер бьет мне в лицо, словно пощечина, и звук удара биты привлекает мое внимание.

Я наблюдаю за ним со своего места, что ощущается, как расстояние в километры, и замечаю Тейлор, которая болеет за того, от которого я отказалась. Меня тянет к нему, даже когда я этого и не хочу. В те моменты, когда я так сильно стараюсь отвернуться от него, он удерживает мой взгляд, мое внимание и, в какой-то мере, мое сердце.

Чейз — звезда, которая ярко светит рядом со мной. Единственный лучик света в

темноте, и, естественно, меня к нему тянет.

Временами я задаюсь вопросом, почему он позволяет себе смотреть мне в глаза, когда она находится рядом с ним. Возможно, по той же причине, по которой и я не могу остановить себя от того, чтобы пробираться в его комнату. Потому что он позволяет мне это и не настаивает на ответах на свои вопросы.

Иногда я хочу потребовать у него вернуть мне назад мое сердце, поскольку он сейчас с ней, но он не сможет этого сделать. Но кого я, в итоге, выбрала? Парня, который выпускает дым от сигареты мне в лицо и притворяется, что ему не плевать на все, что я делаю.

Дину Раену плевать на все. Особенно на меня. Этого уж точно недостаточно, чтобы отдать себя кому-то полностью. Парни вроде него всегда будут хотеть от тебя большего — еще одну частичку тебя, над которой они смогут завоевать контроль.

Сейчас, в каком-то роде, так и происходит.

Ни разу не пропустив ни одной подачи на поле, Чейз снова отбивает мяч, и мой взгляд падает на его обтянутые серой тканью ноги и черные бутсы. Я сижу со скрещенными на груди руками, свежий весенний воздух щекочет мою покрытую мурашками кожу. Даже с расстояния он удерживает мое внимание, пока я наблюдаю, как он отбивает подачу — подначивания команды соперников никогда не мешают его концентрации.

Рядом со мной Дин ведет жесткую беседу с группой парней, которые от нечего делать покупают у него синтетику. Я игнорирую их и смотрю на то, как на середине поля Чейз ловит мяч.

Спустя мгновение толпа взрывается подбадриваниями, когда Чейз обходит третью базу и скользит на «дом», принося победу. Я наблюдаю, как он спокойно идет в сторону скамеек, чтобы отпраздновать вместе с ней свою победу. Я могу чувствовать с расстояния в сотню шагов, как он прижимается лицом к ее щеке. Это приводит к жжению в груди и к учатившемуся дыханию, которое срывается с моих трясущихся губ.

Хоть я этого и не хотела, но всегда что-то испытывала к нему.

* * *

Судя по решениям, которые я принимала, особенно в последнее время, можно было бы подумать, что такая девушка, как я, точно бы пошла на некоторые вечеринки в роли верной фанатки. Но все это время я оставалась сторонним наблюдателем.

В свою защиту могу сказать, что у меня вообще нет никакого желания тусоваться с кем-либо. Но я хожу туда, куда захочу, а в маленьком городке это неудивительно, когда в итоге все оказываются в одном и том же месте, хоть и не тусуются в одной компании — это неизбежно, и так же предсказуемо, как и в любой другой вечер пятницы.

Как там говорится: ты не сможешь принять верное решение, пока не примешь кучу неверных? Я точно уверена, что это высказывание было придумано матерями, у которых такие дочери, как я.

Ага. В этом вся я.

Иногда, проснувшись утром, я задумываюсь над тем, а моя ли это вообще жизнь? Я думаю о том, что, если бы я осталась здесь, в кровати, может, эта жизнь перестала бы быть моей. Может, я смогла бы и дальше притворяться, что кроме моей комнаты ничего больше не существует.

Но оно существует. Каждая его сломленная часть.

Думаю, в каком-то роде, решения, которые я приняла, и привели меня в итоге сюда. У меня был шанс многое исправить, но я не воспользовалась им.

Например, как сесть в машину к Дину Раену прошлым летом, когда я знала, что мне не стоит этого делать. В тот момент, как я сделала это, моя жизнь вышла из-под контроля.

Хотя нет, на самом деле это произошло четвертого августа. Дин был лишь верхушкой айсберга.

Дин, ну, он олицетворяет все, чем я не являюсь. Ему на все плевать, и в каком-то извращенном смысле я восхищаюсь его безразличным отношением к жизни.

Хотела бы я быть оцепеневшей, и ничего не ощущать. Но я не могу, что бы я сама себе не говорила. Я ощущаю все и даже больше. Существует такое мнение, что если ты в депрессии, ты не воспринимаешь окружающий мир. Нет, на самом деле ты ощущаешь слишком много всего. По крайней мере, так происходит со мной.

Я слышала, что есть такой наркотик, эффект от которого противоположный анестезии, и все нервные окончания в твоём теле становятся суперчувствительными. Понятия не имею, как он называется, но я чувствую, будто мне вкололи его шесть лет назад в той машине, и с тех пор он не покидает меня.

Также у меня есть такая тенденция — разрушать все хорошее, что есть в моей жизни. Если все идет хорошо, я найду способ все испортить.

Как с Чейзом, ну, и с Тейлор. Хотя, в случае с Тейлор моей вины там не было. У нее были виды на Чейза с того дня, как она переехала в Вестпорт в первый год старших классов, и я подружилась с ней. Это было лишь вопросом времени, когда она найдет к нему подход.

Может, это моя расплата. Полностью облажаться и потерять все хорошее, что было в моей жизни.

Когда я об этом думаю, то прихожу к выводу, что, наверное, так оно и есть — за все плохое, что я совершила. Это мое наказание за то, что я осталась жива, тогда как мои родители погибли в той же самой аварии. В тот день я была с ними в одной машине, только я выжила, а они умирали, угасали прямо у меня на глазах.

Еще одно наказание.

Дин Раен.

Дин напоминает мне Джеймса Дина, что очень ему подходит. Или даже Люка Перри, с которым, как я думаю, они тайные близнецы. Дело не в спокойствии, которым они все обладают, а в высокой самооценке. Ну, и их глаза. Они знают, как покорить тебя, как удерживать твоё внимание даже во сне, в темноте, не прикасаясь к тебе. Черт, они даже могут наложить на тебя заклятие, а ты даже не узнаешь об этом, и я презираю себя за то, как каждый раз реагирую на него. Наверное, поэтому я и стою здесь сейчас. Плохие парни сведут меня в могилу.

Он уж точно не тот парень, которого бы одобрила моя мама — если бы она была жива — но когда я говорю «наказание», то имею в виду, что у меня был хороший парень, но я ушла от него к плохому парню. Теперь мне остается только разбираться с последствиями.

С такими, как те, когда он думает, что, унизив меня на глазах у Чейза, он сможет получить ответы на свои вопросы.

— Он смотрит на тебя, — Дин кивает головой в сторону Чейза, на коленях у которого сидит Тейлор — идеальная пара, как с картинки, они смеются со своими друзьями.

Друзьями, которые раньше были и моими.

Друзьями, которых я раньше любила, в те времена, когда еще была нормальной.

В идеальном простом мире, который я поменяла на все это. В конце концов, если в моей жизни все так плохо, разве мне не полагается что-то сделать с этим?

Но легче сказать, чем что-то предпринять.

Когда моя мама была жива, она была одержима кофе и шоколадом. От шоколада у нее появлялась мерзкая сыпь на груди, которая неимоверно чесалась. Перестала ли она есть шоколад?

Не-а.

Она принимала «Бенадрил», с чего ей отказываться от чего-то такого вкусного?

Ладно, может, это объяснение и не имеет прямого отношения к неправильно принятым решениям, но все-таки небольшой смысл в нем есть. Мораль в том, что, несмотря на побочные эффекты, мы делаем то, что нам нравится, а не то, что пойдет нам на пользу.

— И... — бормочу я, забирая протянутый мне косяк. Дым врывается в мои легкие, щекочет горло, но я удерживаю его внутри. — Почему это так тебя волнует?

По-видимому, он забыл о нашем разговоре вчера вечером. О том, в котором я порвала с ним.

Я не смотрю на Дина или на Чейза, потому что с ними обоими тяжело справиться, поэтому я удерживаю свой взгляд на тротуаре и ботинках, пропитанных водой.

— Вы с нами? — спрашивает друг Дина, толкнув меня плечом.

Толчок отбрасывает меня прямо на Дина, который тут же резко хватает меня за плечи, прижимая к своей груди. От него пахнет сигаретами и пивом — тем, чем он пахнуть не должен. Дин окончил школу в прошлом году, но до сих пор тусуется на школьных вечеринках, и, хоть ему еще и нет двадцати одного года, от него всегда разит алкоголем.

Издали я замечаю, как Чейз выезжает с парковки бейсбольного поля. Я знаю, что, скорее всего, сегодня вечером мы окажемся в одном и том же доме, у Джейдена.

Высвободившись из объятий Дина, я отталкиваюсь от него и обхожу его машину, направляясь к своей, припаркованной рядом.

— Я сама доеду.

Он ненавидит, когда я так поступаю, но я категорична в этом вопросе по причинам, которые ему никогда не понять. Мне приходится быть такой. Мне больше не на кого рассчитывать.

* * *

Я подъезжаю к дому Джейдена одновременно с Дином и его друзьями, но из машины выхожу не сразу. Какое-то время сижу внутри и пишу сообщения Риз, девушке моего брата, которая живет с нами в нашем доме. Она спрашивает меня, в какое время я буду дома, и я отвечаю так же, как и всегда. Я не знаю.

Риз: Ладно, береги себя. И не садись пьяной за руль.

Я: Ладно, мамочка!

Риз: И не вздумай залететь.

Я: Ха-ха.

Риз: Я серьезно!

Я: Угу.

Риз: Эй, тебе пришло какое-то письмо из Университета штата Флорида, и оно толстое. Можно мне открыть?

По всему телу прокатывается волнение, руки начинают дрожать.

Я: Не вздумай, я сама должна его открыть.

Риз: Не буду. Но помни, не вздумай залететь. У тебя впереди есть будущее, девочка!

Я хочу ей верить, правда, но сама я не так в этом уверена. Может быть, поэтому я и выбрала Университет штата Флорида. Я хочу быть как можно дальше от всего этого.

Дин и его друзья выходят из машины на подъездную дорожку, подкуривают свои сигареты и передают по кругу выпивку. Я мысленно стону от мысли, как будет протекать этот вечер. Дин накурится и снова будет пытаться убедить меня вернуться к нему. Но я этого не хочу, не в этот раз.

На другой стороне подъездной дорожки на крыльцо выходит Чейз, Тейлор прижимается к нему сбоку, они держатся за руки.

Вокруг них снова скапливается десяток людей, поздравляя звездного игрока «Диких Котов».

Чейз — полная противоположность Дина, но в чем-то они очень схожи. Он выше, стройнее, атлет, который во всем преуспевает. Каштановые вьющиеся волосы по бокам сострижены коротко, а сверху чуть длиннее, хотя его редко можно увидеть без бейсболки. И все же, у них есть одна общая черта. Более, чем очевидная. Самоуверенность и темперамент.

Чейз ведет себя сдержано, хотя, благодаря бейсболу, получает много внимания. Он всегда был таким, но на этом все. В остальное время он ходит и разговаривает, будто он — Бог, притягивая тебя своими самоуверенными карими глазами, которые согревают своим взглядом, заставляют тебя поверить в то, что он идеален, потому что так оно и есть. Он — тот парень в школе, с которым хотят дружить все, он одаренный, привлекательный, тот, чье присутствие в мире заметят все.

Он не всегда приятный парень. Бывают моменты, когда он может быть полной задницей, но потом он вдруг дарит тебе эту свою маленькую ухмылку.

Я сравниваю ее с жизнью на северо-западе страны. Вы можете месяцами жить без солнечных дней, а потом появляется солнце, и вы вспоминаете, почему так сильно любите это место с его лесами и прекрасными видами. Только потому, что вы окружены облаками, еще не означает, что вы не можете оценить солнце и его красоту.

Я не уверена, что это сравнение подходит Чейзу так, как раньше думала, что подходит, но, все же, оно полностью ему соответствует.

С тех времен, когда он был еще маленьким мальчиком с измазанными грязью коленками, у Чейза была одна единственная цель: убраться из Вестпорта и никогда не возвращаться назад.

Долгое время я думала, что уеду вместе с ним. Я настраивала себя на то, что одним туманным утром мы вместе исчезнем, как корабли, покинув гавань. А потом я вспоминала о том, что девушки, вроде меня, не покидают Вестпорт. Мы остаемся, беременеем и проживаем свою жизнь, довольствуясь тем, что имеем.

Может, поэтому я выбрала колледж на восточном побережье. Я хотела убраться

подальше от этого города и той предсказуемой жизни, которая для меня предназначена.

Мне кажется, мама хотела уехать отсюда, но потом, когда ей было семнадцать лет, она забеременела Эмери. Мой отец, как и большинство мужчин, таких маленьких, отмеченных крошечной точкой на карте городов северо-запада Америки, был рыбаком и месяцами не появлялся дома. Хоть он и был на два года старше мамы, я думаю, она полагала, что когда он вернется домой и обнаружит свою подружку на шестом месяце беременности, он бросит ее.

Только он этого не сделал. Это было не в характере моего отца.

Он женился на ней в тот день, когда ей исполнилось восемнадцать лет — через два дня после рождения Эмери.

Я появилась на свет спустя девять лет, случайно. Ой. Хотя они никогда не давали мне повода чувствовать, что я была незапланированным ребенком. Они говорили мне, что я стала для них подарком, в котором они и не думали, что нуждались.

Иногда я чувствовала себя какой-то ошибкой, сбоем, который не должен был произойти, но произошел.

Это не потому, что мои родители не любили меня, я знаю, они любили, очень сильно любили, но я всегда задумывалась о том, что меня здесь быть не должно.

* * *

Мы сидим, держа в руках красные стаканчики с алкоголем, пить который нам еще слишком рано, когда Дин замечает, как в очередной раз за вечер Чейз смотрит в мою сторону. Я знаю, что последует за этим. То же самое, что и всегда — его попытки доказать всем, что он лучше. Я не считаю, что Дин лучше Чейза, нисколько.

Я думаю, они отличаются друг от друга как огонь и лед. Один настолько горяч, что может воспламениться от своей страсти, а другой — чертов кусок льда. Не трудно догадаться, кто есть кто.

Не думаю, что когда-либо понимала, почему у Дина зуб на Чейза, но, полагаю, это как-то связано со мной.

Дин относится к тому типу парней, которые думают, что они одни во всем мире и для меня. Как я уже сказала, сесть в его машину было самой большой моей ошибкой. Будто ты стал свидетелем убийства бандитов и внезапно обнаруживаешь себя в багажнике их машины, заложником, какого бы наказания они для тебя ни приготовили.

Также я знаю, что именно испытывает Чейз к Дину. Он его ненавидит, и при любой возможности эти двое цепляются друг к другу.

— Меня уже слегка достало, что эти красавчики пялятся на мою девчонку, — говорит Дин как бы невзначай, но у него это плохо получается — и никогда не получалось. Сказано это прямо и предназначено непосредственно мне, будто я должна что-то сделать с тем, что Чейз смотрит на меня.

— Почему это так тебя волнует, Дин? И я уже не твоя девушка, — говорю я достаточно громко, чтобы услышали его друзья.

Мое замечание разжигает его мстительную сторону.

— Почему бы тебе, сучка, не встать на колени, где тебе самое место, и не показать ему, кому ты принадлежишь, — Дин ухмыляется от своего комментария, будто сказал что-то забавное, и забирает назад сигарету, удерживая ее большим и указательным пальцами.

Мое тело напрягается, и я понимаю, что должна бежать отсюда, причем быстро.

Если бы только я прислушивалась к своим собственным советам, потому что я стою здесь, пока его друзья смеются и смотрят на него, как на святого, по-видимому, из-за того, что он себе позволяет так разговаривать с девушкой.

Если бы у меня была хоть какая-то сила противостоять ему, я бы ударила его за этот комментарий, но я никогда не вступлю в бой, в котором не смогу победить. В этом вся я. Я не хочу вырубиться от нокаута и растоптать свою гордость.

— Не будь придурком.

— Я буду тем, кем захочу быть.

Я забираю у него сигарету и бросаю ее в ближайшую лужу. Он скрещивает руки на груди в ожидании, будто я и правда это сделаю.

Без вариантов.

Развернувшись, он толкает меня, прижав к боку своей машины, его тело становится каменным напротив моего, и я ненавижу, что он делает это сейчас. Он выставляет все так, будто во всем всегда виновата я.

Всегда... опять это слово.

Только теперь его использовала я сама, и в этот раз это правда.

Когда его друзья уходят, Дин отстраняется от меня и, засунув в рот очередную сигарету, небрежно прислоняется к машине, будто только что он не опозорил меня перед всеми, будто только что он не унизил меня.

Смысл в том, что он не хочет, чтобы они знали, что мы расстались. Он не хочет, чтобы об этом узнали все, потому что это было не его инициативой.

Я не хочу плакать, но плачу. Не знаю почему. Внешне я могу показывать себя такой сильной, какой и хочу быть, но внутри, кажется, я никогда не смогу найти для себя те слова, которые мне помогут постоять за себя и на самом деле стать такой девушкой.

Вытерев слезы с моего лица, Дин несколько раз пробегает руками по беспорядку в своих черных волосах, потом надевает свою бейсболку, только в этот раз козырьком назад.

— Извини, — говорит он низким голосом.

Он не имеет это в виду. Я знаю это, потому что он постоянно это говорит.

— Нет, — я с вызовом качаю головой, смотря прямо в его глаза. — Тебя — нет.

— Я знаю, я был неправ, — большинство разговоров он начинает именно с этого. — Просто скажи, что мне сделать. Что мне сделать, чтобы все исправить?

Я даже не уверена, говорит он о нашем разрыве или о данном моменте, и есть ли для него вообще в этом разница. Я больше не приму его назад. Когда я сказала, что это конец, я это и имела в виду.

— Есть такое, что *нельзя* исправить, Дин, — говорю я, отвернувшись, и захожу в дом.

Куинн

В доме гремит рэп начала девяностых. Это напоминает мне об одержимости Джейдена Easy-E (*Примеч. Easy-E — американский рэпер, выступавший в рэп-группе N.W.A.*) и мне хочется улыбнуться, но я этого не делаю, потому что и сама всегда наслаждалась его музыкой.

Как только я захожу в дом, встречаюсь взглядом с Чейзом. Он тут же замечает мое настроение, но, как обычно, отводит взгляд в другую сторону, на *нее*, ту, которая обнимает его сбоку.

Каждый раз, когда я думаю о них, как о паре, то напоминаю себе о том, как мы пришли к этой отметке. А потом начинаю чувствовать боль в груди, и мне хочется найти Ганнера, чтобы дать ему по яйцам.

Теоретически, это не вина Ганнера, но мне хочется кого-то винить в этом, и он подходит на эту роль, потому что оказался в неправильном месте в неправильное время.

Мне немного интересно, ну, может, и не немного, что бы почувствовала Тейлор, если бы узнала о том, что я пробираюсь в комнату Чейза, по крайней мере, раз в месяц, и он позволяет мне это. Не то чтобы мы чем-то занимались. Я имею в виду, да, я целовала его один раз, может, два. Ладно, мы спали вместе дважды с тех пор, как расстались, и никогда не говорили об этом, и я не думаю, что в то время они уже были вместе. Может, они и были вместе, но о Тейлор он думал в последнюю очередь той холодной октябрьской ночью.

— Потанцуй со мной! — визжит Тейлор, дергая Чейза за руку.

— Я не хочу танцевать, — говорит он ей, качая головой, и пытается снова сесть.

Она не дает ему этой возможности, но по тому, как он смотрит на нее, могу сказать, что танцевать он точно не хочет. Неприятности в раю?

Прислонившись спиной к стене, я наблюдаю, как они танцуют, и не могу не заметить, как хорошо они смотрятся вместе. Воспоминания о нас с ним просто просачиваются в мой мозг. Ничего сильнее не хочу, как подбежать к ним и оторвать их друг от друга, и мне приходит на ум жалкая мысль.

Ух, ну почему она такая красивая и высокая, и такая собранная?

Даже ее чертовы волосы никогда всегда в полном порядке. Ее кожа светится и алеет во всех нужных местах, и пока я смотрю на нее, появляется ощущение, что я смотрю фильм про вампиров.

Неудивительно, что каждая девушка нашей школы изо всех сил старается походить на нее. Даже популярные девушки. Я знаю это не понаслышке, а по личному опыту.

Я стремилась к тому же, и мне не всегда было плевать на то, что думают обо мне другие.

Когда Тейлор начала учиться в нашей школе, я хотела быть такой же, как она. У нее было все: шикарный дом на пляже, стоимостью миллионы долларов, идеальное тело, волосы цвета платиновый блонд, которые никогда не вились и всегда лежали волосок к волоску.

Однажды я попыталась осветлить свои волосы. Они стали оранжевыми и сожженными. Прошло около года, прежде чем они снова стали нормальными.

Как-то Чейз спросил меня, зачем я это сделала. Он не мог понять, почему я хочу

изменить себя, чтобы быть похожей на кого-то другого.

Почему мы это делаем?

Почему мы часами просиживаем в «Пинтерест», «Инстаграм» или «Фейсбук», глядя на то, чего у нас никогда не будет, или позволяем себе с одержимостью наблюдать за чужими жизнями, или показываем своим парикмахерам такие прически, которые никогда не сможем укладывать самостоятельно?

Мы всегда недовольны. Мы создаем себе мечту, как создаем фейковые странички знаменитостей в социальных сетях, понимая, что никогда не будем ими, потому что мы — не они, но никогда не будем довольны теми, кем являемся.

Думаю, это нормально, особенно для подростков. Большинство из нас понятия не имеют, кто они внутри.

Полагаю, что даже большинство взрослых этого не знают.

Однажды я поделилась этими мыслями с Чейзом, по крайней мере, большей их частью. Думаю, что, с одной стороны, я вывела его из себя, а с другой — он понял, что я пыталась ему объяснить.

Хотела бы я сказать, что мое желание быть похожей на Тейлор испарилось, но в глубине души мне интересно, каково это — быть ею, чтобы Чейз снова держал меня в объятиях.

И тут же я начинаю скучать по его объятиям. По тем, в которые он вкладывал всю душу и тепло своего тела. В этом весь он. И сейчас они обнимаются так крепко, что мне кажется, я не могу вздохнуть до тех пор, пока он не отпускает ее.

Должно быть, мне стало так грустно из-за песни кантри, которая звучит на заднем фоне, пока я наблюдаю за тем, как они танцуют, потому что именно так я себя и чувствую. Чейз обвивает руками ее тонкую талию, бережно прижимая к своему телу. Он переоделся после игры, надев свою толстовку с капюшоном, джинсы, в которых он был в школе, и бейсболку, скрывающую от меня его лицо.

Они отстраняются друг от друга, и Тейлор, развернувшись, говорит что-то Чейзу, хоть я и не могу ее услышать. Вероятно, она сказала ему, что я на него смотрю.

Его спина каменеет. Обычно это происходит, когда он слышит мое имя, затем он поворачивает голову и бросает на меня взгляд через плечо. Что-то в том, как он смотрит, нервирует меня, кожу начинает покалывать, а дыхание сбивается. Мы застываем, и когда я встречаю его взгляд, я вижу, как он задыхается, вижу душевную боль, потерянность и безнадежность из-за девушки, которая не может без него существовать.

Я вижу любовь, я тоже люблю, и никогда еще момент не был таким всепоглощающим, как сейчас, когда я смотрю в его карие глаза.

Как ты можешь так на меня смотреть после всего случившегося?

Этот взгляд длится всего секунду, а затем он снова поворачивается лицом к ней, но отдаляется от нее.

Тейлор пытается поцеловать его, тянется к нему губами, но он отворачивает голову, отказывая ей, выпутывается из ее объятий и снова возвращается на диван.

Она пытается дернуть его на себя, покачивая задницей под музыку, надувшись из-за того, что он сел. Я не уверена, что он на это ответил, но я знаю Чейза, и публичное проявление чувств не в его стиле.

— Я сказал, нет, — говорит он ей резко, я уже видела этот взгляд раньше. Он в бешенстве.

Развернувшись, я несусь в сторону кухни за напитком. Мне в буквальном смысле приходится разбить одну парочку на пути к холодильнику. Они отодвигаются в сторону, пошатываясь, отказываясь отлепить друг от друга губы, и перемещаются из кухни в коридор.

Когда я останавливаюсь около стола, начинаю искать что-нибудь без алкоголя, и выбираю колу. Верите или нет, я мало пью. После прошлого лета.

Не могу сказать то же самое о Чейзе. Минуту спустя я снова замечаю его, когда мы оказываемся в одном и том же месте в одно и то же время, и кажется, что мы в комнате наедине. Так и есть, впрочем, кухня просматривается из гостиной, где находится Тейлор, и она может видеть, что мы не стоим рядом друг с другом.

Держу пари, она в бешенстве.

— Где Дин? — он говорит низким голосом, пока проходит мимо меня к холодильнику за пивом. Это удивительно, что делает со мной его голос — всего два слова.

Медленно я отклоняюсь, чтобы пропустить его, между нами повисает влечение, которое мы оба не можем отрицать. Благодаря его голосу, как всегда, в животе активируются тысячи бабочек.

Перестань реагировать на него.

Вот оно — то, от чего я никогда не могла отказаться.

— Откуда мне знать? — наконец, говорю я, открывая колу.

Чейз вздыхает. Кажется, что звук вырывается из самых его глубин, будто он либо сильно раздражен на себя, что спросил об этом, либо на меня за то, что я избежала ответа.

Когда он разворачивается, его взгляд блуждает по комнате, прежде чем остановиться на мне. Он изучает меня, потом снова вздыхает, сложив руки на груди. Я тоже смотрю на него, на его мускулистую грудь, широкие плечи, темные волосы, выглядывающие из-под алой бейсболки, на все то, что притягивает меня к нему.

— Зачем ты целовала меня сегодня утром?

Я не отвечаю. Я не должна отвечать.

Мне хочется провести руками по его рукам, почувствовать их силу, как я делала этим утром.

Я хочу, чтобы он обнимал меня этими руками, прижимая ближе, хочу почувствовать его дыхание на своей щеке.

Хочу сделать шаг вперед и прислониться головой к его груди, только чтобы снова услышать, как бьется его сердце.

Я хочу поцеловать его, и вспоминаю о том, какими на вкус были его губы сегодня утром, прежде чем ночь окончательно отступила.

— Почему ты позволяешь ему так обращаться с тобой? — спрашивает он, нахмурившись, а затем переводит взгляд на меня. На его лице нет эмоций, и мое сердце замирает от его вопроса.

Я больше не хочу прислоняться головой к его груди. Я хочу оторвать ее. Во всем виновата моя голова. Это все из-за него и нашей близости, когда во мне зашкаливает адреналин, а сердце вырывается из груди.

Хотя, его вопрос меня не удивляет. Все хотят понять, что я увидела в таком человеке, как Дин Раен, и как я смогла сделать плохого парня слабаком. Они восхищены тем, как проблемная девочка, которая прячется за своими темными волосами, заставляет его возвращаться к ней снова и снова.

Я хочу отвернуться от Чейза, проигнорировать его вопрос, будто он и не задавал его.

Только в Чейзе Паркере есть кое-что, что удерживает меня в его власти, от которой я никогда не смогу освободиться.

Чейз держит голову опущенной.

— Ты достойна лучшего, — руки, которые годами обнимали меня, засунуты глубоко в карманы джинсов.

Я недостойна тебя.

Я поспешно отворачиваюсь в другую сторону и, злясь на свою реакцию, сжимаю челюсть.

— Не надо, Чейз.

Начинаю понимать, что не смогу изменить того, кого люблю, кого буду любить всегда. И я говорю не о Дине.

Но я могу попытаться. Я даже могу полюбить кого-то другого, ну, по крайней мере, попытаться.

Но я никогда не смогу изменить того, кого полюбила впервые.

Возможно, это чувство со временем угаснет, но когда ты любишь кого-то по-настоящему, это не изменится. Такое нельзя вернуть назад.

— Что тебе сказала Тейлор?

Он медленно моргает, вытаскивая свою левую руку из кармана, и ковыряет трещину в кафельной плитке, которую Джейден разбил бейсбольным мячом два года назад.

— Что ты смотрела на меня.

И затем наши взгляды встречаются.

— Я не могу остановить это, — шепчу я, наши тела на расстоянии одного шага. Он знает, почему именно я не могу это остановить, так же, как я сказала, что не могу не пробираться в его комнату. Чейз был моим лучшим другом задолго до того, как мы начали встречаться, и когда мы расстались, потерять эту связь было для меня больнее всего. Я потеряла своего друга.

Чейз тянется к своему пиву и с хлопком открывает его. Его рука касается меня, когда он делает глоток пива, а затем наклоняется ко мне еще немного.

Я слышу, как он втягивает в себя воздух, а потом выдыхает.

— Ты не думаешь, что мне тревожно видеть тебя с ним? — его глаза так полны переживаний и боли, что это ранит. Такое ощущение, будто из комнаты выходит весь кислород, когда бы мы ни находились так близко друг с другом на публике.

Мы разговариваем уже не в первый раз за эти месяцы, прошедшие после нашего жесткого расставания. Хотя я и продолжаю жить своей жизнью, а он своей, мы не живем одной жизнью и никогда не бываем так близко.

Сейчас кажется, будто что-то сплотило нас вместе — сила, которую никто из нас двоих не может игнорировать.

Вспышка гнева пробегает по моей спине.

— А ты не думал о том, что мне не нравится видеть тебя с ней?

Он реагирует на мой вопрос и кивает. Опускает взгляд в пол, и чувство вины из-за его реакции бьет меня прямо в грудь. Он понимает, насколько мне это неприятно, потому что я не могу спрятать от него свои чувства, никогда не могла.

Когда мы с Чейзом расстались, я сказала себе, что больше не буду по нему плакать. И это у меня не получилось. Я сказала себе, что должна жить с последствиями от своих действий. Большинство дней я весьма успешна в этом. А потом я оказываюсь рядом с ним, и

моя способность держаться от него на расстоянии и при этом не чувствовать себя плохо, пропадает. Возможно, поэтому, я пробралась сегодня утром к нему в комнату, как делала это прежде.

Как только Чейз начинает говорить со мной, я чувствую, как у меня в груди просыпаются чувства, и понимаю, насколько дерьмовая сейчас у меня жизнь.

— Почему ты не можешь оставить меня в покое? — мой голос заглушается звуками музыки из гостиной.

— Потому что ты не хочешь, чтобы я это сделал. Если бы ты хотела этого, то не стала бы пробираться в мою комнату посреди ночи, заставляя меня думать, что тебе все еще не все равно.

Он смотрит на меня с негодованием, его взгляд холоден, и я больше не узнаю его. Чейза обидело мое замечание. Он сглатывает и переводит взгляд в пол, сдерживая в себе эмоции, которые не хочет, чтобы я увидела, или которые я больше не достойна видеть.

— Поверь мне, если бы я смог сделать так, чтобы мне было все равно, я бы сделал это, но я не могу. Я чувствую к тебе слишком много, и это отстойно, Куинн. Это отстойно, — когда он проходит мимо меня, то наклоняется так, что я чувствую тепло, исходящее от него, и я знаю, что буду скучать по нему. Я чувствую удары сердца в его груди, его дыхание на моем лице, когда он говорит: — Знаешь, настанет день, и я перестану задавать вопросы, и что тогда?

Ага, чувствую себя настоящей задницей, как всегда, когда нахожусь рядом с ним.

— Все совсем не так! — кричу ему вслед, чувствуя себя полной неудачницей. Только так оно и есть. Я все делаю неправильно, когда это касается Чейза или моей жизни.

Он вскидывает руку вверх, все еще отходя от меня.

— Нет, на самом деле, все так и есть, — рявкает он через плечо.

Потрясающе. Сегодня вечером я умудрилась разозлить всех.

Прошло много времени с тех пор, как я последний раз видела Чейза разозленным. Я быстро вспоминаю, как сильно ненавижу эту его сторону. Он не должен быть холодным. Он должен быть теплым.

Чейз

Так как это уже стало для нас новой нормальностью, я ухожу от Куинн, чувствуя себя взбешенным. Мне не нравится играть в игры. Я хочу получить ответы и хочу услышать правду. Я требую внимания, когда этого хочу, и хоть это и самоуверенно, как это может выглядеть, когда я с кем-то разговариваю, я ожидаю, что меня будут слушать. Если задаю вопрос, я ожидаю услышать ответ.

Куинн, ну, она не играет по этим правилам. Она не сказала ничего, будто хотела увидеть мою реакцию на это *ничего*.

Все по ее правилам. И мне это тоже не нравится. От этого я становлюсь неуравновешенным и начинаю зависеть от ее милосердия.

Вот в чем суть. Я не могу окончательно оставить ее в покое, потому что, несмотря на то, что я снова оказался в гостиной с Тейлор, сидящей на моих коленях, мои мысли все еще с Куинн.

Я верю, что некоторым людям нравится грустить. Это в их натуре — видеть стакан наполовину пустым, вместо того, чтобы заметить, что он наполовину полный. И потом, есть такие люди, как Куинн. Внутри нее похоронено что-то такое, что не позволяет ей стать счастливой, что-то, о чем она не хочет мне рассказывать. Что бы это ни было, оно так стремительно толкает ее к краю тьмы, скрывается в углу, выжидая момента, чтобы полностью уничтожить ее.

Куинн грустит не просто так.

И это не депрессия пожирает ее.

Это медленный процесс, который происходил годами, пока, в итоге, не стал требовать большего.

Я не могу игнорировать это. Оно не отпускает меня. Оно в ее словах, в ее воле, и под ее неизменным контролем продолжать отталкивать меня. Эта тьма осталась здесь, продолжает пожирать ее, пока полностью не уничтожит. Я не хочу, чтобы она была полностью уничтожена. Я должен ее спасти.

Я не могу отмахнуться от ранимости, на мгновение появляющейся на ее лице, предвещающей нервный срыв, который вот-вот у нее случится. Если бы я нажал немного сильнее, я знаю, что бы тогда произошло. Поэтому я не полез в это и оставил ее на кухне.

Она хоть понимает, как трудно мне было уйти от нее после сегодняшнего утра? Я ненавижу, что она показала мне проблески того, кем мы были, связь, которая у нас была, а потом оборвала все это. Она подвесила мое сердце над огнем.

Дин наблюдает за мной, сверлит меня взглядом из коридора, где он стоит, обернув руки вокруг нее.

Я бы с радостью выбил из него все дерьмо и дал бы каждому понять, кому на самом деле принадлежит Куинн, но, опять-таки, наверное, это не лучшая идея.

Я поднимаю взгляд на Тейлор и понимаю: да, скорее всего, так и есть. Я знаю, что она и ее друзья видели меня, разговаривающим на кухне с Куинн. Надрать задницу Дину — это, определенно, верный способ взбесить Тейлор.

Куинн ни на кого не смотрит, в ее руке бутылка воды, взгляд устремлен в пол. Я

заметил, что в последнее время она больше не пьет. Куинн всегда выпивала несколько напитков на вечеринках, и мне любопытно, почему это изменилось. Полагаю, это еще один вопрос без ответа.

Разговор вокруг меня сконцентрирован на Джейдене и Ганнере, которые делают в рюмках фэйрболы на столе напротив меня. Они смеются, из-за чего выглядят как идиоты, которые не могут сдержать свой смех или свои рюмки, они пихают их, показывая друг другу каждый свою.

Джейден выпивает свою и вытирает рукой рот, краснолицый и накачанный.

— Ты жульничал!

Ганнер растерянно смотрит на него.

— О чем ты говоришь?

Я не уверен, что Ганнер был в курсе того, что они соревновались. Он хмурится и переставляет свою рюмку на край стола рядом со мной. Он смотрит на Куинн, а потом возвращает внимание к Джейдену.

— Чувак, я не играл в твою тупую игру.

Ганнер не умеет проигрывать.

Мы зависаем на диване, когда Пайпер — одна из приближенных подруг Тейлор — устремляет на меня взгляд.

— Пошли со мной, Ти. Мне нужно с тобой поговорить.

Сучка.

Я ничего не говорю, когда Тейлор встает и уходит — не похоже, что хоть одна из них мной довольна. Вероятно, они говорят о том, что у меня произошло на кухне с Куинн.

Я наклоняюсь за своим пивом, намереваясь напиться и, возможно, вырубиться сегодня ночью на этом диване. К черту эту драму.

Джейден садится рядом со мной и показывает на Дина и Куинн, которые в этот момент выходят из дома.

— Когда этот придурок успел сюда прийти?

Черт, знал бы я сам.

Как обычно, Джейден игнорирует мое молчание.

— Что ты на этот раз натворил, чтобы разозлить прекрасную королеву? — спрашивает он, подкуривая сигарету.

— Не знаю, пофиг.

Скорее всего, я говорил не об обиженной Тейлор, а о Куинн, но, если честно, прямо сейчас мне плевать.

Джейден делает еще одну затяжку, а потом еще одну, и я качаю головой. Меня не особо волнует, что он, будучи спортсменом, каждые выходные много курит и пьет. Он тот парень, который, и ты в этом чертовски уверен, может всего добиться самостоятельно, но у которого недостаточно мотивов, чтобы на самом деле что-то сделать. Я не думаю, что он даже подал заявление на поступление в колледж.

От раздражения из-за такого вечера, я сжимаю пальцами переносицу в надежде, что жуткая головная боль стихнет. Внезапно у меня появляется желание уйти отсюда. Я оглядываю комнату, впитывая все эти потные, пьяные лица.

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что бейсбол и вечеринки — это еще не все? — спрашиваю я.

Джейден зевает в знак незаинтересованности, откидывается на спинку дивана и

подносит стакан к губам прежде чем понимает, что тот пустой.

— Может быть, — он наклоняется и тянется за еще одним пивом, которое ему протягивает его старший брат Райлан. — Но сегодня вечером мне на это плевать.

Я знаю, что в этом есть нечто большее, и, хотя я с нетерпением жду отъезда в колледж, еще больше я жду возможности убраться из этого города. Это было неплохое место для взросления, но жизнь здесь предсказуемая. Это гарантировано.

Здесь никогда ничего не добиться.

Если я останусь в Вестпорте, то в скором времени превращусь в Райлана, поставщика пива на школьные вечеринки, время от времени работая в доках.

Я не позволю себе стать таким.

* * *

Спустя еще две бутылки пива, я оставляю Джейдена на диване и выхожу наружу на скрипящий настил, где толпится куча двигающихся под музыку тел. Несколько девушек хватают меня, пытаюсь привлечь к себе внимание, их руки опускаются угрожающе низко, и я улыбаюсь, но не останавливаюсь. Прислонившись к перилам, я наблюдаю за сходящей с ума толпой, музыка X Ambassador гремит на весь двор. На улице до сих пор туман после дождя, но не похоже, что это кого-то волнует.

На самом деле, удивительно, что соседи Джейдена до сих пор не позвонили в полицию из-за такого шума. Обычно в это время копы уже здесь.

На траве одна парочка раскачиваются под музыку, и я замечаю Дина и Куинн, разговаривающих около его машины. Он стоит, прислонившись к крылу машины, руками обхватив голову, будто слушает то, что совсем не хочет слышать.

Я слышу, как грохочет мое сердце, злость возвращается. Если он прикоснется к ней, я оторву ему его чертовы руки.

Куинн стреляет взглядом в сторону толпы, а потом замечает меня.

Его взгляд следует за ее взглядом, а потом он замечает, что я стою на крыльце, и кричит:

— Есть какая-нибудь причина тому, что ты пялишься на нее весь вечер?

Я закрываю глаза, призывая себя не реагировать, и перевожу взгляд на землю.

Чертов придурок.

— Я задал тебе вопрос, — он выпячивает подбородок, требуя ответа, и кивает мне головой. Я хочу выбить к черту все его зубы. — Есть этому причина?

Он пытается вывести меня из себя, и, знаете что, я клюю на наживку.

Мое сердцебиение ускоряется, сознание говорит, чтобы я ушел, но я не делаю этого. Я вытаскиваю руки из карманов и скрещиваю их на груди.

— Проваливай отсюда, — наконец, говорю я, больше не в силах молчать. Я никогда не был тем, кто отступает, и уж точно не уступлю Дину Раену. И это потому, что, в отличие от большей части мужского населения Вестпорта, я его не боюсь. Поэтому, я выдаю: — Не та причина, которую я бы сказал тебе.

Наблюдая за ним, я могу сказать, что он хочет сказать мне, чтобы я перестал смотреть на его девушку, но до него она была моей, и, если спросите меня, это намного значительнее.

Когда я оглядываюсь вокруг, вижу, что толпа затихла. Я замечаю Тейлор, она стоит на

газоне вместе с Пайпер. Куинн все еще стоит рядом с Дином, они обе смотрят на меня.

На одной стороне Куинн.

На другой Тейлор — руки на бедрах, выглядит так, будто собирается наброситься на меня, как только мы останемся наедине.

Я снова думаю о том, что мне бы следовало уйти, потому что я знаю, что сейчас здесь назревает. Кое-что, что назревало слишком долго, и ничем хорошим ни для кого из нас это не закончится.

Дин стоит около своей машины, потом решает, что я заслуживаю взбучки, когда я спускаюсь с крыльца.

Началось.

Я опускаю взгляд на землю и делаю глубокий вдох. Потом еще один. Он стоит напротив меня, будто ждет, что я отступлю.

Я делаю ему еще одно предупреждение, моя поза становится жесткой, и меня потряхивает от мыслей, которые я не могу контролировать.

— Проваливай с моих глаз.

По сравнению с Дином, я в более выгодном положении, но это никогда не имело для него никакого значения. Он всегда готов заварить кашу, которую самому потом приходится расхлебывать. Он хватает меня за толстовку, сжимает ткань в кулаках, когда я под не очень удобным углом пытаюсь освободиться от его захвата.

— Что ты сказал?

Я толкаю его в грудь, но недостаточно сильно, чтобы освободиться от него. От понимания того, к чему все это идет, по мышцам проходят судороги, челюсть сжимается, в ушах пульсируют удары сердца.

— Ты меня слышал.

— Нет, не думаю, *Паркер*.

У меня появляется внезапное желание сделать так, чтобы он истекал кровью. Я никогда никого ненавидел так сильно, как ненавижу Дина в данный момент. Как будто вся моя ярость и раздражение последние восемь месяцев подпитывались адреналином и ненавистью.

— Почему ты не можешь оставить ее в покое? — он приподнимает бровь. — Просто прими тот факт, что твоя девушка трахает кого-то другого.

Я смеюсь и качаю головой. *Тупой ублюдок.*

Руки трясутся, а в груди становится тяжело от мыслей в моей голове. В течение многих месяцев я хотел поставить этого мудака на место, дать ему понять, что он не такой крутой, как думает о себе.

Я смотрю на него, нет, я плююсь на него, давая ему понять, какими будут для него следующие несколько месяцев.

— Если ты не хочешь, чтобы я надрал тебе задницу перед всеми, включая Куинн, то уберешься к черту с моих глаз прямо сейчас, сядешь в свою машину и уедешь, — я делаю шаг вперед, наши грудные клетки соприкасаются, мы не отводим друг от друга взглядов.

— Да ладно, парни, не делайте этого! — умоляет Куинн откуда-то со стороны. Никто из нас не поворачивается, чтобы посмотреть на нее, опасаясь, что это даст другому преимущество.

Я знаю, что, теоретически, это обернется проблемами для Куинн, но она не имеет никакого понятия, насколько сильно я ненавижу этого парня.

Не имеет понятия.

Дин выдавливая смешок и слегка кивает.

— Что тебя больше волнует... что она трахает меня... или тот факт, что она предпочла меня тебе?

У меня сжимаются все внутренности, злость и адреналин закипают в моем теле от мыслей о том, на что он намекает. Я не могу сдержаться, не в этот раз. Не после того, как имел возможность обнимать ее сегодня утром, и не после того, как услышал, как она сказала, что нуждается во мне. Я больше не контролирую себя, и пихаю его в плечо.

— Ты хочешь, чтобы я надрал твою тупую задницу? Этого ты хочешь?

Я уже готов замахнуться на него, жду, пока он разозлит меня еще больше. Возможно, это мой способ накрутить себя, подготовиться к драке. Понятия не имею, но, в любом случае, так и делаю.

— Знаешь, что меня удивляет? — он не ждет моего ответа, потому что знает, что я не собираюсь отвечать. Мне насрать на то, что его там удивляет. — Вы с ней настолько самоуверенны, что думаете, будто в вас двоих есть что-то такое особенное, из-за чего от вас невозможно просто так уйти, — он закатывает глаза и еле удерживается на ногах, оступившись, когда я толкаю его, потом переводит взгляд на меня. — В тебе нет ничего особенного, и *никогда* не будет. Смирись с этим, Паркер, половина мужского населения побывала между ног Куинн.

Это последнее, что говорит мне Дин, прежде чем я замахваюсь и наношу ощутимый удар ему в челюсть — окружающая толпа кричит на нас в возмущении и просит остановиться.

Но я вижу только красный цвет, и полностью теряю чувство реальности. Это пульсирует в моей голове, стучит как молоточек и поглощает все мои мысли. Я не могу вынести саму мысль о ком-то другом рядом с ней в этом плане.

Дин подходит ко мне с диким взглядом, сопровождая это ударом в мою челюсть. Он готов меня убить. Удар болезненный, разбитые губы широко раскрываются, но для меня это не первый раз, когда меня ударяют в челюсть. И, скорее всего, не последний.

Я сплевываю кровь, наношу ему еще два удара, он извергает на меня проклятья, когда Куинн кричит, чтобы я остановился.

— Чейз, остановись!

Дин поворачивается и смотрит на Куинн, всматривается в нее, а потом поворачивается обратно ко мне. Я приподнимаю плечо и врезаюсь им в его живот, мы оба падаем на влажную траву. Грязь с земли просачивается в мои джинсы, когда я получаю над ним преимущество.

— О, да, это охренительно тебя волнует, правда же? — спрашивает Дин, провоцируя меня еще больше, когда плюется кровью мне в лицо.

Моя кепка слетает, когда люди тянут меня за плечи и за толстовку, но я продолжаю наносить ему удары. Я вкладываю всю свою злость в удары, мои кулаки все в крови и покраснели. Удар за ударом, с нас обоих льется кровь, пока мы катаемся по грязной траве.

В какой-то момент он поднимается, я снова рвусь за ним, и мы оба врезаемся в бок его машины. Даже после этого я не перестаю наносить столько ударов, на сколько хватает сил.

Я не произношу ни слова, не могу. Я слишком далеко зашел. Я намерен доказать этому бездушному ублюдку, что во всех отношениях лучше него, и что у него нет никакого права так говорить о ней. И мне уже на самом деле насрать, кого я могу разозлить. Я хочу, чтобы он истекал кровью.

Над нами гроыхают беспокойные облака, тяжелый поток дождя пропитывает мою одежду и падает на шею, в то время как я все не отпускаю его. Несмотря на окружающие меня крики, я все еще далек от самоконтроля, и не хочу заканчивать это. Мы снова сталкиваемся, его голова откидывается назад, ударяясь о капот, и мы падаем на гравий. Я изо всех сил пытаюсь заполучить преимущество на сыпучем гравии, но у меня не получается.

— Достаточно! — кричит Райлан с крыльца, перепрыгивает через перила и мчится на газон. — Проваливай отсюда к чертям, Дин.

Кое-как мы снова встаем, и я делаю очередной шаг к нему.

— Давай, ты, кусок дерьма! Давай, закончим это! — кричу я в ответ, и, прорвавшись сквозь толпу людей, в очередной раз наношу ему удар.

— Давай! — провоцирует он меня, махая рукой перед моим лицом. Он едва может разлепить глаз, но я знаю, что это его не остановит.

Появляется Джейден и становится передо мной, отгораживая меня от Дина.

— Стой, мужик, — он качает головой, его глаза широко распахнуты. — Успокойся!

Я сопротивляюсь, не желая быть тем, кто отступит, и смахиваю капли дождя со своего лица.

— Отпустите меня! — кричу я, вырываясь из захватов.

Все смотрят на меня — вернее, на мое окровавленное лицо — пока я пытаюсь восстановить дыхание, во мне бурлит адреналин.

Видят ли они, что делает со мной эта девушка?

Видят ли они, насколько это больно — находиться рядом с ней, драться и истекать кровью так, как я делаю ради нее?

Эти люди, ожидающие моей реакции, знают меня как сильного человека, короля школы, чертового святого, на которого они равняются.

Рядом с Куинн Хэдли я не могу быть ни одним из них.

Я делаю все, на что она меня толкает. Как, например, это. Дерусь, чтобы доказать что-то самому себе.

Делая рваные вдохи, я вытираю с лица капли воды, и на моих руках появляется еще больше крови.

Сейчас я смотрю на Куинн, мы впираемся друг в друга взглядами на расстоянии, и я вижу, что она плачет. Окружающая толпа закрывает меня от нее, но потом я снова не могу сдержаться и опять ловлю ее взгляд, зная, что она все еще здесь, чтобы посмотреть, что я собираюсь делать дальше.

Ее слезы... ее чертовы слезы стекают по ее щекам, и пока я стою здесь под дождем, я чувствую, будто они приземляются на мою кожу. Если утром после ее поцелуя у меня еще была надежда, то сейчас, когда вижу ее взгляд, я ощущаю потерю. Ее слезы — это влага, которая может никогда не высохнуть, река, которая может течь в никуда, море, которое может поглощать корабли.

Почему она?

Почему я не могу оставить ее в покое?

Потому что.

Я знаю, что могу спасти ее.

Дождь бьет мне в лицо, и мы застряли в том моменте, когда она понимает, что я не могу отступить. Я сделал это из-за нее. Потеки от туши стекают вниз по ее грустному лицу, под ее глазами большие черные круги — раньше в них можно было утонуть, сейчас же они

выглядят потухшими.

Я хочу сказать что-нибудь, подойти к ней, увести ее от всего этого, но застываю на месте, глядя на эти слезы.

Вот он я, детка. Вот каким я стал без тебя.

Куинн качает головой. Отвернувшись от меня, она не позволяет мне увидеть ее боль.

Ганнер и еще несколько парней из команды подбегают ко мне и встают между мной и Дином. Была б моя воля, убудка увезли бы на носилках.

Я что-то кричу ему. Я не совсем уверен, что именно, потому что сейчас я не в себе. Подняв свои окровавленные руки в воздух, я снисходительно улыбаюсь своим друзьям и делаю шаг назад, наклоняясь, чтобы поднять свою бейсболку.

— Ты в порядке? — спрашивает Ганнер, хлопая меня по спине.

Я стряхиваю его руку.

— В порядке.

Надеваю бейсболку козырьком назад, а потом оглядываюсь вокруг и вижу Тейлор, которая наблюдает за мной.

Она приближается ко мне, глазами метая в меня кинжалы.

Я удивлен, что она осталась, но точно знаю, что произойдет, как только мы останемся наедине — то же самое, что происходило все последние шесть месяцев. В этих отношениях никогда не было любви или чувств. Они начались по расчету, и, наконец, пришло время их закончить.

— Отвези меня домой, Чейз, — говорит она срывающимся голосом.

Не глядя на нее, я киваю в сторону своего грузовика, припаркованного под деревом.

— Забирайся в машину, — говорю я, стараясь сдержать гневные ноты в своем тоне. Я выдыхаю сдерживаемый воздух, стирая кровь с губ, все еще не глядя на нее.

Она разворачивается и идет к моему грузовику, а я направляюсь в дом за своими ключами.

Около входной двери стоит Джейден.

— Я думал, ты останешься. — он смотрит на мое лицо, на кровь, и качает головой.

— Не могу, — говорю я ему, скидывая его руку. — Я должен отвезти Тейлор домой.

— Мелинда может ее подбросить, — он смотрит назад через плечо, потом снова на меня. — Она где-то здесь.

— Я сам отвезу ее, — говорю я и забираю ключи с полки около двери.

Когда запрыгиваю в грузовик, Тейлор подпрыгивает от звука захлопнувшейся за мной двери.

Я не говорю ей ни слова, пока завожу грузовик, по большей части потому, что знаю, что она будет кричать, либо реветь всю дорогу до своего дома. Это, определенно, произошло бы не в первый раз.

В конце концов, Тейлор все-таки начинает говорить. И это только еще больше меня злит.

— Ты вообще можешь вести машину? — спрашивает она, чем переключает мое внимание на себя, указав на мой внешний вид. — Сколько бутылок пива ты выпил?

Я не смотрю на нее.

— Прежде всего, это ты потребовала, чтобы я отвез тебя домой. И я в порядке, — мой тон холоден, и от этой враждебности она вздрагивает.

Поверьте мне, любой кайф от вечеринки прошел давным-давно.

— Что, черт возьми, все это было, Чейз? Дин прав... ты весь вечер не сводил с нее глаз. Почему?

Видите? А я говорил. Даже не дождалась, пока мы выедем с подъездной дорожки Джейдена.

Я не хочу ей отвечать. Это не ее чертово дело.

Все, что я хочу, это остаться в одиночестве.

Я не могу сказать ей, что все еще люблю Куинн. Не вариант. Поэтому отвечаю на вопрос, передернув плечом. Переключившись на задний ход, я натягиваю на кулак рукав и провожу им по разбитым губам.

— Чейз, я не тупая, — в ее голосе звучит отвращение ко мне, и прямо сейчас эти чувства, определенно, взаимны. — Я имею в виду, Господи, посмотри на себя. Ты влез в это из-за нее. Я знаю, что вы с Дином подрались из-за Куинн.

Вздыхая, я отвожу от нее взгляд. Я истощен. Как же меня все это достало.

— Мы можем поговорить об этом позже?

Не знаю, почему избегаю этого. Я понимаю, что должен покончить со всем этим, но прямо сейчас у меня просто нет на это сил.

Тейлор закатывает глаза.

— Ага, конечно, Чейз. Мы можем поговорить об этом позже.

Это означает, нет.

Я отсчитал почти три минуты, которые ей потребовались на то, чтобы в очередной раз отказать мне.

— Знаешь, что, — *ага, вот и началось,* — я хочу поговорить об этом *сейчас*.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать.

— Я не понимаю, почему вы двое не можете перестать пялиться друг на друга. Выглядит так, будто вы оба застряли в прошлом. Почему ты не можешь просто отпустить его?

Это не мой выбор. Дело не в том, что я не хочу его отпускать, а в том, что *не могу* этого сделать.

Естественно, я этого не произношу. Рядом со мной было достаточно девушек, чтобы знать, что мне не нужно говорить того, о чем думаю. Выкручивайся, как можешь, и веди себя естественно. Я ничего не говорю и пялюсь в лобовое стекло, дворники быстро скользят по стеклу. Приближающаяся машина моргает фарами, вероятно, потому, что у меня горит дальний свет. Переключатель сломался на прошлой неделе, и мне нужно будет починить его.

И даже не дождь делает езду затруднительной, а чертов туман. Он практически ослепляет.

— Ты любишь ее? — спрашивает Тейлор, глядя на меня.

Она должна была спросить об этом.

Да, люблю. Ничего не могу с этим поделать. Неважно, как сильно бы я ни пытался изменить ответ, чувства глубоко во мне я изменить не могу. Я познакомился с Куинн в то время, когда не имел никакого понятия и представления о любви, и это произошло так естественно, будто это сама судьба. Я люблю ее, и это никогда не изменится. И этого не изменит ни одна сломленная часть ее.

— Да, — отвечаю я, когда мы заезжаем на подъездную дорожку дома ее родителей, спустя добрых десять минут после того, как она задала мне этот вопрос. Все эти десять минут меня не переставало трясти от адреналина после драки. Пожалуй, я не прочь

вернуться и закончить начатое.

В глазах Тейлор стоят слезы.

— Да, что?

Я зажмуриваю глаза и отворачиваюсь от нее. Надавливаю ладонями на глаза и делаю глубокий вдох, понимая: то, я скажу дальше, положит конец всему, что было между мной и Тейлор.

— Я люблю Куинн.

Она явно в шоке от моего признания, ее глаза округляются.

— И что это должно означать?

И снова, я не отвечаю ей. На самом деле, я не знаю, что означает моя любовь к Куинн, кроме того, что она существует.

Тейлор поднимает руки к лицу и вытирает пролившиеся слезы, прежде чем крепко зажмуриться.

— Давай поговорим об этом завтра утром.

— Нет, давай поговорим об этом сейчас, — отрезаю я. Не могу продолжать так дальше. Пришло время все закончить. — Мы старались избегать...

Я не договариваю до конца, потому что она выпрыгивает из грузовика и бежит в дом. Она сделала это намеренно, чтобы удержать нас от разрыва.

Твою мать.

Я ударяю кулаком по рулю и тянусь за своим телефоном. Не собираюсь продолжать тянуть с этим, и, понимая, что веду себя, как полный мудака, отъезжаю и отправляю ей сообщение.

Я: Мы расстаемся.

Как я и ожидал, не успеваю я выехать со двора, она присылает ответное сообщение.

Тейлор: Ты придурок! Как ты посмел порвать со мной через смс?

Я: За это можешь поблагодарить саму себя.

Куинн

Я наблюдаю за тем, как Чейз покидает вечеринку, больше ни разу не взглянув на меня. Его руки и губы в крови, и это напоминает мне о том, насколько он сильный. Он настолько безумная, упрямая, неисправимо-страстная личность, что я просто не могу не любить его.

— Что, черт возьми, это было? — спрашивает Мелинда, схватив меня рукой за плечо. От нее пахнет пивом и начос.

Мелинда — моя единственная подруга, приходящая-уходящая девушка Ганнера и единственная подруга, которую я не потеряла, когда рассталась с Чейзом. Она моя единственная неизменная подруга. Я пробираюсь в ее комнату так же часто, как и в комнату Чейза.

— Без понятия, — говорю я ей, качая головой, и глубоко вдыхаю прохладный сырой ночной воздух. — Мне нужно идти.

Только я не могу это сделать, потому что ко мне идет Дин, вытирая рукой рот. Он в ярости, а я знаю, как его ярость сказывается на мне. Если бы я могла двигаться, я бы сделала это. С каждым движением, которое приближает его ко мне, я ощущаю беспомощность.

Он останавливается напротив меня и смотрит таким взглядом, будто разочарован.

Встань в очередь, чувак.

Дин хватается за меня и запикивает в свою машину. Он беззвучно смеется. Захлопнув дверь, он обходит машину и садится на водительское место. Я знаю, зачем он это сделал. Последнее, чего бы он хотел, это чтобы все увидели, насколько он нестабилен, именно поэтому он и запикинул меня в машину.

— Пожалуйста, не делай этого сейчас, — я содрогаюсь от боли, потирая плечо, которым ударилась об дверь, и снова бросаю взгляд на Мел, которая смотрит на меня с сочувствием, понимая, что если вмешается, то сделает только хуже.

— А какой реакции ты ожидала от меня? — спрашивает он, его слова бьют меня по лицу, как порыв ветра, и я перевожу свой взгляд на его дикие глаза. Я видела это взгляд раньше и знаю, чем все это закончится. — Я на самом деле устал, что на меня здесь все смотрят, как на идиота.

Ерзаю на сиденье, выпрямляя спину, пытаюсь показать свою силу.

— Я хочу просто уехать домой.

Он наклоняет свою голову, будто плохо меня расслышал, и кладет обе руки на руль, сжимая его так сильно, что костяшки пальцев становятся белыми. Кровь стекает по его скуле, левый глаз настолько распух, что почти закрыт, но не похоже, что это хоть как-то его волнует.

— Домой? — он смеется, качая головой, по-видимому, от отвращения. — Почему бы тебе не сказать, чего ты хочешь на самом деле? Просто признай, что собираешься к нему.

Я пристально изучаю его взглядом, свет от фар машины освещает одну сторону его лица. Его губы в крови, лицо в красных подтеках в тех местах, куда пришились удары Чейза.

— Ты собралась ехать следом за ним, разве не так?

Так.

— Дин, мы расстались с тобой прошлым вечером. Какая тебе разница?

— Ага, ну, ты могла и соврать мне, — он вытирает открытые губы ладонью и убирает с лица свои черные волосы. — Почему ты не можешь ему сказать, чтобы он отстал? Ты трахаешься со мной, но я знаю, что по ночам ты пробираешься в его комнату и делаешь там что? Ты и с ним тоже трахаешься?

Я задумываюсь над тем, когда я стала девушкой, которая скрывается за черной шапочкой и серой толстовкой, разорванной по краям, и которая позволяет, чтобы на нее кричал ее бывший парень.

Я не реагирую на то, что Дин матерится, на его обвинения в том, что я все делаю неправильно. Вместо этого я плююсь на свои руки и серые рукава, которые натягиваю на них. В сером я чувствую себя комфортно. Черный цвет предполагает что-то плохое, белый предсказывает что-то хорошее, но серый, серый это просто цвет между теми двумя, который, так же, как и я сама, никогда не вписывается ни в какие стандарты. Серый — мой цвет, потому что это цвет моей жизни, облаков надо мной.

Когда я начала рассматривать свою жизнь как разные оттенки серого?

Случилось ли это тогда, когда умерли мои родители?

Или это произошло уже позже?

Нет, я знаю, когда это началось. Это произошло прошлым летом и стало самой большой ошибкой в моей жизни.

Кто-то стучит по окну со стороны Дина и машет ему двадцаткой.

— Оставайся в машине, Куинн.

Пока Дин общается со своими клиентами, я сижу внутри машины с открытым окном, слушая разговоры собравшихся на лужайке, которые думают, что я их не слышу. Мне нужно было бы выбраться из машины и уйти, но я сижу здесь, поглощенная разговором снаружи.

— Вы верите этим двоим? — девушка указывает на Дина, подносит к губам свой стаканчик и делает глоток.

— Дину и Brentу? — спрашивает вторая девушка, развернувшись и уставившись на черную «Импалу», в которой сижу я, а Дин стоит, прислонившись к капоту.

— Нет, я имею в виду, Дина и Куинн. Они выглядят как-то... Не знаю, странно.

В любом случае, что вообще является нормальным?

Эти девушки сами-то знают это?

Каково определение этого слова?

Я думаю, что для каждого оно означает что-то свое.

Большинство людей сейчас считают меня кем-то вроде изгоя. Они скажут: «Ох, посмотрите на нее, она несчастный трудный подросток, потому что ее родители погибли в автомобильной аварии».

В течение долгого времени я получала особое обращение и экстра внимание. Не то, чего я хотела в тот момент, но мои родственники даже прислали мне экстравагантный подарок на день рождения и сотни баксов в подарок на Рождество, чтобы компенсировать мою потерю. Я не знаю, пытались ли они таким образом подтолкнуть меня к тому, чтобы я жила с ними, а не с Эмери, но спустя некоторое время это прекратилось, и жизнь стала такой, как была раньше, только без родителей.

Нам с Эмери удалось сохранить дом, в котором мы росли. Жизни обоих наших родителей были застрахованы, поэтому страховка окупила дом, и деньги были внесены в мой трастовый фонд на колледж.

Со своей половины денег Эмери купил рыбацкое судно и начал свой собственный

бизнес, поэтому мог заботиться обо мне сам. И тогда со стороны казалось, что все получилось, но в реальности все было совсем не так.

Я была в восьмом классе, когда поняла, что, несмотря на веру, что все будет хорошо, я уже никогда не смогу быть такой, какой была до этого происшествия. Сказать, что я испытывала чувство вины из-за того, что выжила, ничего не сказать. Я, как неустойчивый склон холма с потенциальной возможностью схода земли.

Я продолжаю наблюдать за группой первокурсниц, подслушивая их через приоткрытое окно.

По их хихиканьям становится понятно, что они в восторге, что находятся здесь, в доме у выпускника. Полагаю, что в некотором роде я даже не могу их винить, потому что, будучи первокурсницей, я была точно такой же, как они.

Одна из них стоит ближе ко мне, ее хихиканье разносится на весь двор, но никого не привлекает, будто она невидимка.

— Если бы вы могли выбрать парня из школы, с которым потеряли бы девственность, — начинает она, резко дернув рукой со стаканом в сторону подруг, — кто бы это был?

Они взвизгивают от ее вопроса, каждая из них начинает рассматривать бейсбольных игроков, которые сейчас стоят на газоне, но, похоже, они все склоняются к тому, чтобы выбрать Чейза, так же, как сделала бы я, но его здесь больше нет.

Он уехал сразу после драки. Он, наверное, целуется с Тейлор в своем грузовике. Эта картинка в моей голове ранит, отдается болью в груди, будто в ней застрял нож.

— Чейз Паркер, — почти все соглашаются с ней, но кто-то называет Джейдена, остальные называют имя Ганнера.

— Но Чейз занят, — говорит одна из девушек. — Как бы на самом деле занят. С Ганнером у вас было бы больше шансов.

Когда она произносит эти слова, мне становится так больно, что я делаю глубокий вдох, в надежде, что боль уйдет.

— Ты не говорила, что он должен быть *доступным*, — уточняет другая, а затем вздыхает так, будто говорит о кинозвезде. Для нее Чейз вполне может казаться кинозвездой. Наверняка, именно таким он для нее и выглядит. — Что бы я только ни сделала, чтобы отдать свою девственность Чейзу Паркеру.

Не уверена почему, но я улыбаюсь. Может, потому, что я сама сделала это, и до сих пор помню все о той ночи на углу улицы, где мы остановились, запотевшие окна, он, сражающийся с пуговицами на моей рубашке, как он дышал мне в шею.

— Ну, если уж у Куинн был такой шанс, то я просто *обязана* попробовать, — говорит другая девушка, смеясь, будто сказала что-то забавное.

Им смешно. Вот она я — девушка, которая в прошлом году пропала с карты социальной жизни и превратилась в цель для шуток всей школы. Полагаю... это забавно.

Пока они смеются, Ганнер подходит к машине и стучит в окно, и я опускаю его, так как надеюсь, что он засунет свою голову внутрь, и смогу поднять окно и обезглавить его.

— Ты что-то сказала ему? — он говорит низким голосом, не желая, чтобы кто-то его услышал.

— Нет, Ганнер. Я бы никогда не причинила ему боль таким образом. У нас была договоренность. Зачем мне это делать?

Он пожимает плечами. Мне хочется открыть дверь, а потом прижать ей его руку, чтобы даже не вздумал прикасаться ко мне этой ночью.

— Извини. Просто сегодня вечером он вел себя так... странно. Почему тогда они подрались с Дином?

— Какого черта я должна это знать? Он встречается с Тейлор Томас, может, поэтому он вел себя так *странно* сегодня вечером?

Ганнер смеется, его плечи слегка трясутся, потому что он думает, что я пошутила.

И он продолжает стоять здесь, будто считает, что я должна сказать что-то еще.

— Что-то еще?

Он хмурится, и я знаю этот взгляд. Такой знакомый. Он смущен.

— Ничего.

И затем, он уходит.

Ганнер не хочет, чтобы Чейз узнал о том, что произошло прошлым летом, преимущественно потому, что для него Чейз — это весь мир. И, конечно же, он не хочет причинять боль своему лучшему другу, рассказав, что однажды ночью, когда его не было в городе, мы напились и переспали.

Я тоже не хочу, чтобы Чейз узнал об этом. Несмотря на то, что не помню подробности той чертовой ночи, я не хочу, чтобы Чейз узнал о ней.

Как только Ганнер уходит, Дин садится обратно в машину. Мгновенье он смотрит на меня, его губы дергаются, будто он собирается что-то сказать, но в итоге только хмурится.

Интересно, он видит, как действует на меня? То, как я подыхаю рядом с ним, когда он хранит молчание, а он каждый раз просто тратит на это еще чуть больше времени?

Дело в том, что его это не заботит. Мы оба это знаем. Его никогда не будет волновать это.

— Я уезжаю, Дин. И не с тобой. Я хочу поехать домой одна.

— Нет.

— Ты же понимаешь, что в этом и есть причина? Именно в этом, поэтому у нас никогда ничего не получится, — именно поэтому я и рассталась с ним.

Я тянусь к ручке двери и выбираюсь наружу, добившись только того, что он тоже выбирается наружу и быстро останавливает меня у своей машины.

— Отпусти меня! — кричу я на него.

На его лице расплзается улыбка, он кивает, и затем медленно аплодирует мне. И тогда я понимаю, что несколько человек, стоящих поблизости, пялятся на нас, включая тех первокурсниц, которые сказали, что я странная.

Учтите, девочки, вы еще ничего не видели.

Я раздраженно вздыхаю и показываю ему средний палец, а он пренебрежительно подмигивает.

— Ты такой мудака! — я отталкиваюсь от него, отказываясь возвращаться в машину. Ему это не нравится, и он прижимает меня к машине. — Убери от меня свои руки! — кричу я, толкая его в плечи. — Я не шучу. Не прикасайся ко мне!

— Хватит бороться со мной, Куинн! — говорит он медленно, переполненный гневом.

— Пошел. Ты.

Я на грани слез, но стараюсь не показывать ему, что в очередной раз расстроена из-за чего-то, что он сделал, хоть и очень сильно хочу разреветься. Я хочу свернуться клубочком и плакать, пока во мне не останется ничего.

— Нет, — он качает головой, раздраженный тем, что я не поняла его по его взгляду. — Ты больше не будешь это делать, не так ли?

— Я тебя ненавижу! — я кричу это со всей силы, уже не заботясь о том, кто может нас услышать. Я думаю, даже надеюсь, что сила в моем голосе в этот момент заставит его увидеть, что на меня это не действует, никогда не будет действовать. — Вот *почему*. Я ненавижу то, что ты делаешь со мной.

Меня не волнует, кто нас слышит, или что мои слова сейчас значат для него. Дин появился в моей жизни, когда я ненавидела себя. Это произошло сразу после той ночи с Ганнером, и я даже не понимала, что он делает со мной, пока не стало слишком поздно.

Когда я снова смотрю на него, его глаза настолько темные, что это пугает.

— Хочешь знать, почему ты со мной? — его голос настолько глубокий, что в нем отпечатывается боль, которую я не могу понять.

— Нет. Меня это больше не волнует. Я просто хочу уйти.

— Нет, пока мы не закончим разговор.

— Остановись, ты ведешь себя, как ненормальный. Отпусти меня, — в моем голосе паника, которую он улавливает и делает шаг назад, поднимая ладони вверх.

На секунду он замолкает, а потом говорит:

— Ты еще не видела сумасшедших, — он позволяет мне сделать шаг назад, и я его делаю.

Я знаю, что Дин неуравновешенный. Я уже видела это и понимала, что, порвав с ним, я выпущу наружу эту его сторону.

— Куинн... да ладно. Просто поехали со мной.

У него биполярное расстройство. Я верю в это. Его настроение переключается слишком легко, слишком быстро.

— Зачем? Почему я должна ехать куда-то с тобой?

Он оглядывается через плечо на своих приятелей с другой стороны машины, потом снова смотрит на меня.

— Ты мне должна, — шепчет он, наклоняясь, чтобы оказаться лицом к лицу со мной. Он удерживает мое лицо одной рукой, а другой опирается на крыло машины.

Еще чего, черт возьми.

— Я ничего тебе не должна, Дин. Мы протусили вместе несколько месяцев, и я с этим закончила. Не то чтобы ты был мне верен. Почему бы тебе не найти одну из них, чтобы утолить свои потребности этой ночью?

Его глаза округляются от удивления, но лицо остается безучастным — он не собирается выдавать свои чувства.

— Я не тупая, Дин. Я знаю, что ты изменял мне все то время, что мы были вместе.

Он качает головой, снисходительно улыбаясь мне.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Я видела вас две недели назад. *Здесь...* в этом самом доме, я видела, как ты шел по коридору, застегивая свою ширинку, а прямо за тобой шла Тейлор. Разница в том, что мне все равно. Мне все равно, кого ты трахаешь. Я просто хочу, чтобы ты оставил *меня* в покое.

Я на самом деле горжусь собой. Начиная с того августа, я больше ни разу не защитила себя, но с этим покончено.

Если Дин думал, что я не знаю о его периодических интрижках, то он еще более сумасшедший, чем я представляла. До сих пор мне не хватало духу рассказать Чейзу о том, что я знала. Я хотела сделать это сегодня утром, но не смогла поступить так с ним. Я уже один раз разбила его сердце.

Дин невозмутимо щелчком пальцев выкидывает сигарету в ближайшую лужу и смотрит на меня. Его бейсболка все еще надета козырьком назад, и недостаточное внимание с его стороны только еще больше злит меня.

— У меня нет времени на это, Дин, — я выпрямляюсь. Я порвала с ним, но он отказывается признавать это и продолжает вести себя так, будто ничего не изменилось. *Все* изменилось. Я больше ему не подчиняюсь. — Просто признай это. Между нами все кончено, и тут больше не о чем говорить. Не делай из этих отношений что-то большее, чем они были, просто двигайся дальше.

Кусая нижнюю губу, он поднимает руки вверх, неторопливо потирая свою челюсть.

— Так же, как ты уже двигаешься дальше?

Я горько смеюсь, сжимая руки в кулаки.

— Я так и думала, что ты переведешь все стрелки на меня.

— Знаешь... я не сделал ничего, о чем *она* не просила, — говорит Дин, будто подчеркивая очевидное. — Она сама пришла ко мне.

Я смеюсь.

— Поэтому ты это сделал? Потому что тебя попросила об этом Тейлор? Конечно, она попросила тебя об этом. Она хочет разрушить мою жизнь.

— В любом случае, какая разница?

— Я уезжаю.

Дин стонет и тянется к моей руке, дергая меня назад.

— И что, ты собираешься просто уйти? Это так по-детски. Куинн, ты не можешь...

Я отталкиваю его, и он оказывается на крыле своей машины.

— Ты ошибаешься. Я могу и сделаю это. Между нами все кончилось еще до того, как началось, что бы это ни было. Просто отстань от меня.

Подобно тому, как наблюдали за дракой Дина и Чейза, все наблюдают за нами. Их взгляды обжигают, и я ненавижу, что они находят развлечение во всем этом, в моей жизни.

— Оставь меня в покое, — говорю я Дину.

— Ты приползешь обратно, — спокойно говорит он, подкуривая очередную сигарету.

— Черт меня подери, если я это сделаю.

Глубоко вдохнув, я направляюсь к своей машине, припаркованной на улице, понимая, что если не уйду сейчас, он заставит меня остаться.

Куинн

Дорога к дому мне знакома.

Слезы и смущение, все это тоже очень знакомо.

К сожалению, это моя разрушительная реальность.

Жизнь, потраченная впустую.

Поездка напоминает мне, как я покинула вечеринку тем летом, ту, когда я совершила самую большую ошибку в своей жизни и переспала с Ганнером.

Что мне знакомо, так это боль в груди, когда сжимаются все внутренности от понимания того, что я причиню Чейзу боль, если он все узнает, в другом случае я бы никогда ему не соврала.

Прямо сейчас я хочу поехать к нему домой и умолять его, чтобы он выслушал меня, только я не могу этого сделать, не причинив ему боль снова. Также я не хочу разрушить его дружбу с Ганнером, рассказав ему обо всем.

Я живу недалеко от Грейленда, в десяти минутах от дома Джейдена. Дорога не плохая, но вокруг устрашающе густой туман, и я едва могу что-то видеть сквозь него. Это продолжается в течение нескольких минут, он окутывает дорогу, будто покрывалом, пока дождь заливает шоссе.

Я предельно внимательна, но это так трудно — смотреть сквозь туман, когда лучи дальних фар светят из-за поворота. Туман настолько густой, что кажется, будто перед машиной стоит прочная белая стена.

Мигаю фарами, пытаюсь дать понять встречной машине, что у них включен дальний свет, и он слепит меня, но ничего не меняется, он остается включенным.

— Что за черт? — я снова мигаю фарами и снова ничего не меняется.

В глазах жжет, и я быстро моргаю, стараясь сфокусироваться на густых белых облаках.

Грузовик становится ближе, дождь так сильно хлещет по лобовому стеклу, что дворники не могут справиться со стремительными потоками воды. Я прищуриваюсь, свет фар слишком яркий. А потом это происходит.

Наши машины сталкиваются лоб в лоб, внезапно и жестко. Оглушающие звуки металла и стекла разрезают толщину воздуха. Моя машина начинает вращаться по кругу, шины скользят на мокром асфальте. Автомобиль становится неуправляемым, его выносит в кювет, как я полагаю, но я не могу разобраться в какой.

В течение нескольких секунд ко мне приходит понимание. Я ощущаю всплеск адреналина, который посылает острую боль сквозь все мои кости. Не понимаю, где я. Мои глаза широко распахнуты, а сердце бьется так быстро, что только это я и могу слышать, когда вращение наконец-то прекращается. Я поднимаю руки к пульсирующей голове и понимаю, что произошло, когда сдвигаюсь на своем сиденье. Меня окружает разбитое стекло. По чувствительности локтя и запястья, сразу могу сказать, что моя левая рука, должно быть, сломана. Опустив на нее взгляд, я понимаю, что да, определенно, она сломана.

— О, Господи, — я медленно выдыхаю. — Что, черт возьми, произошло?

Так аккуратно, как только могу, я пытаюсь передвинуться на сиденье. К счастью, мне это удастся, и я открываю дверцу машины. Когда я толкаю ее, она скрипит, и стекло из

разбитого окна осыпается на асфальт. Выбравшись, я пытаюсь разобраться в окружающей меня обстановке. Задняя часть моей машины находится в кювете, перед находится под углом к дороге. Слева от меня, напротив дорожного знака, грузовик — он полностью в кювете, и теперь выглядит просто смятой грудой металла. Обе машины уничтожены, старенький «Линкольн» моего отца и грузовик этого парня. Глядя на машину, становится необъяснимым тот факт, что у меня только сломана рука.

Когда начинаю отходить от места аварии, я снова едва могу что-то видеть сквозь туман, но я узнаю этот грузовик, я... я...

О, Боже, нет, этого не может быть... Как такое может быть?

Пожалуйста, только не это. Это не он. Это не может быть он.

Пока на меня обрушивается ужасающая реальность, я хоть недолго, но могу отрицать тот факт, что это грузовик Чейза Паркера.

Я делаю шаг вперед, затем еще один, переходя дорогу к тому месту, где покоится его покореженный грузовик.

Мои руки трясутся, как и все мое тело, пока я приближаюсь к нему. Все настолько плохо, что я борюсь с собой, чтобы не закричать, не говоря уже о том, чтобы просто убежать.

Чейз неподвижно сидит, сгорбившись над рулем.

Я чувствую себя заложницей ночного кошмара, будто прямо у меня перед глазами миру приходит конец, и я ничего не могу с этим поделать.

Сглотнув подступивший к горлу ком, я говорю тихо и ласково, осторожно, чтобы не тревожить его. Я дотрагиваюсь до двери грузовика, расчищая осколки разбившегося бокового окна.

— Чейз?

Сначала он не шевелится, поэтому я снова повторяю его имя, перемещая руку от двери к его шее, чтобы проверить пульс.

Пульс есть, бьется быстро, и я могу видеть, как он дышит.

— К-к-куинн?

Я с облегчением выдыхаю — по крайней мере, он жив.

— Боже мой, *Чейз*... ты ранен, *сильно*.

Сейчас он смотрит прямо на меня, его голова повернута, но у меня такое ощущение, что я даже не знаю, кто он такой прямо сейчас. Он истекает кровью, и я знаю, что это очень плохо. Должно быть, он ударился головой об окно, потому что она разбита, и кровь стекает вниз по задней части шеи.

— Твоя голова... нам нужно позвонить, позвать помощь.

Он слегка качает головой, его глаза переполнены горечью и сожалением.

— Я знаю, — а потом он корчится от боли, пытаюсь вздохнуть.

Мне тут же становится плохо, и я чувствую, что содержимое моего желудка готово выйти наружу.

— Ты не в порядке, так?

— Н-н-нет. Голова... б-б-болит.

Во мне пульсирует страх и тошнота, пока я наблюдаю, как прямо передо мной из него уходит жизнь. Я должна что-то сделать. Должна спасти его. Я не могу позволить ему умереть.

Просунув руку в машину, я аккуратно дотрагиваюсь до задней части его головы, чтобы понять, могу ли что-то сделать для него.

Кровь покрывает мою руку, но я не могу ничего разглядеть, и тут же проливной дождь смывает ее на асфальт.

Что я такого сделала? Это не может случиться снова. Не может.

— Пап, ты можешь, пожалуйста, просто отвезти меня в торговый центр. Я не понимаю, почему не могу поехать с ними.

Он поворачивает голову, переключая внимание с дороги на меня, и сверлит меня взглядом.

— Потому что, Куинн. Ты проведешь этот день с нами.

Это было последнее, что сказал мне папа, прежде чем мы лоб в лоб столкнулись с фурой. Я отвлекла его, и его внимание было рассеянным. Я была так зла, что они заставили меня провести день с ними, а не с Чейзом, и весь день вела себя как идиотка.

Пока он не закончился, и я не осталась одна, в больнице.

Это была моя вина.

В тот день я осталась круглой сиротой.

Качая головой, я втягиваю в себя воздух и крепко зажмуриваюсь, желая, чтобы воспоминания отступили. Ненавижу это. Почему я не могу перестать вспоминать об этом?

У Чейза тяжелое дыхание, затрудненное, а лицо мокрое от слез. Кровь капает с носа и немного с уха.

Так много крови.

У меня скручивает живот от мыслей об этих авариях — о той, с моими родителями, и второй, здесь, прямо сейчас.

— Мне нужно... п-п-передвинуться, — говорит Чейз, тяжело дыша. Это все, что он может сказать.

— Ты сможешь?

Он хмурится, и боль, отражающаяся на его лице, настоящая и душераздирающая. Я не хочу видеть его таким, такое абсолютно невозможно потом забыть, поэтому я зажмуриваюсь.

— Д-д-думаю, да.

Чейз делает еще вдох, и я узнаю этот звук. Ему невыносимо больно из-за явной травмы головы, и, возможно, есть еще и внутреннее кровотечение.

Может, благодаря какой-то внутренней силе, я точно не уверена, но он сдвигается, садится прямо и позволяет мне помочь выбраться из грузовика.

Я понимаю, что мне нужно кому-нибудь позвонить. Нам нужна помощь, срочная, поэтому я подвожу его к передней части машины и усаживаю на землю.

Как только он оказывается вне грузовика, опускается на колени, сжимает голову, а затем оглядывает свой грузовик.

— Черт, моя м-м-мама... уб-б-бьет меня.

Боже. Он даже не может сформулировать нормальное предложение. Черт!

Я пытаюсь вспомнить, что произошло, как мы врезались друг в друга, и не могу. Все произошло так быстро.

— Почему у тебя был включен дальний свет?

Он сглатывает, а потом кашляет кровью, держась за бок, все его тело начинает трястись, и я почти не могу разобрать слов.

— Е-е-его... з-з-заклинило.

А потом это происходит — его рвет в канаву рядом с нами, и я понимаю, что все

действительно очень плохо.

Я держу Чейза, пока его рвет, рукой поддерживаю за спину, когда он всем телом прислоняется ко мне.

— С моими ногами что-то странное.

Что, если у него сломаны ноги?

Когда его перестает рвать, я снимаю свою толстовку и складываю ее на земле, чтобы он смог прилечь на нее головой. Я волнуюсь за его шею, поэтому стараюсь не двигать его слишком резко.

Он ничего не говорит и смотрит вверх на облака, медленно моргая, будто наблюдает за каплями дождя за мгновение до того, как они падают ему на лицо.

Я на минуту оставляю его, чтобы забрать свой телефон. Мое сердце бьется так же сильно, как и дождь бьет мне в спину ливнем, пока я пытаюсь разглядеть свой телефон на полу машины. И когда все же нахожу его, торопливо пересекаю дорогу, возвращаясь к Чейзу. Я не понимаю, почему до сих пор никто не проехал здесь. Мы не так далеко от города, чтобы можно было подумать, что никто не видел или не слышал аварии.

Дождь бьет по моим рукам, пока прижимаю их к себе, и снова усаживаюсь рядом с Чейзом. Он лежит на асфальте, голова покоится на моей толстовке.

Мне не хватает воздуха, я начинаю задыхаться, когда замечаю, что толстовка теперь вся пропитана кровью. В панике я набираю 911.

— 911, где вы находитесь?

— Улица Саут Форест, между Чевали и Лайла-авеню, после поворота. Мы попали в автомобильную аварию.

Диспетчер с кем-то говорит, а потом снова обращается ко мне:

— Кто-нибудь ранен?

— Да, мой друг, у него из головы течет кровь... и его рвет, — не уверена, что им нужна эта информация, но я думаю, это важно. — Мне кажется, он очень серьезно ранен.

— Он в сознании?

— Да... он...да, он дышит.

Потом начинает говорить Чейз. Он обхватывает себя руками и смотрит на меня.

— Я был т-т-трусом, — его голос звучит подавленно и сокрушенно. — Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом.

Он говорит настолько тихо, что мне приходится прислушиваться, чтобы услышать его слова сквозь шум дождя. Мне придется жить с этими словами и тем, как они сломали меня. Я никогда не восстановлюсь после этого.

Он думает, что умирает?

Что, если так?

Он не должен винить себя в том, в чем он не виноват.

Я поднимаю свой взгляд на него, а он смотрит на меня в ответ. Я вижу, что ему больно, слезы стекают по его щекам. Схватившись за край своей футболки, я пытаюсь стереть слезы с его лица, добившись только стола боли, когда нечаянно сдвигаю его голову.

— Ш-ш-ш-ш, — говорю я, крепче обнимая его. — Они уже едут. Просто держись, пожалуйста, малыш, держись.

Все еще оставаясь на связи с 911, я слышу звуки сирены на заднем плане, и женщина на линии спрашивает меня о Чейзе, говорит, чтобы он оставался там, где сейчас находится.

Каждый раз, когда я слышу звук сирены, у меня в животе все скручивается — я

вспоминаю об аварии с моими родителями, а эта ситуация, в которой мы сейчас, ужасающе похожа.

Чейз часто и резко дышит, продолжая смотреть на меня, будто на самом деле борется из последних сил. Я прислушиваюсь к его ритму дыхания, не в силах отмахнуться от мыслей, что он не выживет.

Я удерживаю его голову в колыбели своих рук.

— Чейз... я люблю тебя, — мои слова кажутся жалкими, но они искренние.

Он закрывает глаза и делает долгий, глубокий вдох, прежде чем снова посмотреть на меня. Белок его левого глаза сейчас полностью красный.

— Я л-л-любл-лю... т... т-тебя.

Я замечаю, что звук сирен становится ближе, и хочу встать, чтобы они увидели меня, потому что мы находимся перед его грузовиком. С момента аварии прошли минуты, но это самые мучительно-длинные минуты.

— П-п-пожалуйста, не надо, — шепчет он мне на ухо. — Об-б-бними... меня.

Его голос настолько на удивление спокойный, что я закрываю глаза и остаюсь сидеть, позволяя дождю обрушиваться на нас, погружаться в наши души.

Сидя на коленях, в луже, пропитывающей мои джинсы, я обнимаю, а через секунду он скрючивается от невыносимой боли, стонет, а потом его снова тошнит, в основном, кровью.

— Пожалуйста, скорее! — умоляю я во весь голос, заметив сквозь туман свечение фар.

— Д-д-давай... притворимся... что... прошлого года... — он удерживает свой взгляд на мне, когда ложится обратно на спину, его дыхание становится еще более учащенным, — н-н-никогда не б-б-было.

Боже, он понимает, что умирает.

— Хорошо, — я рыдаю, не зная, что еще на это ответить. Мой взгляд перемещается на опухшие после драки с Дином костяшки пальцев на его руках.

Его дыхание затруднено, глаза закрыты, и теперь остаются закрытыми гораздо дольше, будто он пытается их открыть, но не может.

— Дыши, — говорю я, мой голос дрожит и наполнен беспокойством. — Просто дыши, ради меня. Я знаю, что это тяжело и больно, но мне нужно, чтобы ты держался. Я рядом, с тобой. Я не оставлю тебя.

Не умирай. Пожалуйста, не умирай у меня на глазах. Я этого не вынесу.

Я слышу его затрудненное дыхание и зажимаю свободной рукой свой рот, пытаюсь сдержать рвущийся из меня отчаянный плач. Я понимаю, что он умирает, и я ничем не могу помочь ему.

Как это может происходить?

Я наклоняюсь вперед, сжимая рукой живот. Эту боль ничем не остановить.

— Чейз, пожалуйста, держись.

Не обращая внимания на то, что Чейз в кровавой рвоте, я делаю кое-что глупое — наклоняюсь к его губам и целую его. Я делаю это потому, что он должен знать, как сильно я его люблю.

Я чувствую нежную шероховатость его губ, легкую щетина на челюсти и вкус крови — и все мои мысли полностью поглощены им.

Он вздыхает, будто ждал именно этого, и его глаза закрываются.

Он не может умереть.

Он просто не может. Не так, не от того, в чем потенциально моя вина. Я не смогу с этим

жить.

На дороге становится светлее, когда скорая помощь, полицейская и пожарная машины останавливаются, преграждая дорогу. Они направляются к нам, когда Чейза снова тошнит, его стоны по живому режут мое сердце.

Наши взгляды встречаются, и какое-то время он изучает меня. Думаю, он старается запомнить, что теряет. У меня появляется именно это ощущение, и оно мне не нравится.

Я хочу снова и снова говорить ему о том, что люблю его, хочу попросить у него прощения и сказать ему еще так много всего другого.

Я чувствую, как он вздрагивает, сделав вдох, как вздымаются его широкие плечи.

— Чейз? — я зову его по имени, потирая его спину, но он не отвечает. Теперь он без сознания.

Он не может умереть.

Пожалуйста, не дайте ему умереть.

Одна часть меня хочет рыдать, прямо сейчас, а друга хочет кричать на него. *Не оставляй меня. Не сейчас, не тогда, когда у нас все еще есть шанс быть вместе.*

Чейз

Дождь бьет меня по лицу, капля за каплей.

Кап. Кап. Кап.

Я фокусируюсь на этом. Только на этом, пока у меня еще есть силы.

Этот дождь, струящийся по мне, самое невыносимое и неприятное, что я испытывал когда-либо прежде.

— Ты не в порядке, так?

— Н-н-нет. Голова... б-б-болит.

Он образует вокруг меня волны, блестящие и мерцающие. Каждая мысль или движение посылают по всему телу вспышки острой боли, но я все еще могу видеть Куинн, поэтому фокусируюсь на ней. Если я буду это делать, тогда, может, будет не так больно.

Дождь. Сфокусируйся на нем.

Кап. Кап. Кап.

Головокружение пугает, и я ненавижу блевать, это больно, а я хочу, чтобы боль прекратилась.

Потерять сознание было бы благословением по сравнению с этим, и я начинаю мечтать об этом, умоляя себя отключиться.

— Чейз, пожалуйста, держись.

В течение нескольких минут я ничего не могу видеть, меня окружает тьма, но я слышу голоса, тихие голоса разговаривающих людей. Мои уши будто горят огнем от звука свистящего шума, который я не могу распознать. Боль настолько сильная, что я просто не могу ее вынести.

Я хочу отключиться. Я молю об этом, снова и снова.

Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы это прекратилось.

А потом я чувствую это, еще одно движение, и кто-то дотрагивается до меня. Это она. Она с кем-то говорит и крепче обнимает меня. Я знаю это, потому что ее прикосновения не похожи ни на чьи другие.

Жар опалает все мое тело, от макушки головы до кончиков пальцев на ногах.

— Я не знаю, как это произошло, — говорит Куинн кому-то. — Он будет в порядке?

— Как его зовут? — спрашивает кто-то. Я не уверен кто это, потому что не могу увидеть. Все размыто.

— Чейз Паркер, — шепчет Куинн, всхлипывая в ладони.

Ее руки покрыты кровью, моей кровью. Она повсюду, и мне страшно за нее. Я борюсь с болью. Не хочу, чтобы она расстраивалась. Не хочу, чтобы она испытывала это прямо сейчас.

— Чейз, меня зовут Мэтт. Я парамедик. Ты чувствуешь свои ноги, приятель?

Нет... Больше нет. Думаю, что чувствовал сразу после аварии, но, кажется, мое перемещение сделало с ними что-то.

— Он сказал, что с его ногами что-то странное.

Пока дождь продолжает бить мне в лицо, капля за каплей, Куинн и парамедик разговаривают друг с другом. Он устанавливает мне, как я понимаю, фиксатор для шеи, и я теряю сознание.

Снова прихожу в сознание и открываю глаза, чтобы увидеть парня, который помогает мне, хотя его силуэт размыт. Я ничего не могу разглядеть.

Я не могу ничего выговорить. Все это причиняет слишком сильную боль, чтобы я смог выговаривать слова полностью.

Я качаю головой, только слегка, но все тело пронзает боль.

— Можешь назвать мне свое полное имя?

Я моргаю, снова моргаю, но он ждет. Он получил ответ, который я дать ему не могу.

Не могу, потому что это причиняет сильную боль.

Они говорят возле меня, со мной, обо мне, и все это время картинки и звуки обрушиваются на меня, не четкие, но устрашающие. Мой желудок сжимается, боль ощущается везде, а легкие жжет от каждого вдоха.

Я умираю?

Глупо об этом думать, но я знаю ответ. Я умираю. Возможно, это случится с минуты на минуту.

Я лежу на асфальте, меня окружают люди, и я умираю. Воздух разрезает резкий гудящий звук — думаю, это вертолет. Порывы ветра бьют меня по лицу, и я отчаянно пытаюсь сконцентрироваться. Если я умру, то, как бы сильно это ни ранило, я хочу еще хотя бы раз увидеть ее лицо.

Я чувствую ее руки и знаю, что это последний раз, когда я вижу ее. Я чувствую это глубоко внутри, как дыхание в своих легких. Я пока еще не могу уйти... не могу уйти, не сказав Куинн, что люблю ее. Ей нужно услышать это снова, в последний раз. Я хочу, чтобы это были последние слова, которые я скажу ей — чтобы она знала, что была в моих мыслях в последние минуты моей жизни.

Я пытаюсь пошевелиться и ощущаю то место, где она прикасается ко мне. Это единственное прикосновение, на которое я реагирую.

— Я... л-л-люблю-юю... т-т-тебя, — я борюсь со своим телом, заставляя его выговорить эти слова.

Почему я не могу выговорить слова правильно?

— Я знаю, — говорит она, целуя мое лицо, ее тепло обжигает меня. Хоть мне и доставляют боль ее прикосновения, я позволяю ей это, потому что нуждаюсь в них. — Я знаю, что ты любишь меня. Пожалуйста, держись. Я приеду к тебе так быстро, как только смогу.

Она умоляет меня, и я хочу попросить ее о том же, сказать ей, что буду в порядке, но что-то внутри меня говорит мне об обратном.

Боже, ее голос. Это мука — слышать в нем боль. Я могу справиться с физической болью, но не могу вынести, когда больно Куинн. Нет, я бы лучше умер, чем причинил ей боль. Хотел бы я... хотел бы я поговорить с ней раньше, сделать первый шаг еще несколько месяцев назад.

Для меня это не было концом.

Я не могу пошевелить рукой, поэтому снова пытаюсь говорить, но ничего не выходит.

Я сдаюсь, в этом нет никакого смысла.

В вертолете кто-то говорит мне, что они отправят меня в Харборвью (*Примеч.*

Харборвью — медицинский центр в Сиэтле, Вашингтон), потому что больница Грейс Харбор Коммьюнити (Примеч. Грейс Харбор Коммьюнити — больница в Абердине, Вашингтон) не принимает пациентов с такими травмами, как у меня.

Мы летим, как мне кажется, очень долгое время.

Я не понимаю, что вижу, но мой мозг заполняют воспоминания о Куинн, рассеивая мое полубморочное состояние. Только о ней я и могу думать.

* * *

Я снова прихожу в сознание, пытаюсь пошевелиться. Я не знаю, где нахожусь, но в этот раз боль поражает меня в самое сердце, сердцебиение быстро пульсирует в ушах и даже глазах. Я кричу, но не издаю ни звука.

Ничего.

Ни движения.

Ни звука.

* * *

— Принесите мне три единицы крови! — кричит кто-то, и, думаю, меня куда-то везут, а затем врываются в комнату с ослепительно-ярким светом. Возможно, сейчас я на носилках.

— Что с ним произошло?

— Мужчина семнадцати лет... автомобильная авария... травма головы от удара тупым предметом... открытый перелом черепа и возможный перелом позвоночника.

Этот разговор ведется около меня, пока я борюсь с собой, чтобы оставаться в сознании. В течение, как мне кажется, долгого времени, я то теряю сознание, то снова прихожу в себя, мои мысли размыты, все тело мучительно болит.

В какой-то момент я начинаю вырываться из ремней, которыми связан — мне нужна Куинн. Мне нужно, чтобы она была рядом.

Все мое тело невыносимо болит... голова, живот, грудная клетка, в течение, как мне кажется, часов, дней, когда на самом деле, возможно, проходят минуты, секунды... а потом я не чувствую больше *ничего*. Боль полностью проходит, будто ее вообще не было.

И я понимаю, что произошло.

Они опоздали. Уже слишком поздно для меня. Я знаю, что они не могут спасти меня. Я чувствую это.

Я ускользаю.

Я слишком хорошо понимаю это.

Сейчас я все понимаю — голоса, которые мне незнакомы, делают что-то со мной. Пока я пытаюсь сфокусироваться на них, распознать, откуда они исходят, они исчезают. Я чувствую, как ухожу.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени с момента, как я отключился.

Я вижу своего отца в море. Он пытается плыть, борется с тем, чтобы держаться на плаву, но обрушивающиеся на него бешеные волны продолжают накрывать его с головой. Это событие — лишь мираж в моей голове, ничего определенного, все очень нечеткое. Я вижу яркий свет, со свистом проносящиеся рядом со мной волны. Они окружают меня, потом становятся черными, угасают от воспоминаний о том, где я нахожусь, где я был.

Мне больно. Это самая сильная боль, которую я когда-либо ощущал. Она распространяется по всему моему телу, поглощает все эмоции, которые есть во мне. Боль, будто от удара ножом, или, может, это шум в моих ушах. Он громкий, звенящий, причиняющий резкую боль, хотя я не уверен, откуда именно он исходит.

В моих ушах стоит громкий звон, но я не могу сказать, звенит он в моей голове или нет. Опять-таки, я вообще не уверен, откуда именно он исходит.

Я хочу, чтобы он прекратился. Хочу сбежать прочь от звуков и боли, но не могу.

Эти мучения кажутся бесконечными.

* * *

Я никогда не видел подобного прежде. Насыщенные, яркие цвета, которые не увидеть человеческим глазом, смешаны с более тусклыми, а потом все становится размытым и белым, и затем меняется. Свечение перемещивается с картинками из прошлого, но я не могу сфокусироваться ни на одной из них, чтобы понять, о чем они.

Я не могу думать, нет, мысли причиняют боль.

Мне хочется сломаться, как будто быть разбитым на кусочки намного легче, чем ощущать все это, будучи цельным.

Чтобы получить хоть какое-то облегчение, я пытаюсь сделать вдох, только мои легкие не расширяются, дыхание кажется принудительным.

А затем приходит облегчение, и, одновременно с ним, и конец боли.

Куинн

Я сижу на краю больничной кровати, мои джинсы уже высохли от дождя, который намочил меня с головы до ног, но они покрыты доказательством того, что произошло. Я перепачкана кровью, ее пятна на моей футболке и джинсах. После пережитого шока моя кожа совершенно бледная.

Я пребываю в шоке.

Когда Чейз улетал на вертолете в Сиэтл в больницу Харборвью, мои травмы не были такими опасными для жизни, как у него. Они отвезли меня в больницу Грейс Харбор Коммьюнити в Абердине, и прошло еще два часа, прежде чем они освободили меня от расспросов полицейских, будто я преступница.

На мой взгляд — в данный момент — я таковой и являюсь. По большей части, я снова чувствую себя потерянным ребенком, одиннадцатилетней девочкой, не понимающей, что не так с моими родителями. Только в этот раз я была за рулем.

Я врезалась в Чейза на своей машине, и к этому моменту он мог уже умереть.

Мог умереть.

Возможно, он уже умер.

Нет... он не может.

И эти парни, двое мужчин, одетые в синюю униформу, с планшетами в руках, хотят знать, что произошло, будто это просто история, которую я могу вспомнить по первому требованию. Я не хочу помнить об этом.

— Я не была пьяна, я клянусь! — говорю я им снова и снова, пока сижу в лобби с наложенной шиной и рецептом на болеутоляющие. — Я даже не могу вам сказать, что точно произошло. Я не знаю... Шел проливной дождь и было туманно... а его фары... они так ярко светили.

Несмотря на мой ответ и то, что я сдала кровь на анализ, чтобы они смогли проверить ее на что-то, под чем, как они подразумевают, я могла быть, я хочу кричать им, сказать, что это шок заставил меня действовать таким образом.

Это был несчастный случай, но все видят это по-другому. Они видят только старшеклассницу, одетую в темную толстовку и шапочку, с размазанной косметикой на лице и с его кровью на руках. Должно быть, я была пьяна, да?

Я снова и снова рассказываю о том, как все произошло, до тех пор, пока не начинаю плакать от отчаяния.

— Я не знаю!

Они тратят мое время. Я должна быть в Харборвью, с Чейзом. Что, если он там совсем один?

Один из двух офицеров, который повыше ростом, встает и протягивает мне визитку, достав ее из своего кармана.

— Я свяжусь с вами завтра, мисс Хэдли. Можете позвонить своим родителям, чтобы они забрали вас?

— Мои родители погибли, — отвечаю я незамедлительно и ледяным тоном, будто они должны были об этом знать. — Мой брат Эмери — мой опекун, но прямо сейчас он работает

за городом.

— Есть кто-то еще, кому вы можете позвонить? Вашу машину отогнали на штрафстоянку.

Скорее всего, мне выпишут штраф, или они могут даже лишить меня прав после такого, но мне все равно. Я вообще больше не хочу садиться за руль. Я хочу удостовериться, что Чейз жив, что он поправится. Я так сильно этого хочу, что прямо сейчас забываю обо всем остальном, обо всех последствиях.

У меня все еще есть мобильный, поэтому, как только офицеры оставляют меня одну в лобби травмпункта, я отыскиваю его, чтобы позвонить Мелинде. Сейчас чуть больше трех часов утра, и я слишком напугана, чтобы звонить Риз. Она для меня больше как родитель, и последнее, что мне сейчас нужно, это лекция. Я только хочу поехать к Чейзу и убедиться, что он в порядке. Мне *нужно* попасть к нему.

Прежде чем набрать ее номер, я замечаю два пропущенных звонка от Дина. Проведя пальцем по экрану, я отклоняю уведомление и нажимаю на контакт Мелинды. Делать это немного сложно с рукой в гипсе и на перевязи. Они сказали, что в понедельник мне нужно будет посетить хирурга-ортопеда, чтобы он посмотрел, нужна ли мне операция или будет достаточно просто гипса.

— Это должно быть что-то хорошее, сучка, — простонав, говорит Мелинда в трубку.

— Мел? — говорю я, когда она отвечает на звонок. — Мне нужно, чтобы ты приехала и забрала меня.

— Почему? — ее обычно бодрый голос сейчас унылый и тихий.

— Я в больнице, — мой голос начинает дрожать от этих слов, я понимаю, что как только закончу разговор, сразу расплачусь. — Я попала в автомобильную аварию.

— Что? — я слышу шорох на заднем фоне, как у нее перехватывает дыхание, когда она осмысливает то, что я сказала. — Черт возьми... черт... ты это серьезно?

Я выдыхаю, хотя даже не понимала, что задержала дыхание.

— Да, серьезно. Ты сможешь подъехать? Они отбуксировали мою машину... Она полностью разбита.

Я вспоминаю звуки аварии, столкновения металла с металлом, звуки, которые он издавал, когда его рвало... Все это повторяется в моей голове ужасным бесконечным циклом.

— Господи ... ох, Боже мой... Конечно! Я могу... но ты же в порядке, да?

Я хочу, чтобы она перестала болтать и села за руль.

— Я в порядке. Ты можешь просто приехать и забрать меня? Я в больнице Грейс Харбор Коммьюнити.

— Хорошо. Да, я уже выезжаю.

— Спасибо, — не успеваю я нажать кнопку «отбой», как тут же начинаю плакать.

— *Я был т-т-трусом, — его голос звучит подавленно и сокрушенно. — Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом.*

Что я наделала? Что, если Чейз не в порядке? У меня разрывается сердце от мыслей о том, что он может быть не в порядке. То, как он выглядел, когда они заносили его в вертолет, кровь... это все напоминает мне о том, насколько серьезно он был ранен, в отличие от меня.

Он не может умереть, только не Чейз.

— *Я л-л-любл-лю... т... т-тебя.*

Я полюбила Чейза еще до того, как поняла, что значит любить, до того, как узнала, что можно разбить кому-то сердце. До того, как поняла ее смысл и разрушительные последствия, к которым она может привести.

И, если он умер... я не могу допустить даже мысли об этом. Я не хочу это делать. Когда я сажусь на лавочку снаружи больницы, мой взгляд останавливается на луже у моих ног, и я вспоминаю его слова, мою надежду.

— *Д-д-давай... притворимся... что... прошлого года... — он удерживает свой взгляд на мне, когда ложится обратно на спину, его дыхание становится еще более учащенным, — н-н-никогда не б-б-было.*

Я не могу забыть его лицо, окровавленное и такое бледное.

Мое сердце сжимается от боли, от затаенного отчаяния и тоски, вот только ничто не может прогнать ее прочь. Это воспоминание навсегда врезалось мне в память. Оно никогда не исчезнет. Уже нет.

* * *

Мелинде требуется тридцать минут, чтобы приехать за мной в Абердин.

— Можешь отвезти меня в Харборвью? — спрашиваю я, садясь в машину.

Она выглядит слегка растерянной. Она хмурит брови, а потом смотрит на мою руку.

— Конечно... но, что случилось? Ты врезалась в оленя или еще во что-то?

Я чувствую, как к горлу подступает желчь, пустой желудок скручивает спазм.

— Чейз... — из меня вырывается всхлип, который я больше не могу сдерживать.

— *Я л-л-любл-лю... т... т-тебя,* — его надломленный голос, воспоминания о его словах сжимают мое сердце.

— Чейз? Что не так с Чейзом?

— Я врезалась в него.

— Ладно...

Мел и понятия не имеет. Она даже не понимает, что произошло. Она не знает, кто *он* для меня. Он единственный.

— Ну, *он* в порядке?

Чтобы ответить на ее вопрос, у меня уходит десять минут. Десять минут я пытаюсь ответить ей, но каждый раз при этом начинаю рыдать.

— Нет, — наконец, отвечаю я. — Он не в порядке.

Оставшуюся часть пути она не настаивает на подробностях, потому что чем больше она пытается, тем сильнее я плачу.

У нас занимает два часа, чтобы добраться до Харборвью. Два мучительно длинных часа, в течение которых я пытаюсь осмыслить произошедшее и последние слова, которые сказал мне Чейз.

— *Я л-л-любл-лю... т... т-тебя.*

Его слова пронзают мое сердце, как удар, проникают в самую душу. Все, что у меня остается, это очень слабая надежда, но я отчаянно цепляюсь за этот небольшой проблеск и верю, что он остался жив.

А потом часть меня думает, что, возможно, я не заслуживаю шанса быть с ним.

Я бы отдала все на свете, чтобы поменяться с ним местами.

— Куда ехать?

— Высади меня около входа в отделение реанимации, — я указываю рукой на красный знак, а другой уже открываю дверь, готовая выпрыгнуть из машины, как только она остановится. — Езжай, припаркуйся, а потом найди меня там. Я собираюсь сходить проведать его.

Я врываюсь внутрь через раздвижные двери и подхожу к стойке регистратора.

— Вы можете сказать мне, где лежит Чейз Паркер?

— Куинн!

Я слышу голос Джанет и разворачиваюсь от удивления. Конечно, она здесь. Это же ее сын. Наверное, они позвонили ей, как только доставили его сюда.

О, Боже, они сказали ей, что это была я? Она меня ненавидит?

Я не произношу ее имени. Не уверенная, что смогу, я направляюсь к ней, оценивая ее реакцию, прежде чем заговорить.

Облегченно вздохнув, она притягивает меня в объятия, и это последнее, что я ожидала от нее в данный момент.

— Что произошло? — спрашивает она, уткнувшись лицом в мои волосы.

— Я не знаю, — мой голос дрожит.

Не плачь. Прямо сейчас у тебя нет никакого права плакать. А у нее есть.

Мои мысли снова мечутся между тем, что произошло, и что я помню. Я чувствую, что детали уже начинают угасать, размыты по краям, как ослепивший нас туман. Либо это, либо причина в болеутоляющем, которое мне дали от боли в руке.

— Ладно, — Джанет ведет нас к сиденьям, ее черная футболка с эмблемой бара «О'Брайен» указывает на то, что, скорее всего, она покинула работу в спешке после звонка, когда ей сообщили, что ее сын ранен. — Ну, они сказали, что в данный момент он на операции.

Я сажусь около нее, осторожно придерживая свою больную руку.

— Они сказали что-нибудь еще? Я имею в виду... я помогла ему выбраться из грузовика. Может, мне не надо было этого делать. Я знаю, что не следует передвигать человека, если не уверен в его ранении.

Джанет потирает мою руку.

— Они мало что сказали. Я уверена, что ты сделала все правильно, — она смотрит на мою руку. — Ты в порядке? Они сказали, что ты попала в аварию вместе с ним. Ты была с ним в грузовике?

— Нет. Я была за рулем своей машины. Я врезалась в него... или он врезался в меня. Я, правда, не знаю. Был сильный туман, и его фары дальнего света были включены, — слова вырываются из меня так быстро, что я удивлена, если она смогла разобрать их.

Джанет хмурится и смотрит на меня покрасневшими глазами.

— Чейз жаловался, что их заклинило, потому что прошлым вечером несколько машин сигналили ему. Он собирался посмотреть их завтра.

Я откидываюсь на спинку стула, почувствовав головокружение.

— Не могу поверить, что это произошло.

— Все хорошо... давай будем просто мыслить позитивно.

Мыслить позитивно? Как я могу это делать в такой момент, и как она может быть такой сильной, когда ее сын на операции?

Просто она не видела Чейза в том состоянии, в котором видела его я, и я ни за что не

хотела бы этого для нее.

— Они сказали вам, какая операция? — спрашиваю я.

— Они только сказали, что у него травма головы, и ему нужна операция. Больше ничего не сказали, — а потом она смотрит прямо на меня. — Он был сильно ранен?

Тебе не стоит ничего говорить.

Я вижу его кровь на своих руках, покрывающую мою кожу, и его покрасневшие глаза.

Я вижу его побледневшую кожу, как он мучается от боли, когда его рвет.

Я вижу, как он умирает у меня на руках.

Не плачь! Не смей.

— Его травмы очень серьезные, Джанет.

Она кивает, ее глаза блестят от слез.

Не плачь перед ней. Будь сильной. Ее сын может умереть, и ты не можешь сломаться, позволь это ей и будь рядом для нее.

Больше не в состоянии сидеть, я наклоняюсь вперед, обхватив здоровой рукой живот. Я пытаюсь сфокусироваться на чем-то другом, чтобы забыть о том, что происходило в такой же комнате внутри этой самой больницы. В любой момент у меня может случиться гипервентиляция легких. Я чувствую ее наступление по приливу крови к щекам. Мне так тяжело дышать.

Джанет притягивает меня и к себе, и становится еще хуже, будто я задыхаюсь.

— Сделай глубокий вдох, Куинн.

Я не могу. Как бы ни старалась, не получается. Все мои мысли сводятся к тому, что я не могу потерять его. Не могу. Не так, не сейчас.

— Я не... Простите, — мои губы немеют, пока я пытаюсь выговорить эти слова. Их недостаточно. Извинений недостаточно. — Я даже не понимаю, что произошло. Был ужасный туман, — я продолжаю повторять это, потому что только так могу объяснить случившееся.

Джанет сжимает рукой мою руку, в ней просыпаются материнские инстинкты.

— Мы справимся с этим, Куинн. Мы пока еще ничего не знаем. Давай молиться о том, что с ним все будет хорошо.

Она ждет новостей о том, что ее сын справится, и чувствует себя комфортно рядом с девушкой, которая врезалась в него. Я пытаюсь напрячь свой мозг, чтобы придумать какое-нибудь утешение, которое поможет ей, но у меня не получается.

* * *

В течение следующих двух часов Джанет держит меня за руку, а Мелинда сидит рядом. Мы сидим, мы ждем и мы молимся. Это все, что мы можем делать, потому что мы не слышим ничего, никакой информации ни от кого, несмотря на то, что я спрашиваю каждые двадцать минут.

— Должны ли мы позвонить Тейлор? — спрашивает Мелинда, а затем фыркает. — Не бери в голову.

Думаю, она шутит. Мел всегда так делает, старается привнести юмор там, где только может.

Джанет тихо фыркает, смеясь.

— Зачем? Чтобы она сидела рядом с нами и говорила о том, как она расстроена тем, что ее парень ранен?

— Вам тоже не нравится эта «прекрасная королева»? — у меня почти появляется ухмылка, почти.

Я смотрю на Джанет и жду, что она скажет о Тейлор. Как ни странно, но до этого момента я ни разу не подумала о Тейлор.

— Ни капельки. Я продолжаю придумывать причины, которые убедят его порвать с ней, но пока не нашла ни одной, — а потом она смотрит на нас с Мелиндой серьезным взглядом. — У вас есть что-нибудь, чтобы я смогла это использовать? Может, она продает наркотики? Тайная стриптизерша? Изменяет ему?

Мелинда отвечает за меня:

— Ну, из того, что я слышала от Пайпер, они могли расстаться этим вечером. Она сказала, что они ссорились весь вечер, и Тейлор была в бешенстве.

— Правда? — Джанет наклоняется к своей сумочке на полу и достает мобильный. Это его телефон. Я узнаю его потому, что он всегда лежит на прикроватной тумбочке в его комнате, когда я там бываю. Должно быть, его отдали врачи, когда Джанет приехала сюда. — Вероятно, поэтому она прислала ему это.

Развернув телефон, она показывает нам текстовое сообщение, которое светится на экране.

Тейлор: Ты придурок! Как ты посмел порвать со мной через смс?

Он расстался с ней из-за меня?

Во мне теплится маленькая капля надежды. Может, это наш шанс?

— Д-д-давай... притворимся... что... прошлого года... — он удерживает свой взгляд на мне, когда ложится обратно на спину, его дыхание становится еще более учащенным, — н-н-никогда не б-б-было.

Наш разговор полностью останавливается, когда двое врачей обращаются к Джанет.

— Миссис Паркер?

Джанет кивает, и мы с Мелиндой тянемся к ее рукам.

Не говорите, что он умер. Скажите нам, что вы совершили чудо. Не разбивайте его матери сердце!

— Мы можем поговорить с вами наедине? — спрашивает врач в операционной шапочке. Второй стоит рядом с ним, как я подозреваю, для поддержки.

— Нет, — говорит она им, качая головой, и один раз сжимает наши руки. Она не хочет быть в одиночестве. — Говорите здесь.

Я почти забыла, а сейчас вспомнила — Джанет уже потеряла однажды того, кого любила, она знает, как все это происходит. Она уже получала ужасные новости.

Волнение внутри меня усиливается, желудок скручивает, кожу покалывает от нервов. Это слишком тяжело, и я чувствую вину за все это.

Доктор кивает и стягивает с головы операционную шапочку, комкая ее в руках.

— Мне очень жаль, но ваш сын не пережил операцию. В его головном мозге было слишком много жидкости, поэтому мы не смогли спасти его, — его голос чуть громче шепота, будто до этого момента он никогда не говорил матери, что не смог спасти ее сына. Возможно, так и есть.

Я не могу вынести шок на ее лице. Это так сильно ранит, хуже молчания, с которым я живу.

Джанет смотрит на меня, и я ощущаю, как по шее поднимается тепло, вверх к щекам, слезы теперь беспрепятственно льются из глаз. Я больше не могу их сдерживать. Во рту пересохло, тяжесть в груди практически не дает вдохнуть.

Чувство вины невыносимое, но потом я вспоминаю, что заслужила это.

Есть люди, чьи жизни уже никогда не будут прежними, потому что в один день, в один час, в одну минуту, в одну секунду они разрушились. Сегодня, прямо сейчас, в эту самую секунду, это произошло с Джанет Паркер и со мной. Наши жизни уже никогда не будут прежними.

Она всхлипывает, кивая на то, что они ей говорят, но уже не важно, что они говорят. Для нее никогда не станет реальным то, что он умер, я знаю это по собственному опыту. Прямо сейчас это какой-то ужасный кошмарный сон, от которого я могу никогда не проснуться.

Когда врачи уходят, мы с Мелиндой обе падаем перед ней на колени, наблюдая ее скорбь, будто это единственное в комнате, потому что так оно и есть. В мире больше нет такой боли, как боль от потери ребенка.

Брови Джанет сведены вместе, и я замечаю, что она начала дрожать, ее руки и грудь влажные, будто ей слишком жарко. Тепло распространяется к ее щекам, и она медленно моргает.

— Он умер? — спрашивает она, глядя мне за спину, не в силах посмотреть на меня. Выражение ее лица говорит о многом. Не похоже, что она вообще ждет от кого-то ответа.

Я жду... жду ее ненависти, жду ее криков на меня, слов, что это все моя вина.

Но этого не происходит.

Она кивает, не знаю, на что, и делает рваный вдох.

Я уж точно не новичок по части смертей. Эту боль я знаю, как саму себя, но все равно легче не становится, совсем нет. Боль все еще есть, все еще реальная. Тупая и тяжелая, она напоминает мне о том, насколько разрушающие эти чувства, как легко они могут уничтожить тебя.

Я не знаю, что сказать Джанет.

С одной стороны, мне самой слишком больно от знания того, кем Чейз был для меня. С того времени, когда мне было пять лет, он был моей единственной постоянной поддержкой в жизни, даже когда не был со мной. Мне больно потому, что мой друг умер.

Но *она* потеряла своего сына. Я не знаю, что должна чувствовать. Я, как потерявшаяся в луже капля, которая исчезла в мутной воде.

Почувствовав тошноту, я тороплюсь в уборную в конце комнаты ожидания. Закрыв за собой дверь, падаю на колени, потому что мои ноги слишком ослабли, чтобы удерживать меня, и рыдаю в ладони.

Я не могу поверить в то, что он умер, и я причастна к этому.

* * *

— Господи, Куинн, где ты была? Прошлым вечером ты не вернулась домой, и я... — Риз перестает говорить, увидев мое лицо, когда в субботу утром я вхожу в дверь. Солнечный свет

проглядывает сквозь окно на кухне, где она сидит за столом с кружкой кофе.

Что мне ей сказать? Я убила своего... кого я убила? Кем он для меня был?

Джанет осталась в больнице, а мы с Мел уехали. Я не была его семьей. Я не была его девушкой... черт, в последнее время мы даже не были друзьями, так на каких правах я должна была остаться?

В субботу утром Мел высадила меня около дома и сказала, что скоро вернется. Я не спрашивала, куда она собралась или когда вернется. Я даже не могла понять, что нахожусь в своем доме.

— Я уб-б-била его, — заикаясь, говорю я, глядя прямо на Риз.

— Ладно, так что, я должна помочь тебе закопать его тело? — она смотрит на меня, затем опускает взгляд на мои руки.

Она думает, что я шучу.

— Я серьезно, — я замолкаю, мои глаза широко распахнуты. — Я не... шучу. Чейз умер.

Она закатывает глаза, отмахиваясь от этих слов. Будто я просто дурно подшутила над ней. Хотела бы я, чтобы так и было. А затем, когда у меня уже не остается сил и мои колени подгибаются, она верит мне.

Подняв руку к лицу, чтобы вытереть слезы, я замечаю, что моя темно-серая толстовка пропитана кровью. Я помню, что после аварии она была под головой у Чейза, но не помню, как парамедики отдавали мне ее назад.

В груди разрастается паника, удушая меня приливной волной. От взгляда на кровь Чейза на мне, появляется только еще одно напоминание о том, что я сделала.

Риз подлетает ко мне, и, схватив меня за запястья, притягивает к себе.

— Ш-ш-ш. Пойдем, отведем тебя в ванную.

Я следую за ней, потому что хочу принять душ и боюсь, что в любой момент меня может стошнить, снова. Я не хочу видеть эту кровь, как напоминание о прошедшей ночи.

Только она никогда уже не исчезнет. Эта ночь выжжена в моей памяти, этим воспоминаниям не суждено стать забытыми.

Риз снимает с меня толстовку и бросает ее в корзину рядом с ванной. Быстро обмотав мою руку в гипсе полиэтиленовым пакетом, она показывает мне на ванну, чтобы я забиралась туда. Когда я это делаю, она встает рядом со мной, полностью одетая, и помогает мне смыть кровь.

Я не говорю ей ни слова. Я плачу у нее на глазах, но слова здесь и не требуются, слов здесь недостаточно.

Иногда, столкнувшись с потерей, лучше быть одному. Лучше находиться в таком месте, где тебе не придется извиняться или переживать о том, что плачешь как сумасшедший или рыдаешь так сильно, что не можешь дышать.

Только прямо сейчас я этого не хочу.

Я хочу, чтобы кто-нибудь обнимал меня так же, как это делал Чейз, даже когда я думала, что не нуждаюсь в этом.

Я нуждаюсь в его тепле и сильных руках.

Не могу поверить в то, что он умер.

Закрыв глаза, я вспоминаю нас в одиннадцать лет, когда умерли мои родители. Он обнимал меня так же, как сейчас это делает Риз. Я хочу, чтобы он был здесь, чтобы успокоил меня так же, как сделал это после смерти моих родителей. Чтобы так же, как в тот день, его присутствие повлияло на меня, чтобы он заставил меня почувствовать, что мы всегда будем

вместе.

Я хочу слышать, как он шепчет мне на ухо, как говорит мне, что пока мы есть друг у друга, все будет хорошо, даже если я уверена, что так не будет.

Когда умерли мои родители, я все еще была ребенком. Я не представляла масштабов того, что произошло, до тех пор, пока спустя несколько месяцев не осознала, что произошедшее — это реальность. Благодаря своей невинности, я тогда не узнала, какими могли быть чувства на самом деле от их потери. Пока возраст не сыграл свою роль, я могла только подолгу размышлять о смерти и реальности. В то время я не могла понять масштабов потери.

Но в этот раз я в *полной* мере понимаю масштабы всего произошедшего.

Чейз

Я не имею абсолютно никакого понятия о том, где нахожусь, или что произошло, но я больше не чувствую боли.

Вряд ли это хороший знак.

Когда продвигаюсь вперед, я вижу то, что могу описать только как зеркало, только я не вижу своего отражения, поэтому это не зеркало, больше похоже на окно. И когда я смотрю в него, словно мираж вижу какие-то воспоминания, отрезки времени.

Окружающая аура света демонстрирует вспоминая, будто я нахожусь в кинотеатре, наблюдая, как передо мной проигрывается моя жизнь — чувствую себя загипнотизированным этим зрелищем. Дело в том, что все эти воспоминания о Куинн. Все до единого.

И я понимаю почему. Я имею в виду, в моей жизни она имеет огромное значение, но кое-что в них, то, как тщательно они сосредоточены на ней, мне так знакомо. Будто я был здесь, в этом месте, раньше, но с другими воспоминаниями.

А затем я вижу то, что не сразу узнаю, но потом все-таки вспоминаю. Это мальчик, около трех лет, он бежит, чтобы обнять женщину, которая не кажется мне знакомой до тех пор, пока не поворачивается и не разводит руки в стороны, чтобы поймать мальчика.

Ее глаза — это глаза Куинн. Я бы узнал их где угодно.

Это ее глаза, просто она старше. Возможно, ближе к тридцати годам.

Как такое может быть? Кто этот мальчик?

Это как удар под дых, в моей голове крутятся тысячи воспоминаний. А потом я вспоминаю, все. Этот ребенок — *наш* сын. Мой и Куинн. В другой жизни у нас был ребенок.

Мы *всегда* были вместе. Множество раз.

Картинки, которые я вижу сейчас, перелистываются как на экране фотоаппарата, одна за другой, и если я захочу, то смогу дотянуться до них, дотронуться и оказаться именно в том моменте, в каком захочу.

Я поднимаю руку, потянувшись к картинке с мальчиком, и меня тут же окружает его смех. В меня врывается запах свежескошенной травы, воздух такой теплый, будто это середина лета. Мы бегаем на заднем дворе, и я валю его на землю, щекоча за бока.

Беременная Куинн смеется на крыльце, обхватив свой округлившийся живот, пока наблюдает, как мы играем.

Вздохнув, я закрываю глаза и чувствую, как во мне растекается любовь и тепло.

Когда я опускаю руку, воспоминание пропадает.

Меня тянет к каждой из этих непонятных энергий и окружающему меня свету. Это не яркий свет, он более мягкий, расслабляющий.

Ощущение, будто я пробираюсь в другое измерение, которое не могу постичь, в калейдоскоп, наполненный моментами времени. Я не могу сказать, где или что происходит, или где заканчивается этот тоннель, но я плыву сквозь время, передвигаюсь медленно, понимая, что моя физическая жизнь ускользает прочь.

А потом я слышу голос моей мамы, она сидит на диване в нашей гостиной, одна. Должно быть, это воспоминание, потому что она моложе — намного моложе — и когда я

присматриваюсь лучше и делаю шаг вперед, то вижу себя у ее ног, шестилетнего, сжимающего в руках бейсбольный мяч. Я помню этот день, хотя тогда я ничего не понимал. Она с кем-то разговаривала, а я был смущен. И не мог понять, с кем именно она говорила, понимал только то, что у нее был с кем-то разговор.

Это безумие. Ты никогда не знаешь точно, что с тобой произойдет, когда ты умрешь. Я имею в виду, никто не знает этого наверняка. Мы верим и надеемся на лучшее, но никто не знает наверняка.

— Где я? — спрашиваю я, задумавшись, слышит ли меня кто-нибудь. Я начинаю идти по дому и останавливаюсь, чтобы посмотреть на молодую версию себя.

— Ты там, где и должен быть, Чейз, — говорит мне кто-то. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, откуда исходит голос, только я никого не вижу, хотя голос смутно знакомый. Я снова смотрю на маму, только она не двигается. Я пытаюсь подойти к ней поближе, может, тогда она увидит меня, но она не видит. Я машу руками перед ее лицом.

— Мам! Ты меня слышишь?

Ничего. Она даже не вздрагивает.

Я прослеживаю за взглядом мамы к ее коленям, где она удерживает фотографию моего отца и себя, когда они были детьми, возможно, подростками — рамка фотографии мокрая от ее слез.

— Она не может тебя видеть, — говорит голос.

Что это, черт возьми, такое? И откуда, мать его, исходит этот голос?

— Я могу отпустить тебя, Джейк. Все в порядке... я знаю, ты в порядке, — говорит мама, будто разговаривает с отцом, только его здесь нет.

Внутри меня разливается злость. Я не хочу это видеть. Не хочу видеть маму плачущей и ощущающей боль.

— Почему я вижу это?

— Это самый легкий путь для меня, чтобы показать тебе и помочь понять твое предназначение.

— Кто ты и почему я не могу тебя увидеть? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг в поисках источника звука. Внезапно я уже больше не нахожусь в своей гостиной. Я вернулся к окну и этим воспоминаниям.

Снова каждое из них прямо передо мной, будто я нахожусь в кинотеатре с сотнями различных экранов.

— Где я?

— Ты там, где и должен быть.

Я чувствую прикосновение к плечу, тепло, затем оборачиваюсь и неожиданно вижу стоящего рядом со мной отца.

— Папа? — дыхание перехватывает, будто я вот-вот заплачу, и я чувствую, что смог бы, потому что, хоть мои воспоминания о нем туманны и обрывочны, я помню *все* о времени, которое мы провели вместе, и связь, которую я ощущал с ним.

Когда я делаю шаг к нему, он улыбается. Он выглядит именно таким, каким я его помню: темные волосы, карие глаза и та густая борода рыбака, которая всегда у него была. Не считая бороды, я как две капли воды похож на него.

— Я умер?

— На физическом уровне твое тело мертво, но мы никогда по-настоящему не уходим, — отвечает он, продолжая улыбаться, будто рад меня видеть. Затем он отворачивается, что-то

привлекает его внимание.

— Но, постой... — я делаю шаг вперед, потянувшись за ним. — Ты же умер... да?

Господи, пожалуйста, пусть это будет просто сон.

Он не смотрит на меня. Он наблюдает за сценой, развернувшейся перед нами, на плачущую маму, но потом переводит взгляд на меня.

— На *физическом* уровне, — повторяет он. — Ты можешь видеть меня таким, — он указывает рукой на свое тело, — потому что таким ты меня помнишь. Мы можем представить себе того, в ком нуждаемся в определенный момент времени.

Сделав шаг назад, я глубоко вдыхаю.

Черт возьми, все так странно. Может, у меня кома или еще что, и это галлюцинации?

Отец смеется.

— Да, это очень тяжело принять.

Ох, великолепно, он так же может читать мои мысли. Здорово.

Он ничего не говорит, вместо этого бросает очередной взгляд на момент, в котором мы только что находились.

— И все-таки, почему я вижу этот момент? — спрашиваю я. — Тот момент, когда она потеряла тебя?

Он смотрит на маму. Не сказал бы, что он выглядит расстроенным. Это не так. Но у него такое выражение лица, какого я никогда прежде не видел ни у кого. Любовь, да, но какая-то невероятно сильная.

— Потому что это тот момент, когда все началось для меня.

Где началось? Что?

Сейчас папа смотрит на маму, внимательно наблюдает за ней. Она в больнице, где ей говорят о моей смерти, рядом с ней Куинн.

Неожиданно я снова испытываю боль. Только она не такая, как после аварии. Эта боль оседает тяжестью в груди, будто разрушает меня.

— Что происходит? — спрашиваю я, падая на колени и хватаясь за грудь. Мне больно, но эта боль какая-то другая.

— Сильные души испытывают боль своей второй половины.

Он отходит, затем садится рядом с мамой, берет ее руку в свои ладони, и у нее начинают литься потоком слезы, свободно, тихо и бесконтрольно. Думаю, она чувствует, что он рядом, потому что спрашивает:

— Он умер?

Отец кивает, в его хриплом шепоте слышна боль:

— Я знаю, что тебе больно, детка, но это *никогда* от меня не зависело. Я бы никогда не забрал его у тебя, если бы у меня был выбор.

— Она может тебя слышать?

— Да, — говорит он, продолжая смотреть на маму. — Она может чувствовать мое тепло.

Я смотрю на Куинн, сидящую рядом с моей мамой, на то, как она плачет. Заставив свои ноги двигаться, я делаю шаг к ней, но не могу дотронуться до нее так, как отец касается мамы.

— Почему я не могу прикоснуться к ней? — спрашиваю я.

— Это придет со временем. Пока у тебя еще нет такого дара. Когда придет время тебе вмешаться, ты поймешь это.

Дар?

Я полностью растерялся от сказанных им слов, от каких-то туманных причин, а в это время его внимание сконцентрировано только на моей маме. Его лицо искажается грустью, и я понимаю, что он испытывает всю боль, что и моя мама. Должно быть, это то, о чем он мне и говорил.

И тогда это накрывает меня. Она пытается осознать, что потеряла своего сына, а он сопровождает ее в этом.

— Вот для чего мы здесь, — говорит он мне, подтверждая мои мысли. — Это предназначение сильных душ.

Я все еще не понимаю, к чему он клонит, этого просто... слишком много для одного раза.

— Я должен быть здесь для мамы?

— Нет... это моя работа. Я пытаюсь показать тебе связь. Наше предназначение быть рядом со своими вторыми половинками, когда они нуждаются в нас.

Я чувствую его любовь, и это наполняет силами и стойкостью, достаточной для того, чтобы я смог сделать глубокий вдох. То, как он смотрит на нее, это неопишимо. Это защита, это забота, все, что ты можешь представить в безоговорочной любви, связь навечно.

— Ты спасал маму?

Он качает головой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Для меня все было по-другому, потому что у нее был ты.

— А что теперь? — я переживаю за нее, но это не то же самое беспокойство, которое я испытываю по отношению к Куинн. Я знаю, моя мама никогда меня не забудет. Я ее сын, эту связь даже смерть не сможет разорвать. Глядя на нее сейчас, я знаю, она не озлоблена. Нет, она печальна. Это тот вид печали, который разбухает внутри, пузырится, как море, в течение всей ее жизни, а потом опускается, как солнце, поглощенное ночью.

— Она справится с этим. Она знает, что ты со мной, и она невероятно сильная.

Для мамы потерять меня — это неслыханно, невысказано, но во многом и неизбежно. Что бы она ни сделала, это не поменяло бы исхода, и сейчас она начинает осознавать это, или, по крайней мере, принимать, не без помощи моего отца, сидящего возле нее.

Связь, которая есть между ними, для меня настолько удивительна, что я начинаю видеть намного более яркий свет, все время вспоминая о том, что когда я был младше, думал, что она разговаривает сама с собой. Разговаривала ли она все это время с ним?

— Она всегда могла тебя слышать?

— Когда она нуждается во мне, я всегда рядом с ней.

Слово «смерть» уже не звучит так плохо, как прежде, и я хватаюсь за эту слабую надежду.

— Будет ли это так же для меня с Куинн?

— Ты — часть нее. Ты всегда будешь рядом с ней, в каком-то смысле.

— Я не понимаю... что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я — часть ее?

— Ты — сильная душа, Чейз. Не у всех такая судьба. Это как... группа избранных душ, но мы не знаем, как и кем мы были выбраны, или сколько здесь таких, как мы. Не думаю, что таких очень много, но я знаю, что это передается в семье. Я такой... Поэтому и ты стал таким. Сколько бы нас здесь ни было, мы — избранные души, в то время как большинство созданы, как единичные элементы, не как пары с одной предначертанной связью на двоих.

Ты и Куинн... вы сильные души. Это означает, что ты был создан для нее, чтобы принадлежать ей, всегда, в каждой жизни, которую проживаешь. Так же и с Куинн. В этой жизни ты умер для того, чтобы спасти ее.

Так что же, я умер ради нее? благородно, но все же, как моя смерть может спасти ее жизнь?

— Я пока еще не знаю. Я только даю тебе информацию, которой владею на данный момент. Ты узнаешь, когда настанет подходящее время, но ты должен понять, что это душа выбрала такой путь.

Моя душа? Хотел бы я иметь возможность треснуть сейчас самого себя, потому что, черт возьми, я умер, в то время как мог бы жить? Что за херня?

— Тебе дано было два варианта. Твоя душа выбрала этот. В котором ты должен умереть, чтобы она смогла жить.

Прежде чем он успевает сказать что-то еще, я представляю ту жизнь, которая была бы у нее, выбери я другой вариант. Тот, где я думал, что у нас могло быть все хорошо, тот, где я бы выжил в аварии.

— Некоторые решения и поступки нельзя исправить, — говорит он мне.

Предполагаю, он имеет в виду аварию, потому что это происходит прямо передо мной. Более того, я могу видеть это. Мы на вечеринке, между нами спор, затем драка между мной и Дином, авария. Все это было частью нашего плана. Эта авария была частью нашей судьбы.

А остальное было в моих руках.

Я вижу себя в инвалидной коляске, парализованного после аварии, и Куинн, плачущую рядом.

— Я разрушила твою жизнь! Ты... это... это каждый день напоминает мне о том, что я у тебя отняла, — она бросает мне на колени мою бейсбольную перчатку. — Не думаю, что смогу жить с виной, что отняла это у тебя.

Теперь я понимаю, почему выбрал этот путь. Вина, которую она бы испытывала, в обоих случаях была бы сильной, но в этом случае, с моей смертью, может быть, она сможет слышать меня. Если бы я выжил, то остался бы парализованным из-за сломанной шеи, о которой никто не знал, пока не стало слишком поздно, и она винила бы в этом себя.

Вот почему мои ноги так странно чувствовались, когда я выбрался из грузовика.

— Твоя душа выбрала этот путь, потому что ты знал, что это единственная возможность остановить то, что могло последовать позже.

Я вижу еще одну свою жизнь после аварии, только Куинн не слышит меня, и я не могу остановить ее от самоубийства, когда давление после аварии становится слишком сильным.

Тейлор и остальные жестоко насмеваются над ней в школе, будто она врезалась в мой грузовик специально.

Только сейчас, когда я мертв, я могу быть здесь, рядом с ней, когда она нуждается во мне.

— Мы видим только то, что нам необходимо, — продолжает объяснять отец. — Неважно, какая высшая сила присутствует во всем этом, информация — это основа всего. И то, что я точно знаю, — у тебя намного более значимое предназначение, чем ты можешь представить, Чейз. Твоя жизнь навечно переплетена с *ее жизнью*, — он жестом указывает на Куинн, удерживая руку мамы. — Не все являются сильными душами, и мы не знаем, почему были избраны стать такими — но мы ими стали. И я знаю, что этот дар был в нашей семье с того момента, как мы стали существовать. У каждого из нас есть пара. Та, которая создана

для нас навечно. Нам суждено быть вместе, но мы соединяемся, когда для этого наступает время. И времени нам дают столько, сколько необходимо. Вот почему, как смертный, ты ничего об этом не знаешь — потому что у тебя намного более значимое предназначение.

— Так как возникли эти сильные души? Я имею в виду... ведь не каждый человек такой.

— Из того, что я понял, сильные души созданы как единая энергия, женская и мужская. Это чистейшее единение. Говорят, это потомки греческих богов. Они созданы, чтобы целиком посвятить себя своей половинке, полностью и самоотверженно своей безграничной любви, которой так не хватает в большинстве взаимоотношений.

Самоотверженная, безграничная любовь.

Теперь я окончательно все понял.

Я не могу отвести взгляда от Куинн, и я ощущаю связь, которая проходит сквозь меня.

— Что это означает для меня?

Отец целует маму в щеку, а потом наклоняется и шепчет ей что-то на ухо так тихо, что я не могу разобрать. Но я и не спрашиваю. Это чувствуется... не знаю... как интимный момент, в котором они оба нуждаются.

— Ты будешь рядом, когда понадобится.

— В каком виде?

— В каком бы она ни выбрала. Ты не узнаешь, пока она не сделает этого, — отец встает, и мы направляемся через что-то, похожее на путь по воспоминаниям, каждое из которых о Куинн и обо мне в течение всех лет, которые мы провели вместе, сначала как друзья, а потом уже как пара. — На самом деле, я не могу объяснить эту часть, потому что это уже не в наших силах. Твоя мама видела меня, разговаривала со мной все эти годы, в той форме, какая ей была нужна. Не каждую сильную душу можно увидеть. Смертные сильные души могут увидеть своих умерших вторых половинок, только когда этого требует ситуация, или если появляется угроза существования этой пары.

— Так ты здесь из-за мамы?

— Я годами помогаю ей, а ты здесь, чтобы помочь Куинн. Она сильная, *невероятно* сильная, и у нее есть сила преодолеть все это, но она нуждается в тебе. Она ранена, потеряна и в смятении, и ты единственный, кто может провести ее через это.

Это ранит меня — его слова, мы с Куинн, наша связь. Я вижу утро, когда она в очередной раз пробирается в мою комнату.

Ее глаза выглядят безжизненными, она бесцветная копия девушки, которую я знал раньше — девушки, которой я отдал свое сердце.

— Ничего.

Это не ничего.

В этом и была причина того, что никто из нас не смог отступить, даже когда все было уже кончено. По этой причине я чувствовал присутствие Куинн, даже когда не видел ее. Мы одно целое, наши души связаны, соединены навечно. Она в моих костях, в моей крови, в моем сердце. По этой причине я и не мог отпустить ее, по этой причине меня и тянуло к ней.

У меня болит сердце за нее, и я должен убедиться, что с ней все будет в порядке. Я беспокоюсь за нее. Я не жалею ни о чем, что было между нами, за исключением того, что не смогу показать ей и подарить ту любовь, которую она заслуживает в этой жизни.

Как ни странно, я знаю, что это не конец.

— Будь здесь для нее. Это все, что ты можешь сделать, — говорит мне отец.

Куинн

Большую часть субботнего дня я провожу в постели, дрейфуя между сном и реальностью. Я хочу уснуть такой разновидностью сна, которая поможет разуму полностью затихнуть, вот только мое сердце не позволяет мне этого. Вместо сна я пялюсь в потолок и плачу, слезы скатываются по моим щекам в уши.

Пока я лежу так, воспоминания о Чейзе вращаются в моем мозгу настолько быстро, что я не могу различить их, но они там. Они как вспышки — годы, которые мы провели вместе, кем мы стали и что бы у нас было.

Ощущения внутри меня — давление, страх — это слишком много. Мысли о том, что он умер — это что-то, что я не могу осознать. Что-то мерзкое и похожее на одиночество. Хотела бы я вернуть назад свою детскую невинность, как тогда, когда потеряла своих родителей.

Все это напоминает мне утро после смерти родителей. Покрасневшие опухшие глаза и опустошенное сердце, выискивающее причину тому, почему жизнь изменилась.

— *Я был т-т-трусом, — его голос звучит подавленно и сокрушенно. — Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом.*

Меня окутывает ранний утренний свет. Как суровое напоминание того, что воскресенье настало, возвращается боль, а я застигнута врасплох и сломлена.

Я убила его.

Я врезалась в него своей машиной.

Он умер.

Ушел.

Одно слово, произнесенное мысленно, но такое окончательное.

Мои мысли тут же переключаются на Джанет, на то, что, должно быть, она думает обо мне, через что ей сегодня предстоит пройти, прямо сейчас. Через что она будет теперь проходить всегда. Эти события не станут просто этапом жизни, после которого она сможет восстановиться, и, тем более, не станут просто периодом времени. Это будет с ней *всегда* — жизнь без единственного сына. Бездетность. Страдание. Боль.

С одной стороны, я опустошена из-за произошедшего, а с другой, я не должна.

Это Джанет должна быть опустошена.

— Ненавижу то, что мне приходится оставлять тебя, но мне нужно на работу, — говорит мне Риз, когда в воскресенье утром мы сидим за кухонным столом. — Я не могу дозвониться до Эмери. Я пыталась. Они где-то за пределами Бристольского залива.

Я не говорю ей ничего в ответ, когда она подталкивает в мою сторону бублик, намазанный сливочным сыром. Как я могу есть в такое время?

— Тебе нужно поесть, Куинн.

Я понимаю, что Риз хочет быть рядом, наверное, потому, что она думает обо мне уже как о сестре. Именно так мы себя и ведем. Все четыре года, что она встречается с моим братом, она живет с нами, и я привыкла к тому, что она всегда рядом.

Только сейчас я мечтаю о том, чтобы она ушла. Я хочу погрязнуть в своих страданиях. Чейз мертв уже целый день. Двадцать четыре часа без него, и это похоже на вечность.

Аварию показали по нашим местным новостям и в воскресных газетах поместили материалы вместе с фотографиями наших искореженных машин. Мне приходится сразу же отвести взгляд в сторону, а потом я снова мысленно возвращаюсь туда.

— Ш-ш-ш-ш, — говорю я, крепче обнимая его. — Они уже едут. Просто держись, пожалуйста, малыш, держись.

« Полиция штата сообщает, что ожидает токсикологический отчет, который поможет им понять, что стало причиной аварии, которая ранним субботним утром в Вестпорте убила бейсбольного игрока и звезду старшей школы Окоста.

Чейз Паркер, семнадцати лет, которому недавно была предоставлена полная бейсбольная стипендия Университетом штата Флорида, по-видимому, потерял контроль над управлением своего грузовика и разбился в районе часа ночи на трассе Саут Форест в Вестпорте в субботу.

Полицейские сообщают, что причины аварии, в которой столкнулись Паркер и еще одна ученица школы Окоста, Куинн Хэдли, расследуются.

Паркер — хорошо известный бейсбольный игрок, ученик старшей школы Окоста — скончался в больнице в Харборвью рано утром в субботу. Хэдли, как сообщается, оказали первую медицинскую помощь и, в связи с незначительными травмами, отпустили.

Множество одноклассников после того, как узнали об аварии, в субботу утром выложили в социальных сетях посты в память о лучшем бейсбольном игроке, который считался одним из топовых шорт-стопов и которому пророчили многообещающую карьеру в Университете штата Флорида.

Полицейские также сообщили, что по одной из версий, решающим фактором в аварии могла стать скорость».

Они выложили посты в социальные сети?

Забежав в комнату, я хватаю мобильный телефон с прикроватной тумбочки и открываю «Инстаграм», чертовски хорошо осознавая, что мне не стоит этого делать. А потом я думаю о Чейзе: он собирался в колледж, в тот же самый, в который подала документы и я. Я разрушила его шанс на карьеру.

Риз вздыхает, когда я возвращаюсь к столу. Подтянув колени к груди, я пролистываю ленту с фотографиями и постами наших одноклассников.

— Может, мне стоит позвонить на работу и сказать, что я заболела? — спрашивает Риз.

— Они обвиняют меня в аварии, — говорю я ей, а потом замечаю, что Тейлор отметила Чейза на видеоклипе, который, как она утверждает, напоминает ей о нем, а в «Пинтерест» написала, что потеряла любовь всей своей жизни. Но хуже всего — это фотография, которую она выложила, на ней они вдвоем и подпись: «Моя жизнь опустела. Ничто уже никогда не будет прежним».

Ничто в ее жизни уже никогда не будет прежним? А как насчет жизни его матери?

На сердце становится тяжело, когда я вижу фотографию. У Чейза колени в пыли после игры, он прижимает ее к своему боку, кепка повернута козырьком назад, и он целует ее в щеку. Я узнаю этот одурманенный победой взгляд и покрасневшие щеки. Я узнаю это потому, что получала все это многие годы.

Мне интересно, что бы она подумала, если бы узнала о том, что он сказал, что любит меня. Это были самые последние слова, слетевшие с его губ.

— Я л-л-любл-лю... т... т-тебя.

Он любил меня.

Мой серый мир заиграл красками от осознания того, что Чейз любил *меня*.

О, Боже, так больно, что его больше нет. Эта рана, где-то глубоко внутри, то появляется, то исчезает, но никогда по-настоящему не исчезнет. Это как волны в море в бесконечном движении.

— С тобой все будет хорошо? — спрашивает Риз, неуверенная в том, как можно меня успокоить. Она выглядит так, будто хочет меня обнять, но боится. Затем протягивает мне конверт с эмблемой Университета штата Флорида. — Держи, может, это поднимет тебе настроение.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, входит Мелинда с тремя пакетами продуктов, и я засовываю конверт под выписки из больницы, лежащие на столе.

— Я справлюсь с этим, Риз. Сегодня я буду заботиться о своей девочке.

Я не поднимаю на нее взгляд. Не могу, так же, как и не могу открыть конверт от Университета штата Флорида. В одночасье мое будущее больше не имеет значения. Не знаю, как можно думать о том, что моя жизнь будет продолжаться, в то время как его — нет. Отодвинув в сторону мысли о письме, я фокусируюсь на выставленных в «Инстаграм» постах. Самое худшее, что я начинаю ощущать вину за вчерашнее на более разрушительном уровне.

«Не могу поверить, что Куинн врезалась в него. Я просто... не могу поверить. Она отобрала у меня любовь моей жизни. Я надеюсь, что она не может спать по ночам от той боли, которую мне принесла».

Она это серьезно?

К сожалению, да. Это именно то самое эгоистичное дерьмо, которое я от нее и ожидала, но все равно, до сих пор не могу в это поверить. Я, практически... оцепенела. То, что я навсегда разрушила его мечту профессионально играть в бейсбол, это уже достаточно скверное чувство, но теперь во мне присутствует дополнительное чувство вины за то, что подвела каждого в этом пассивном городе.

— Ты можешь поверить в наглость этой сучки? — спрашивает Мел, заглядывая в телефон через мое плечо, пока Риз суетится по кухне, пытаясь найти свои ключи.

Я не отвечаю. Не могу. Я в шоке.

Мел садится на стул рядом со мной.

— Я буду не прочь попросить Джанет сделать скриншот того сообщения от Тейлор, чтобы запостить его.

У меня снова пересыхает в горле от мыслей о его маме и о том, что она, должно быть, чувствует сегодня, находясь в том доме, в котором он жил вместе с ней.

— Что, если Джанет увидит это? Я имею в виду... она потеряла своего сына. По какому праву Тейлор ведет себя так, будто это она жертва всего случившегося?

Прошлой ночью я была не в себе. Я полностью признаю это. И я оставила Джанет с врачами, чтобы она еще раз смогла увидеть своего сына. Она обняла меня, а я не смогла сказать ничего другого, кроме того, что мне жаль.

— Насколько я знаю, у Джанет нет «Инстаграм», — Мел откусывает от моего бублика, к которому я даже не притронулась. — И я не думаю, что она будет обращать на Тейлор внимание. Особенно если знает, что они расстались.

Риз целует меня в макушку.

— Вернусь примерно к семи вечера, — она указывает на Мел. — Не оставляй ее сегодня одну.

Мелинда подмигивает ей.

— Я так и планирую. Буду рядом.

— Мне не нужно, чтобы ты была рядом, — говорю я ей, закатывая глаза, и кривлюсь от того, как сильно у меня болит голова.

— Нет, нужно, — говорит Риз и закрывает за собой входную дверь.

Я жду, пока не слышу звуки ее машины, покидающей подъездную дорожку, а затем поворачиваюсь к Мел.

— Серьезно, тебе не обязательно оставаться здесь со мной. Я буду в порядке.

— *П-п-пожалуйста, не надо, — шепчет он мне на ухо. — Об-б-бними... меня.*

Неа. Я не буду в порядке. Я чувствую, что сейчас снова сорвусь, и не хочу, чтобы в этот момент она была рядом. Я просто хочу, чтобы меня оставили наедине со своими мыслями.

— Ты разговаривала с Ганнером этим утром?

Мел закатывает глаза.

— Все утро. Он писал мне смс, задавая кучу вопросов.

— Каких вопросов?

Я никогда не участвовала в школьных сплетнях и гордилась собой, что в последнее время начала их игнорировать, но сейчас мне внезапно стало очень интересно узнать о том, что они говорят обо мне.

Она корчит гримасу, как делает всегда, когда не хочет мне что-то рассказывать.

— Он спрашивал о том, что произошло. Кажется, он слышал, что ты резко свернула, когда увидела приближение машины.

— Я этого не делала! — кровь приливает к моему лицу, щеки начинают пылать. — Как они вообще могут говорить такое? Их там не было. Я была ослеплена его чертовыми фарами и туманом.

Что еще они говорят обо мне? Что произойдет, когда мне придется завтра утром вернуться в школу?

О, Боже, не хочу никого из них видеть.

Я тут же начинаю размышлять о возможностях не возвращаться в школу или вообще не покидать этот дом. Нет никакого чертового шанса, что Эмери позволит мне бросить учебу. В любом случае, это условие моего трастового фонда. Я должна окончить обучение в школе. Но должен же быть хоть один способ никогда не возвращаться в эту школу и не встречаться лицом к лицу с этими людьми.

Может, перевестись?

Сдать экстерном?

Эмери не позволит этого. Засранец. Особенно когда до выпуска осталось всего три недели.

От мысли о том, чтобы вернуться в школу, мне становится не по себе. Я знаю, что они думают обо мне — что я убила Чейза, что врезалась в него намеренно, но я не делала этого. Я бы *никогда* не смогла.

Я не хотела быть этой грустной маленькой девочкой, потерявшей своих родителей, и не хочу быть убийцей школьной суперзвезды бейсбола.

Но я такая. И пока нахожусь здесь, всегда буду такой.

Мел тянется к моей руке, понимая, что именно сейчас происходит в моей голове.

— Успокойся. Я знаю, что это не твоя вина. Ты знаешь, что это не твоя вина. Это все, что важно.

Я могу себе это сказать, но не могу в это поверить.

Глядя на меня, Мел приподнимает бровь, и на ее губах появляется едва заметная ухмылка.

— Могу я сказать тебе кое-что, что поднимет тебе настроение? Дина арестовали прошлой ночью за распространение наркотиков. Похоже, что старичок Динни-бой какое-то время не будет доставать тебя.

Наверное, для ареста было слишком много оснований.

Несмотря на то, что это хорошие новости, они не поднимают мне настроение. Приподнятое настроение не вернет Чейза назад.

* * *

Мел остается со мной весь день. Даже когда приходят копы и говорят мне о том, что по факту аварии ведется следствие, она остается рядом.

Они дают мне визитную карточку адвоката, но я не оставляю ее.

— Что-нибудь слышно от Джанет? — спрашивает Мел, переключая каналы, когда мы смотрим телевизор.

— Нет, — подняв левую руку, я чешу пальцы под повязкой, а потом рассматриваю выданные мне болеутоляющие. Я не приняла ни одной. Я хочу ощущать эту боль. Это лучше, чем боль, разъедающая мое сердце. — Я хочу позвонить ей, но боюсь. Что, если она меня ненавидит?

Мел искоса смотрит на меня.

— Куинн, она не ненавидит тебя. Ты для нее как дочь, — она откладывает в сторону пульт от телевизора, берет лежащий рядом с ней телефон и смотрит на него. — Мы могли бы принести ей цветы или еще что, — предлагает она.

На самом деле, это хорошая идея. Так я бы смогла проверить ее, но сделать это ненавязчиво.

Я переодеваюсь в джинсы и толстовку, и мы с Мел направляемся к дому Джанет. На подъездной дорожке, рядом с ее машиной, припаркован черный «Эксплорер», похожий на машину из проката.

— Интересно, кто это? — спрашивает Мел, пока мы проходим мимо машины.

— Вероятно, его тетя Барб — сестра Джанет, которая живет во Флориде.

Мел кивает, ее капюшон натянут на голову, так как дождь продолжает лить.

— Не могу поверить, что он получил полную стипендию.

Я снова начинаю плакать из-за будущего, которого у него больше нет. Наверное, поэтому я и не могу открыть свое письмо.

Если меня зачислят, я буду чувствовать себя виноватой, что его там не будет.

Если меня не зачислят, мне придется остаться здесь навечно, в городе, главного героя которого я убила.

Я ощущаю какое-то облегчение от того, что рядом с Джанет кто-то есть, но я не могу постучать в дверь. Что я вообще собираюсь ей сказать? Извините, что убила вашего сына?

На обветшалом крыльце лежат цветы, открытки, еда. Каждый пытается выразить свои

соболезнования ее потере.

А что я собираюсь ей предложить?

Цветы? Этого недостаточно, чтобы она смогла пережить свою потерю.

Запаниковав, я смотрю на Мел, которая поднимает руку, чтобы постучать.

— Мне нужно уйти. Я не смогу сделать это.

Она кивает, почувствовав мою тревогу.

— Хорошо, пошли, — она наклоняется и кладет цветы рядом с остальными. — Я оставлю их здесь.

Я никогда не хотела причинять Джанет боль или отбирать у нее единственного ребенка. Того невыносимого чувства вины, которое я сдерживаю внутри, достаточно, чтобы утонуть в нем. Вы даже не сможете себе представить эти чувства, пока они не завладеют вами, не произрастут и уже больше никогда не отпустят вас.

* * *

Облака, темные и тяжелые, плывут со стороны Тихого океана и достигают берега. Слезы жгут глаза, когда боль становится такой же непреодолимой, как и волны. Я нахожу волны успокаивающими. Ветер, серость вокруг меня — это именно то, что мне нужно. Только это не так. То, что мне нужно, это Чейз. Почему я так долго избегала его? Как я могла позволить такому случиться?

Умер. Он умер. Окончательно, навсегда, его искра в моей жизни угасла.

Нервничая от того, что через несколько часов мне придется вернуться в школу, я проснулась, как только солнце поднялось с восточной стороны города. Судя по звукам, Мел, лежащая на кровати рядом со мной, спала. Я выскользнула из кровати и направилась на пляж.

Сюда я приходила, когда была младше и скучала по своим родителям. В океане есть что-то бесконечно красивое и такое чувство, будто там, где вода встречается с небом, может произойти что угодно. И там я его представляю, будто он не ушел окончательно и бесповоротно.

Чейз мог бы быть там, потеряться в переходе между водой и небом.

Чувствую себя потерянной и онемевшей. От порывов ветра вода будто зеркальная — каждая крошечная волна отражает в себе маленькие блики света.

Я лежу на песке и смотрю вверх, на небо, океанский бриз ощущается как соленые поцелуи на моих щеках. Я потеряна в своих собственных бурных мыслях. Пока я стараюсь делать один судорожный вдох за другим, мое лицо настолько жжет от рыданий, что, кажется, слезы никогда не прекратятся.

— Чейз, я все испортила, — рыдаю я, наблюдая за облаками. — Прости меня.

Не успеваю я произнести эти слова, как ощущаю холодок на своей коже. Мои руки покрываются гусиной кожей, и у меня получается дышать глубже, чем до этого. Чувство покоя и безопасности накрывает меня, я поднимаю руки с песка и скрещиваю их на груди. Закрыв глаза, я расслабляюсь и спокойно дышу. Я представляю, как его дыхание касается меня, как сквозь ветер он шепчет мое имя. Сегодня утром прохладно, но все, что я чувствую, это тепло вокруг себя, будто в этом крошечном пузыре вокруг меня наступило лето.

Так же быстро, как это ощущение появляется, оно и проходит.

Я заснула. Должно быть, я просто заснула. Это абсолютно невозможно, чтобы так явно я смогла почувствовать его присутствие. Но я почувствовала.

Сев, я притягиваю колени к груди и прижимаюсь щекой к коленке. Теплый воздух окутывает мое тело, пока дождь бьет по моему лицу. Влажные волосы прилипают к щеке, и я отбрасываю их руками, чтобы осмотреть пляж, почти уверенная, что увижу его там. Я не вижу Чейза, но чувствую запах — приятный летний запах травы, пыли и его.

Я тут же мысленно возвращаюсь в тот день, когда почувствовала, что влюбилась в него. Мне было тринадцать лет, я не понимала, что означает такая любовь, и как она будет действовать на меня. Это было прекрасно, и окончательно изменило мою жизнь.

Туманным утром, пока мы потягивали горячий шоколад и облачка пара клубились над нами от каждого взрыва нашего смеха, Чейз сжал мою руку, и мое сердце подскочило к горлу и забилося так быстро и громко. В тот день, в тот самый момент, я влюбилась в него.

Меня накрывают эмоции и воспоминания, такие знакомые. Они напоминают о блеске голубых глаз, об утренних поцелуях между прохладными простынями и о его руках, обнимающих меня, дарящих безопасность. Такое спокойствие я ощущала только в его присутствии, и ощущаю его прямо сейчас.

Я боюсь пошевелиться. Может, если я останусь здесь, то смогу сохранить эти ощущения, это спокойствие, хоть на какое-то время.

Я нахожусь здесь еще примерно около часа, смотрю на океан, заставляя себя снова сконцентрироваться на этих ощущениях, но я так и не чувствую этого снова.

К тому времени, когда слышу, как позади меня кто-то кричит мое имя, я уже полностью промокла.

Повернувшись, я вижу бегущую по пляжу Мел, ее ноги проваливаются в тяжелый мокрый песок.

Тяжело дыша, она падает рядом со мной.

— Ты напугала меня до чертиков, Куинн, — она прижимает руки к груди. — Я думала... ну, не знаю, что я думала, но, Боже, сделай мне одолжение, предупреждай в следующий раз, когда собираешься сбегать.

— Прости.

Мы сидим, и Мел, щурясь от дождя, оглядывает меня с ног до головы, пытаюсь привести в порядок кудрявую массу вьющихся каштановых волос.

— Ты не можешь лечь спать с кем-то, а потом просто оставить его просыпаться в одиночестве. Это просто грубо, — она улыбается, закатывает глаза, а потом начинает смеяться. — Из-за тебя я чувствую себя дешевкой.

Сказать ей о том, что я чувствовала, будто Чейз был рядом со мной?

Нет... не надо. Она подумает, что ты спятила.

— Мне нужно было... — я замолкаю и хмурюсь, огорчаясь от мыслей, что почувствовала его, а затем снова потеряла, — немного воздуха.

— Хорошо, — говорит Мел, потянувшись к моей руке. — Ну, давай, пошли. Здесь слишком холодно, и твой гипс весь промок.

Бросив еще один взгляд на берег, я стряхиваю с ресниц капли дождя, надеюсь, что, возможно, он появится снова. Только этого не происходит.

Этим утром меня переполняют эмоции. Это мой первый день в школе с момента субботнего происшествия, и я стараюсь быть *нормальной*, но в моей жизни уже никогда ничего не будет нормальным. Просто не будет. Я даже не уверена, что понимаю значение слова «нормально».

В тот момент, как мы выбираемся из машины, Мел пытается поддержать меня.

— Если захочешь, чтобы я кого-нибудь избила, просто скажи, — она разворачивается лицом ко мне, пока заходит спиной вперед в двери школы. — Я не дралась с пятого класса, — она поднимает свою правую руку и целует бицепс, — и настало время показать, для чего создавалось мое оружие. Если кто-то будет досаждать тебе, я врежу ему по лицу.

Я дарю ей полуулыбку, стараясь ни на кого не смотреть — капюшон моей толстовки натянут на голову.

— Как скажешь, Мел.

Первый звонок еще не прозвенел, поэтому все находятся в холле, общаются. Это первый раз, когда я вхожу в школу после аварии. Только одна мысль о ней мгновенно возвращает меня назад к звукам разбивающегося стекла и скрежету металла.

Я замечаю ее издали, только мельком, и в то время, как я едва смогла выбраться из своей чертовой постели, Тейлор выглядит безупречно. Ее волосы собраны в аккуратный хвост и на ней толстовка «Диких Котов» с номером Чейза на спине.

— *Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом.*

— Он не любил тебя, шлюшка, — бубню я сквозь зубы.

— В этой школе надо быть более конкретной, когда называешь кого-то шлюшкой, — дразнит Мел, услышав меня.

Я ничего не говорю ей в ответ. Тейлор останавливается возле шкафчиков, толпа учащихся окружает ее, пока она молча рыдает рядом с его шкафчиком и приклеенными к дверце фотографиями с ним.

Когда они, черт возьми, успели обклеить его шкафчик фотографиями?

— Интересно, знает ли хоть кто-нибудь из них о том, что той ночью они расстались? — Мел качает головой, глядя на меня.

В ответ на ее вопрос я пожимаю плечами и забегаю в класс. Последний человек, которого бы я хотела видеть прямо сейчас, это Тейлор, и если я смогу какое-то время прятаться в классе, то меня это устраивает.

Первый урок проходит как в аду. По большей части потому, что этот урок у меня был совместным с Чейзом, и на меня все время все пялятся, включая Джейдена. Мне, в какой-то степени, даже немного любопытно, что они мне скажут в лицо после тех слухов, которые я слышала. Особенно Джейден и Ганнер.

Я смотрю вниз, на парту, и ни с кем не встречаюсь взглядом, даже с учителем. Ничего нового — им давно пора бы уже привыкнуть к этому. Но это все равно не помогает времени проходить быстрее.

Краем глаза я вижу пустую парту рядом с моей.

Когда звенит звонок, я понимаю, что настал момент истины, потому что мой следующий урок прямо в соседнем с Тейлор классе.

Чейз

Я продолжаю дрейфовать как бы сквозь дни, звук ее голоса связывает меня с моей прошлой жизнью.

На земле без меня жизнь продолжается, но для Куинн она полностью остановилась. Она остановилась на той трассе с туманом, таким густым, что он поглотил нас обоих. Чего она не видит, так это того, кем мы являемся, того, что я узнал, и что мне пришлось осознать. Как сильная душа, я сделал выбор умереть, чтобы спасти ее, и в каком-то смысле это окончание истории любви.

Извините, но быть мертвым это, вообще-то, отстойно.

Хотя я все понимаю. Мы были созданы как одно целое, вместе навсегда, и я здесь, жду момента, когда понадобится ей. Я объясню ей это, когда понадобится, и буду здесь для нее.

Поэтому сейчас я нахожусь в этом месте, не в физическом смысле, просто нахожусь.

Понятия не имею, сколько прошло времени с того момента, как я умер, но по ощущениям, будто прошли часы. Сейчас для меня время проходит совершенно по-другому.

Присмотревшись повнимательнее, я могу с уверенностью сказать, что сегодня понедельник, первый учебный день после аварии. Я хожу по коридорам в школе, где раньше учился, вокруг толпы людей, и все они смотрят сквозь меня.

Я ощущаю себя странно, когда перехожу от воспоминаний в настоящее, будто, переходя из одного измерения в другое, я способен видеть воспоминания, выбирать определенные отрезки времени, прошлое или настоящее, и находиться в них.

В школе меня никто не видит. Я здесь, но я невидим.

Я могу чувствовать энергию окружающих меня душ, и неважно, какая аура, сгустки энергии — вот что удерживает меня здесь. Пока иду, я начинаю замечать, что у кого-то позитивная энергия, в то время как от других исходят темные вибрации, похожие на сигаретный дым.

Меня никто не притягивает, как Куинн, но энергия, которую я ощущаю вокруг ее души, определенно, другая. Я знаю, где именно она находится в любой из моментов. В этом есть смысл, поскольку я был очень тесно связан с ней при жизни.

И я имею в виду, что был связан в физическом смысле.

Пока стою возле кабинета Куинн, мимо меня проходит Тейлор, ее взгляд опущен, и я думаю о том, что должен что-то испытать к ней, хоть что-то, но этого не происходит. Пустота. Ни воспоминаний о хорошо проведенном времени, ни ощущения потери. Все это полностью ушло. Единственный человек, на ком я полностью сфокусирован и кому уделяю все свое внимание, это Куинн.

Я прислоняюсь к стене, дожидаясь, пока Куинн выйдет из кабинета. Я могу войти внутрь, но не делаю этого. Меня больше интересуют ощущения по поводу того, что происходит в этом коридоре.

Как-то странно находиться здесь сейчас, когда меня никто не видит, когда все оплакивают мою потерю.

А потом ощущаю ее позади себя и разворачиваюсь. И хотя знаю, что она не может меня увидеть, я уверен, она чувствует мое присутствие. Ее щеки розовеют от исходящего от меня

тепла, но она не поднимает взгляда, когда покидает первый урок и направляется в холл.

Она так чертовски красива, даже в своем горе. Даже когда грустит, Куинн так переносит свою боль, что это просто завораживает. Это не физическая красота, которая видна, это свет ее души, связь между нами, которая притягивает меня к ней. Кровь, кости, сердце, все в целом притягивает нас друг к другу.

Сегодня на ней черная толстовка, капюшон натянут на голову, скрывая лицо от окружающих. Мне хочется протянуть руку и стянуть капюшон, чтобы я смог заглянуть в ее глаза. Забавно, я видел множество наших жизней, и, несмотря ни на какие обстоятельства, окружавшие нас, ее глаза — это единственное, что никогда не менялось. Цвет, различные оттенки голубого и крохотные крапинки коричневого в ее левом глазу, всегда неизменны.

Я заметил, что эти крапинки тоже никогда не меняются, они всегда коричневого цвета. Отец сказал, что это особенность, которую знает ее душа и к которой стремится. Говорят, что наши глаза — это окна в наши души, и, полагаю, это правдивое заявление, потому что, когда я смотрю на Куинн, я знаю, это правда.

Оставаясь невидимым для окружающих, я иду рядом с ней и замечаю, как она реагирует на мое присутствие — гусиная кожа на руках, учащенное дыхание, ускоренное сердцебиение. В ее груди бешеный грохот, и каждый этот удар я ощущаю в своей груди.

«Это безумие. Его нет рядом со мной, — думает Куинн. — Его не может быть рядом».

Я мягко улыбаюсь, понимая, что эффект, который я на нее сейчас произвожу, заметен.

Тейлор замечает Куинн, и ее походка сбивается. Я хочу заслонить собой Куинн, защитить ее от того, что грядет, только даже если я и сделаю это, то все равно не смогу защитить о того, что вот-вот будет сказано.

— Не могу поверить, что ты снова показалась здесь, Куинн. Я знаю, ты сделала это намеренно, потому что завидовала тому, что было между нами, признай это! — кричит Тейлор достаточно громко, чтобы было слышно половине коридора, адресуя Куинн свои нелепые обвинения.

Серьезно? Что за сучка! Мне становится гадко от самого себя за каждое проведенное с ней свидание.

Мне не следует удивляться. Естественно, Тейлор ведет себя так. Она всегда завидовала Куинн. Вести себя так здесь — на глазах у всех — это лучший способ завоевать внимание, которое она так обожает, и привлечь на свою сторону все стадо. Когда она встречалась со мной, она грелась в лучах самого популярного титула, который так отчаянно хотела заполучить.

«Я знала, что у Тейлор есть мстительная черта характера, но, видимо, Чейз игнорировал это», — думает Куинн, качая головой, и пытается пройти мимо Тейлор, не обращая на нее внимания.

Нет, я знал, что она сумасшедшая, просто на тот момент меня это не волновало. Мне было семнадцать, и она прижималась ко мне своими сиськами.

Но, серьезно, как она могла сказать такое Куинн? Она забыла, что мы расстались?

Видимо, просто игнорирует, потому что не хочет, чтобы об этом узнали *все*.

— Это твоя вина, что он умер! — срывается Тейлор. — Как ты можешь жить с этим?

Прямо сейчас я бы отдал все, чтобы иметь возможность треснуть ее.

— Я не убивала его, Тейлор. Это была автомобильная авария. То есть... несчастный случай. Что бы ты ни думала, я бы никогда намеренно не причинила Чейзу боль. Я люблю

его.

— Ну, в этом то и проблема, да, Куинн? Он больше не был твоим, — Тейлор выгибает бровь, глядя на Куинн, и в уголках ее губ появляется проблеск улыбки.

Мне это не нравится, совсем не нравится.

Черт, я ненавижу Тейлор. Если посмотреть на то, как она себя ведет, покажется, будто между нами было что-то особенное.

Куинн разворачивается, чтобы уйти, поэтому Тейлор хватает ее за руку, дернув назад, и если бы я мог найти способ, как врезать этой сучке, я бы сделал это.

— Не смей убегать от меня.

— Не прикасайся к ней! — кричу я в лицо Тейлор, только она меня не слышит. Мой голос остается незамеченным точно так же, как и мое присутствие в этом мире.

Меня охватывает злость. Я чувствую, как все мое тело начинает вибрировать, а Куинн дергается в сторону, когда свет в коридоре тускнеет и мигает с каждым моим вдохом.

Ладно, может, в конце концов, не такой уж я и незаметный.

Сжимаю кулаки по бокам. Ученики в коридоре обращают внимание на потолок, пока свет гаснет, а потом мигает, будто лампочки вот-вот взорвутся.

— Я буду делать все, что захочу, — рычит Куинн ей в ответ, выдергивая свою руку из захвата и восстанавливая равновесие, прежде чем врезается в шкафчики.

К счастью, к Куинн подбегает Мелинда и обхватывает ее руками, притягивая к себе.

— Какого черта, Тейлор? Какие проблемы?

— Все здесь ненавидят тебя, ты же это понимаешь, да? — спрашивает Тейлор Куинн, полностью игнорируя Мелинду. — А что, если бы я была тогда вместе с ним? Ты бы и меня убила тоже.

«Это плохо, если я расстроена, что этого не произошло?» — думает Куинн, глядя прямо перед собой и стараясь игнорировать откровенные взгляды, окружающие ее.

— Я не ненавижу ее, — замечает Мелинда, широко улыбаясь. — Ганнер и Джейден не ненавидят ее.

Все присутствующие переводят взгляды на моих парней, и я жду, что они заступятся за Куинн. Джейден смотрит на Ганнера, ожидая его реакции, но никто из них не произносит ни слова.

Подонки.

— Сделайте что-нибудь! — кричу я им. Свет снова мигает, только они не реагируют, потому что, черт возьми, не слышат меня.

Я пристальнее рассматриваю лицо Куинн, ожидая ее реакции, и ее тело дергается в ответ на мое приближение, когда я протягиваю руку и касаюсь ее плеча. Она смотрит на него, будто может чувствовать мое прикосновение. Чем ближе я к ней, тем более спокойным становлюсь, и моя злость начинает затихать.

Сердце в ее груди бьется очень быстро, и она с трудом сглатывает, медленно моргая. Ее сознание затуманено, и она начинает вспоминать аварию и те слова, которые я сказал ей. Словно прямо сейчас ей нужно напоминание о том, что все, что было между нами, было по-настоящему. *«Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом».*

Хотел бы я, чтобы она тоже могла увидеть, что для нас это не было концом, и это все еще не конец.

Перевожу взгляд на Тейлор, всматриваюсь в нее. Как будто это чем-то поможет. Она больше не может меня видеть.

Мне не нравится, как все вокруг нас смотрят на Куинн, их ослепленные ненавистью взгляды сверлят душу, о которой они ничего не знают. Мне хочется наорать на них, заставить понять, что у них нет никакого права обращаться с ней таким образом.

Они ведут себя так, будто она чудовище, будто она каким-то образом намеренно спровоцировала аварию. Они все так ошибаются. Куинн — не чудовище. Это был несчастный случай, сделанный свыше выбор — то, что она не могла контролировать.

Тейлор подходит ближе, так близко, что Куинн может почувствовать ее дыхание на своем лице от каждого произнесенного слова.

— Это должна была быть *ты*.

«*Я знаю*», — думает Куинн про себя. Слезы текут по ее щекам, но она не отвечает Тейлор. Вместо этого просто разворачивается и уходит на следующий урок.

«*Я не смогу этого сделать*», — Куинн вся напряжена, смотрит на часы, наблюдая, как стрелка отсчитывает секунды до звонка. — *Я не могу находиться здесь. Не сегодня*».

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Надо мной звенит последний на сегодня звонок, и Куинн дергается, быстро моргая, пытаюсь прогнать воспоминания о той ночи. «*Я должен... сказать тебе. Для меня это не было... к-к-концом*».

Она резко встает, наклоняется за своим рюкзаком и бежит к двери.

— Мисс Хэдли! — кричит ей вдогонку мистер Селлер. — Куда это вы собрались?

Но Куинн не отвечает.

Такое ощущение, будто я только моргнул, и вот отец уже стоит рядом со мной, положив руку мне на плечо, а сам я нахожусь снаружи возле окна спальни Куинн. Я поворачиваюсь к отцу, и он смотрит на меня в ожидании. Выражение его лица говорит мне о том, что он здесь, чтобы провести меня через что-то, чем бы оно ни было.

— Пап, что я должен сделать?

— Когда Куинн будет готова, когда она откроет для себя возможность видеть тебя, тогда настанет твое время.

Мое время? Я не понимаю, что это значит.

— Наберись терпения, сын. Я обещаю, что все получится. Помни... ты умер, чтобы спасти ее. Она — твоя судьба. Она сумеет почувствовать, увидеть и услышать тебя, когда придет время. Вам подарили этот дар. Только сильная душа может спасти свою пару.

Пока я осмысливаю все, что он мне сказал, отец начинает исчезать, в чем, как я заметил, он очень хорош.

Куинн лежит на кровати, она плачет так сильно, что у меня перехватывает дыхание. Я начинаю надеяться на то, что время уже пришло. Мой взгляд прикован к ней, желание помочь ей практически подавляет меня. Я могу чувствовать, как ее душа зовет меня, будто внутри нас магниты, и они притягиваются друг к другу.

— Я просто хочу иметь возможность увидеть тебя еще раз, — всхлипывает она.

Это происходит внезапно, и я тут же оказываюсь сидящим на кровати Куинн.

Понятия не имею, как выгляжу в это мгновение, каким она видит меня. Черт, я могу быть завернутым в простыню с прорезями для глаз, кто знает.

— Чейз?

Куинн

Я не могу находиться в школе. Просто не могу. Это слишком тяжело, слишком рано.

Лежа на кровати, я пялюсь в потолок. Я знаю, что в любую минуту могут позвонить из школы и сказать Риз о том, что я сбежала с урока, но я знаю, что она меня поймет.

Моя вина в том, что Чейз умер, и теперь каждый в школе знает об этом.

Я не могу с этим справиться.

Не могу справиться с тем, что Тейлор кричит всем о том, что я и так уже знаю сама — Чейз умер из-за меня.

Я закрываю лицо руками и позволяю горю завладеть мной. *Я не хочу* чувствовать эту вину, эту боль, но чувствую, будто это единственное в моей жизни, что имеет смысл.

Я ощущала Чейза на пляже. *Я уверена* в этом. Это точно был он.

— Я просто хочу иметь возможность увидеть тебя еще раз, — всхлипываю я, мое тело содрогается от рыданий, заполняющих комнату. Как только эти слова слетают с моих губ, я начинаю ощущать то ошеломляющее тепло, которое появляется вместе с ним.

Какое-то время я раздумываю над тем, чтобы держать глаза закрытыми, потому что боюсь, что если открою их, то это ощущение пропадет так же, как это произошло на пляже.

Что-то внутри меня говорит мне, чтобы я открыла их, и еще я чувствую необъяснимое желание подняться, чтобы посмотреть, вдруг он рядом. Поэтому я открываю глаза, и вот он, рядом.

Но как? Как такое вообще возможно?

— Чейз?

Он улыбается мне так, как может улыбаться только он. Мой взгляд мечется скользит по его лицу, такому свежему, что мне кажется, будто он настоящий, будто он на самом деле, черт возьми, здесь, рядом со мной.

— Это... ты?

На нем та же толстовка, что и в ночь аварии, черная бейсболка и джинсы. Только кровь, которая была на нем в тот последний раз, полностью исчезла.

— Да.

Его голос низкий, и я делаю глубокий вдох. Слышать голос, который, я думала, ушел навсегда, — для меня это слишком. Я не в состоянии осознать ничего вокруг, кроме того, что это он. Это должен быть он. Он здесь, со мной.

Его слова, он сам — этого достаточно, чтобы мое дыхание сбилось.

Бог ты мой.

Он на моей чертовой кровати.

Чейз.

Чейз на моей кровати прямо сейчас.

Я сошла с ума. Точно. Другого варианта нет. Мой разум хотел, чтобы это было правдой, и сформировал что-то типа альтернативной реальности, в которой люди возвращаются после смерти. Ведь так, да?

Скатившись с кровати, я начинаю расхаживать взад-вперед, пытаюсь придумать объяснение того, что произошло. Без вариантов, я потеряла свой чертов разум.

— Куинн, — Чейз протягивает свою руку, и от энергии, окружающей его, появляется желание поглотить его полностью, так же, как один магнит притягивает к себе другой.

Медленно наклоняясь, он дотрагивается подушечками пальцев до моего гипса, затем поднимает другую руку и накрывает ладонью мою щеку.

— Мне жаль, что ты пострадала.

Я отпрыгиваю назад, когда он дотрагивается до меня, и сосредотачиваю свой взгляд на его руке.

— Ты теплый.

Он тихонько смеется.

— Я, вроде как, знаю.

Я усмехаюсь и качаю головой. И тогда я перестаю расхаживать и разворачиваюсь, чтобы по-настоящему посмотреть на него. Это так похоже на то, как сказал бы Чейз.

Может... нет... этого не может быть.

— Я все испортила, — говорю я ему, потому что, если он может меня слышать, он должен узнать об этом. Он должен узнать о том, насколько я сожалею.

Он смотрит на меня в течение нескольких секунд, и я в ужасе от того, что последует дальше. Я боюсь, что его слова могут пронзить мое сердце и разбить его на части.

— Куинн, ты не сделала ничего плохого. Это было полностью вне твоей власти.

Что за хрень? Я что, ударила голову? Я должна была удариться головой, потому что этого не происходит на самом деле. Ты не можешь видеть мертвых людей, Куинн.

Только, если... ладно, может, он жив? От этой мысли мое сердце бьется быстрее, и все это время Чейз пристально наблюдает за мной.

Могла ли произойти ошибка? Может, в больнице ошиблись, и на самом деле он не умер?

— Это что-то типа «шестого чувства»? — спрашиваю я. Он в буквальном смысле сидит на моей кровати, глядя вверх на меня. — Я тоже мертва? — пробежавшись руками по своему телу, я ощущаю под ладонями собственные грудь и ноги. *(Примеч. «Шестое чувство» — мистический триллер с Брюсом Уиллисом в главной роли).*

Он качает головой, а потом кажется, будто он глубоко вдыхает.

— Нет, — говорит он, отвечая на мои мысли.

Я делаю маленький шаг назад.

— Тогда как я могу видеть тебя и слышать? И, подожди, ты можешь слышать мои мысли?

Черт... это не круто. Это совсем не круто. Это может привести к чертовой куче проблем.

О, Боже, он также может видеть и мои сны?

Чейз улыбается.

— Могу.

— Ты может слышать мысли всех?

— Нет... только твои, — он сидит, прислонившись к изголовью моей кровати. Его голос тихий и спокойный, такой, каким, как я помню, он и должен быть. — Я не знаю, как или почему, но я могу слышать твои мысли.

Он может слышать меня, но не может слышать свою собственную маму, почему?

— Я не знаю. Просто это работает именно так.

— Другие могут видеть тебя?

— Нет. Я имею в виду, я могу видеть всех, просто у меня нет с ними той связи, которая есть с тобой.

— Так что, даже Тейлор не может тебя увидеть?

Пожалуйста, скажи «нет».

— Нет, — говорит он, снимает свою бейсболку и кладет ее на кровать. — Только ты.

Почему мне это нравится?

Черт, он может слышать мои мысли. Перестань думать.

— Тебе это нравится потому, что я всегда любил только тебя.

В поисках ответа, я пытаюсь поймать взгляд его карих глаз, направленный прямо на меня.

— Я не знаю... я имею в виду, Чейз, как все это происходит?

— Я здесь для тебя, Куинн, — он медленно моргает, раздосадованный тем, что ему приходится разьяснять все это. По крайней мере, мертвый он *такой же*, каким был при жизни, его так же легко вывести из себя.

— Но зачем?

— Это зависит от тебя.

Мне по-настоящему неловко от всего этого. Должно быть, я сплю. Я просто... просто должна спать. Ты не можешь просто видеть мертвого бывшего парня. К сожалению, это мой не первый опыт — потерять кого-то, кого я люблю, но после смерти родителей я никогда их больше не видела. Я имею в виду, в то время я предполагала, что они наблюдают за мной, особенно в те моменты, когда я делала что-то, чего делать не должна была. Но я ни разу не думала о том, что могу их видеть или говорить с ними.

И, черт возьми, представлять, что они могут слышать мои мысли.

Бедные мои родители.

Чейз усмехается, развлекаясь над моими предположениями, и мой взгляд возвращается обратно к нему.

— Мне, правда, не нравится, что ты можешь слышать мои мысли.

Он ухмыляется.

— Мне, вроде как, тоже.

Быстро моргая, я качаю головой, мне все еще не по себе от того, что я вижу.

— Посмотри на меня, — шепчет он мне на ухо, его дыхание щекочет мое лицо. — Я здесь. Ты видишь меня не случайно.

Его голос достаточно тихий и расслабляющий, чтобы я закрыла глаза и позволила его словам проникнуть внутрь.

Делаю несколько глубоких вдохов. Мой разум хочет верить ему, и я верю, но я так устала, и мое сердце прямо сейчас так сильно болит.

— Зачем?

Сделав шаг вперед, он становится рядом со мной.

— Я здесь потому, что ты нуждаешься во мне, — он обхватывает ладонями мое лицо, и я узнаю эти прикосновения. Я верю в эти прикосновения. — Помнишь, в моей комнате... ты сказала, что нуждаешься во мне, так? Вот, что это. Я на самом деле здесь, для тебя.

— Почему сейчас? Когда умерли мои родители, здесь никого не было.

— Это неправда, — он качает головой, а я кладу свою ладонь на его грудь, желая прочувствовать каждую частичку Чейза. — Кто поддерживал тебя, пока ты плакала, Куинн? Я. Я это делал. Эта связь между нами была даже тогда.

Он прав, он делал это часами, днями, так долго, пока я нуждалась в нем, а в то время ему было только одиннадцать лет.

Я делаю шаг назад и смотрю в его глаза.

— Я не могу с этим справиться, Чейз, — прижимая подушечки пальцев к глазам, я глубоко вдыхаю. — Моя жизнь развалилась на части. Все ненавидят меня, и я не могу вернуться обратно в эту школу.

— Нет, ты ошибаешься. Ты *можешь*, — он берет меня за руку, и это прикосновение практически обжигает, но не так, чтобы я захотела отодвинуться от него. Я нуждаюсь в этом тепле. Переплетая наши пальцы, Чейз заставляет меня сесть рядом с ним на край кровати. — Ты намного сильнее, чем думаешь.

Вот в чем дело, я не верю ему. Не после той ненависти, которую ощутила этим утром. А теперь... видеть его — это ощущается просто как жестокие отголоски боли, которую я причинила, и мечты, которые я разрушила. Мои глаза воспалены, грудь болит и разрывается на части. Понимает ли он, как сильно это ранит — видеть его вот так?

— Извини. Я знаю, это больно.

— Прекрати отвечать на мои мысли.

Он ухмыляется.

— Прекрати думать об этом.

Нет никаких сомнений в том, что я бы хотела, чтобы он оказался прав. Что у меня, на самом деле, есть это мгновение, о котором я сейчас так мечтала, но в то же время я не могу не думать о том, что я не достойна этого. Так не должно быть. Когда кто-то умирает, они уходят. Навсегда. У вас нет ни единого шанса увидеть их, прикоснуться к ним. У вас нет второго шанса попрощаться с ними.

Я уже готова сказать ему что-то еще, когда раздается стук в мою дверь, и Риз заглядывает в комнату. Я подпрыгиваю от этого звука и разворачиваюсь лицом к ней, тепло тут же исчезает.

Черт!

— Звонили из школы, ты, маленькая хулиганка, — дразнит Риз, усмехаясь, как всегда стараясь приподнять мне настроение, как делает это Мел. Но когда она замечает, насколько я бледна, ее глаза округляются. Зайдя в комнату, она садится около меня. — Через час у тебя встреча с твоим ортопедом. Я могу отвезти тебя.

Я перевожу взгляд влево, чтобы посмотреть, вдруг Чейз все еще здесь, но вижу лишь пустоту. Он ушел.

Гр-р! Что за черт? Видите... это мне просто приснилось.

Быстро моргая, я осматриваю комнату, выискивая любые признаки того, что он все еще может быть здесь, но я не чувствую его.

— Я спала, когда ты только что зашла? — спрашиваю я Риз, делая еще несколько быстрых вдохов и пытаясь успокоить свое бешено бьющееся сердце.

— Нет, ты сидела на своей кровати, — она обеспокоено смотрит на меня, но ее голос спокойный. — Ты в порядке, Куинн? Я имею в виду, понимаю, что это тупой вопрос, но прямо сейчас ты выглядишь психически нездоровой. Ты белая, как простыня.

Я дважды моргаю, по большей части из-за шока. Сердце все еще гроыхает в ушах, и я вся покрыта испариной.

Это был сон.

Это был просто сон.

На самом деле, Чейза здесь не было.

Риз выгибает бровь, глядя на мою кровать.

— Откуда это здесь?

Я резко поворачиваю голову, и вижу бейсболку Чейза.

Чейз

Прошла неделя с момента аварии и четыре дня с тех пор, как Куинн смогла увидеть меня в своей комнате. Мои похороны сегодня, и я стою здесь, наблюдая за всеми, пока они прибывают на службу.

Самая странная часть из всего этого — смотреть на фотографию, которую они поставили рядом с могилой, ту, на которой во время бейсбольной игры я занимаю позицию, присев вниз. Мне нравится это фото. Оно отражает то, каким я был. Что я нахожу странным, так это видеть свое имя под ней.

ЧЕЙЗ ДЖЕЙКОБ ПАРКЕР

28 мая 1997 — 16 мая 2015

По всей видимости, в день, когда хоронят мое тело, я — популярный парень. Должен сказать, я весьма впечатлен таким количеством людей.

Как только начинаются похороны, взгляды всех присутствующих фокусируются на пасторе Уэйне.

На моих похоронах они говорят приятные слова обо мне, такие как: я был идеальным сыном, внуком, племянником и другом. Даже Тейлор, она говорит обо мне так, будто я был идеальным бойфрендом, в то время как я отчетливо помню, что в последний наш вечер мы ругались.

Интересно, думают ли они так же?

Или моя смерть заставила их забыть о том, что я был обычным человеком и совершал свои собственные ошибки?

Был ли я таким, как они говорили обо мне?

Ну да, я довольно крутой, или был таким, но почему они говорят обо мне так, будто я был лучше, чем кто-либо другой? Неужели смерть освобождает меня от всех недостатков, которые были у меня при жизни?

Я, определенно, не был идеальным. По факту, с этими людьми я хотя бы раз вел себя как придурок, и у меня был вспыльчивый характер. Возьмем, к примеру, Джейдена. Он плачет, но однажды я врезал ему по лицу. Я не помню, за что, но разве мог он забыть о том, что я не всегда был с ним милым?

Ганнер произносит речь, что для меня не является сюрпризом, потому что он всегда в этом хорош. Что удивляет меня, так это испытываемые им эмоции. Он был, вне всякого сомнения, моим лучшим другом, но я не ожидал от него, что он будет говорить обо мне, будто я был святым.

— Я не очень хорош в этом, — начинает он, что неправда. Но, может, это означает, что он не очень хорош в произношении надгробной речи о своем лучшем друге. Сомневаюсь, что

и я смог бы быть в этом хорош. — Я даже не уверен, что есть такие слова, которые смогут отразить, что именно Чейз значил для всех нас. Он был тем парнем, рядом с которым хотел находиться каждый, очень решительным и просто клевым. В школе всегда есть такой парень, которого все знают и любят, таким и был Чейз Паркер.

Во время выступления Ганнера, я разворачиваюсь, чтобы понаблюдать за Куинн, и не могу не почувствовать себя побежденным после многочисленных неудачных попыток заставить ее снова меня увидеть. За последние несколько дней я испробовал все, от прыжков на ней до криков ей в лицо. Ничего не работает. Если бы кто-нибудь увидел меня тогда, то подумал бы, что я совершенно спятил, пытаясь заставить ее увидеть меня. И я уверен, что сейчас отец усмехается именно по тому поводу.

Я не понимаю, что произошло. Почему она смогла увидеть меня один раз, но больше не может? Я знаю, что она чувствует меня. Своим теплом, прикоснувшись к ней, я могу сделать ее щеки алыми, и, что более важно, я все еще могу слышать ее мысли, но она не может меня видеть или слышать то, что я пытаюсь ей сказать. Это ужасно раздражает.

Почему она не может меня увидеть?

— Ты должен быть терпеливым, сын. Дай ей время, — говорит мне отец, стоя рядом со мной, пока мы наблюдаем за толпой людей, плящущихся на мою могилу. Как раздражает меня то, что Куинн не может меня сейчас увидеть, также меня сводит с ума и то, что отец просто появляется из ниоткуда и становится рядом со мной.

Потом он отходит от меня, чтобы встать рядом с мамой, и этот образ — как они вдвоем стоят рядом друг с другом, и отец обнимает маму — я уверен, навсегда запечатлится в моей памяти. Любовь, ощущение покоя, в котором она нуждается, чтобы начать исцеляться, — все это он дает ей в этот момент, и это так пленительно. Когда я был младше, я знал, что они любили друг друга, но никогда не осознавал масштабы вечной любви. Теперь я это понимаю.

Несмотря на то, что этого никто не видит, он помогает ей пройти через это. Существует такая боль, которая не сравнится ни с чем в этом мире. Ни с чем.

И сейчас мои родители оплакивают потерю своего сына.

Наклонившись, отец целует маму в висок, когда она дрожит от переполняющей ее скорби.

Я немного узнал о том, почему являюсь сильной душой и в чем мое предназначение. Я понимаю бескорыстную любовь, и это только потому, что все это я испытываю к Куинн. Конечно, я все еще чувствую злость и негодование, но все это проявляется в форме энергии. Наверное, поэтому я могу приглушать свет и заставлять его мигать, когда расстроен.

Куинн и я — одно целое. Я это чувствую, я это знаю, и это невероятно мощное чувство. В ней есть частичка меня, и наоборот. Вот почему я все еще ощущаю ее боль.

С безнадежностью во взгляде она смотрит на землю, а я наблюдаю за Куинн. Она стоит рядом с моей мамой, и моя грудь сжимается от тяжести, и одновременно с этим все мое тело пронзает острая боль. Когда они начинают опускать гроб в землю, она поднимает руку ко рту и всхлипывает, проглатывая рыдания.

Мое сердце обливается кровью от понимания того, что это разрывает ее на части. Я падаю на колени и хватаясь за грудь от боли, которая проходит сквозь меня. Это боль, причиной которой стало то, что я покинул Куинн.

— *Пожалуйста, детка, позволь мне поддержать тебя. Просто скажи это вслух, скажи, что нуждаешься во мне,* — прошу я ее, молясь о том, что смогу предложить ей что-то взамен.

Я все еще могу слышать ее мысли, и они ранят не меньше.

«Я не хочу быть здесь», — думает Куинн про себя, крепко сжимая в руках зонт. Это первый раз за последний год, когда я вижу ее в платье. Несмотря на то, что она прекрасна, ее мысли мне не нравятся. — «Все эти люди пытаются найти успокоение, прощаясь. Как я могу найти успокоение, наблюдая за тем, как они опускают гроб с Чейзом в землю? Нет. Последнее, чего я хочу, это успокоения. Боль. Вот, что я чувствую. Я хочу боли. Я заслужила боль. По крайней мере, с болью я ощущаю хоть что-то».

Ее глаза наполнены слезами, и когда она моргает, они стекают по ее алым щекам вниз, прямо к страдающему сердцу. Я хочу забрать ее боль. Я — ее вторая половинка, и должен быть способен забрать ее страдания.

* * *

На моих похоронах этим прохладным весенним утром сотни присутствующих, и хотя большинство моих друзей держат себя в руках, кто-то плачет, другие с каменными лицами смотрят в землю, пока моя мама беззвучно рыдает. Отец ни разу не покинул место возле нее, и я знаю, что она его чувствует. Я вижу румянец на ее щеках, когда он находится рядом, и этот румянец дарит ей он.

Это самая странная часть во всем этом. Так же, как и отца тянет к маме, так и я не могу покинуть Куинн. Моя душа, или тело, или чем бы, черт возьми, это ни было, следует за ней повсюду, как потерянный щенок.

Куинн стоит позади моей мамы, в окружении Риз и Мелинды, которая крепко сжимает ее руку. Куинн игнорирует взгляды и шепот, и когда мама замечает ее, то притягивает к своему боку в защитном жесте.

Тяжело игнорировать тот факт, что большинство находящихся здесь людей винят в аварии Куинн. Я могу прочесть это в их осуждающих взглядах. Она не может быть виновной в событиях той ночи, мы не могли на это повлиять. Но когда умирает кто-то такой молодой, как я, все ищут вину в чем-то или ком-то. Это как признание того, что с ними такого произойти просто не может. Они не хотят верить в то, что без каких-то настоящих объяснений, кроме тех, что это была авария, кто-то за месяц до своего совершеннолетия ушел, прежде чем получил шанс осуществить свои мечты.

Чего они не знают, так это того, что я осуществил свою мечту, и этой мечтой была Куинн. Это всегда будет она.

Внезапно, меня притягивают мысли Куинн обо мне, захватывая мое внимание, как и всегда. Они сфокусированы на нас и нашем общем детстве.

Стоя рядом с ней, держа руки в карманах, я улыбаюсь, согретый воспоминаниями о себе, когда, наконец-то, нашел в себе мужество пригласить ее на свидание. Когда я был младше, мне потребовалось больше времени на то, чтобы рассказать ей о том, что я чувствовал. Может быть, потому, что я нервничал из-за того, что она откажет мне, или окажется, что она не испытывает ко мне того же.

Это был конец июня. Мы шли вдвоем по песчаному берегу, из-за ветра с пляжа локоны волос били Куинн по лицу, но ее сияющая улыбка и глаза были сфокусированы на мне.

В то время она все еще восстанавливалась после потери своих родителей, мы собирались в восьмой класс, а затем и в старшую школу. Я понимал, что это значило. Парни.

Большинство из них обращали внимание на мою красивую лучшую подругу, и я не собирался мириться с этим.

Но в то же время, я боялся того, что наша дружба изменится, хотя и понимал, что уже изменил ее, когда впервые ее поцеловал.

— *Пойдешь гулять со мной?*

Она смущенно оглядывается вокруг, а потом снова смотрит на меня.

— *Мы уже гуляем, Чейз.*

Я смеюсь. Я нервничаю так сильно, что едва могу выговорить слова.

— *Я имею в виду... м-м... как бы вместе, как моя девушка.*

Она хихикает, ее щеки краснеют, а затем она легонько целует меня в губы.

— *Я думала, ты никогда не спросишь меня об этом.*

Ко мне подходит отец, кладет руку мне на плечо, и я поворачиваюсь к нему, в очередной раз в поисках ответа.

— Почему я это вижу?

Он вздыхает, понимая эту знакомую боль. Она выгравирована на его лице, как на камне.

— Ты должен испытать ее боль, чтобы помочь пройти через это.

Куинн продолжает вспоминать нашу жизнь. Я улыбаюсь от одного конкретного воспоминания, потому что она думает о нашем первом сексе и о девственности, которую мы тогда потеряли.

Она думает обо всех этих простых вещах, как мое неровное дыхание на ее коже, о том, что я так крепко ее держал, что в какой-то момент она не могла вдохнуть.

Мне хочется смеяться от того, каким неуклюжим все это было.

Она вспоминает наш шепот и то, как своим жаждущим ртом я исследовал ее ключицу, то, как в ту ночь мы стали единым целым.

Я вздыхаю, когда Куинн вспоминает тот момент, когда я кончил, и она ощутила тяжесть моего тела, повсюду, сразу всего меня, а я помню ее ласковую улыбку, с которой она меня встретила, и ее покрасневшие щеки.

Как быстро эти счастливые воспоминания появились, так же быстро они и исчезают, и затем Куинн она вспоминает тот день, когда порвала со мной.

— *Нет, только не этот день. Пожалуйста,* — умоляю я.

Я никогда не хотел вспоминать об этом дне и о тех словах, которые мы с Куинн кричали друг другу, но сейчас мне приходится делать это.

Я закрываю глаза и молю ее о том, чтобы она подумала о чем-то другом, о чем угодно, кроме этого, пока вокруг нас у всех из глаз текут слезы скорби о моей смерти. Только это все равно происходит, и ее воспоминания поглощают нас обоих.

Останови это!

Но она не останавливается.

Я борюсь с воспоминаниями, но они сменяются все быстрее и быстрее, будто Куинн тоже пытается с ними бороться, но это не в наших силах.

Если бы мое сердце было в состоянии остановиться, уверен, так бы и произошло.

Куинн

Я понятия не имею, что сказать Джанет на похоронах. Что я должна сказать? Мне жаль? Неа. Она потеряла своего единственного сына. Извинения не подойдут, это никогда не выразит мою обеспокоенность. Поэтому я ничего не говорю и просто стою рядом с ней.

— С учетом всего, через что мне сегодня пришлось пройти, я не уверена, что смогу справиться с ней, — говорит Джанет, глядя на Тейлор и группу учеников, окружающих ее. Конечно, они переживают за свою скорбящую подругу.

— Это неудивительно, — говорит Мел, закатывая глаза, и обнимает меня за плечи.

Да, это вовсе не было сюрпризом.

К нам подходят Ганнер и Джейден, их лица мужественно мрачны, как и у всех остальных. Я знаю, они тоже тяжело все это переносят, и от этого мое чувство вины еще больше усугубляется.

Джанет дарит им вымученную улыбку, когда они обнимают ее, а потом смотрит на меня.

— Куинн, могу я поговорить с тобой, дорогая?

Проводя ладонью по щекам, я киваю, пока стираю слезы.

— Конечно.

Она уводит меня от компании, пока Ганнер разговаривает с Мел, прижимая ее к своему боку. Мой взгляд медленно перемещается от компании на Джанет, я заинтересована тем, что она собирается мне сказать. Сделав глубокий вдох, она медленно его выпускает.

— Я знаю, ты винишь во всем себя, и я слышала, что люди в городе обвиняют тебя, но я хочу, чтобы ты знала, что я тебя *не виню*. И никогда не буду. Это был несчастный случай, и я не хочу, чтобы ты думала, что я виню тебя в том, что произошло с Чейзом.

Я киваю, потому что, ну, правда, что еще я могу сказать? Я боюсь, что если начну говорить, то разревусь и не смогу остановиться. Поэтому я просто киваю головой, снова и снова, будто говорю, что верю ей, но на самом деле я не уверена, что смогу.

Я хочу этого.

Но знаю, что это никогда не произойдет.

Джанет обхватывает мое лицо ладонями, чтобы наши взгляды встретились.

— Пожалуйста, просто помни о том, что все еще желанный гость в моем доме, в любое время, и я всегда рядом, чтобы поговорить, если понадобится. Пообещай, что будешь по-прежнему приходить навещать меня. Ты — единственный человек, который любит его так же сильно, как люблю его я.

И снова я просто киваю.

Она притягивает меня к себе в крепкие объятия, а затем к нам подходит Барб, сестра Джанет.

— Пора начинать.

Каждый раз, когда я думаю о том, что Чейза на самом деле больше нет, меня начинает мутить. Я хочу плакать, но слезы кажутся слишком мелочными, слишком несущественными по сравнению с той пустотой, которую я ощущаю. Также я чувствую, что не имею права плакать, не в присутствии его мамы.

Почему, когда ты делаешь плохой выбор или получаешь неприятный опыт и хочешь о нем забыть, это единственное, что у тебя не получается?

Это как ночные кошмары, которые будят тебя посреди ночи, но остаются с тобой, из-за чего ты больше не можешь уснуть. Именно это я ощущаю, когда стою рядом с Джанет у могилы Чейза.

Я не хочу думать о неправильном выборе, который я сделала, но воспоминания о моем разрыве с Чейзом накрывают меня... как кошмар, от которого я не могу проснуться.

Я возвращаюсь обратно в тот сентябрь, вынужденная пережить ту ночь снова. Ночь, изменившую всю мою жизнь.

Во взгляде Чейза напряжение, и он с такой силой обхватывает руль, что белеют костяшки на его пальцах, пока мы сидим вдвоем в тишине в его грузовике около дома Джейдена.

Он разворачивается лицом ко мне.

— Что происходит, Куинн. Ты сама не своя с тех пор, как я вернулся.

Я не знаю, что ему сказать, потому что уж точно не могу сказать ему правду. Она уничтожит его.

— Я не хочу говорить об этом прямо сейчас, Чейз! — кричу я, потянувшись к ручке двери.

Как только выхожу из грузовика, я тут же отхожу в сторону пляжа, где, я уверена, смогу отделаться от него. Хотела бы я иметь возможность бежать километры без остановки, наедине с этим песчаным берегом и исчезать в ночи, если захочу. На пляже несколько групп, дым от их костров поднимается в воздух и посылает в ночь искры. Я замерзла. Когда вдыхаю дым, в моей груди все сжимается, дыхание затрудняется, и я с жадностью глотаю воздух — такое чувство, будто с каждой секундой боль только усиливается. Это именно то, что я ощущаю, — физическую боль. У меня всегда была такая реакция на огонь. Не уверена, почему так, но этот страх преследует меня всю жизнь.

По мнению Чейза, разговор еще не окончен, так как он бежит следом за мной.

— Просто поговори со мной, пожалуйста, — он умоляет так, будто готов упасть на колени. — Что, черт возьми, происходит?

Я причиняю ему боль, я знаю это, и это убивает меня, но я не знаю, как объяснить ему это полное отчаяние, которое я испытываю. Я не могу, потому что если сделаю это, оно полностью его разрушит.

— Я сказала тебе, что не хочу говорить об этом, — я кричу, продолжая идти, несмотря на явную нехватку воздуха из-за слез и дождя. Я веду себя с ним, как сука, и я это знаю, но это единственный выход. Вдалеке, справа от себя, я замечаю волны. Поднимается ветер, дождь бьет меня по промокившим от слез горячим щекам.

— Нам нужно поговорить, — требует он, будто это так просто. Он почти нагоняет меня, когда наше дыхание заглушается вспышками молнии в облаках и громким раскатом грома, будто лето и осень сталкиваются в ночи. — Поговори со мной. Что с тобой происходит?

Его вопрос останавливает меня, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него,

вскидывая руки в воздух. Пробираясь сквозь свои мысли, пытаюсь преодолеть свою собственную боль, я спрашиваю:

— Зачем? Ты можешь хотя бы задуматься над тем, что, может, я уже не та девушка, которую ты оставил? Что, может, я изменилась, пока тебя не было рядом? И что, может быть — только может быть — эта девушка больше не хочет быть с тобой.

Я шокирована тем, что только что произнесла, но даже близко не так сильно, как он.

— Твою мать, Куинн, пожалуйста, — он в отчаянии делает глубокие вдохи, его тело начинает трястись. — Поговори со мной.

— Нет, — я полностью разворачиваюсь лицом к нему. — Я не хочу с тобой говорить, потому что это ничего не изменит. Больше ничего никогда не будет прежним! Есть слишком много всего, что ты не можешь изменить.

— Заметь. Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

Он не понимает. И никогда не поймет, потому что я никогда не причиню ему такую боль. Я знаю, что, порвав с ним, я причиню ему боль, но также знаю, что это единственная возможность защитить его. Ему не нужно знать причину.

— Причина не важна.

— Не важна? — он разочарованно вздыхает, покусывая свою нижнюю губу. — Ты просто ищешь оправдание... так ведь? Никакой причины нет.

Нет, Чейз никогда не примет такой ответ. Он требует правды.

— Тогда просто скажи это.

Есть так много всего, что нельзя исправить после того, как это произойдет. Так много всего, что не поддается исправлению.

— Я больше не хочу быть с тобой.

Эти слова — «Я больше не хочу быть с тобой» — были так чертовски далеки от правды.

Я пропустила большую часть того, что было сказано на похоронах. Не то чтобы намеренно, просто каждое мое воспоминание о Чейзе заполняет разум и проигрывается перед глазами, как киноплёнка. И я не в состоянии остановить это.

Чейз

Для меня время протекает слишком медленно. Кажется, что проходят минуты, а для Куинн проходит пара дней. Я не совсем понимаю это или то, как перемещаюсь от одного события к другому.

Отец говорит мне, что я иду туда, где нужен, и это правда, в том смысле, что моя душа следует за Куинн, выжидая. И когда я появляюсь, то появляюсь для нее, только я не уверен, для чего именно. По всей видимости, все зависит от нее.

Каждую ночь я лежу рядом с ней, выжидая, слушая ее плач, пока она прижимает мою любимую бейсболку к своей груди. Такие моменты, они как наваждение, и временами практически душат.

Я снова в школе, Куинн впервые на этой неделе вернулась сюда. После происшествия в прошлый понедельник она взяла недельный перерыв от школы. Все это время я был рядом с ней. Только я ничего не смог сделать, чтобы облегчить ее боль. Я был просто *рядом*, для нее.

Днями напролет я разговаривал с ней в надежде, что она услышит или увидит меня снова, только она ни разу так и не увидела. Я знаю, что она меня чувствует. Не знаю, почему она смогла увидеть меня в своей комнате, а сейчас не может, но какая бы ни была этому причина, я благодарен за то, что имею.

Куинн находится в кабинете консультанта, пока Мелинда ждет ее снаружи. Я нахожу успокаивающим тот факт, что с момента моей смерти Мелинда всегда остается на ее стороне.

Мимо меня проходит Тейлор, приближаясь к Мелинде и глядя на ее телефон с мстительной улыбкой.

— Уф! Что ты здесь делаешь? — спрашивает Мелинда, скрещивая руки на груди. — Держись сегодня подальше от Куинн, иначе, клянусь, я надеру твою задницу.

Я стою прямо рядом с ней.

— Да пошла ты, Мелинда. В этом сценарии сучка — Куинн, и я хочу, чтобы каждый увидел, какая она шлюшка, — говорит она с самодовольной ухмылкой.

Мое сердце сжимается от слов Тейлор, потому что я хочу, чтобы она просто оставила Куинн в покое. Если бы я мог врезать этой сучке, то, определенно, сделал бы это прямо сейчас.

Мелинда сжимает губы в линию, щурясь, будто не расслышала ее.

— Почему? Что, черт возьми, она вообще тебе сделала?

— Серьезно? Ты забыла о том, что она убила моего парня?

Мелинда фыркает.

— Ты такая лгунья. Во-первых, авария, в которой погиб Чейз, была именно аварией, несчастным случаем, если угодно. Во-вторых, он порвал с тобой той ночью, или ты об этом забыла?

Краска заливает лицо Тейлор.

— Как ты об этом узнала?

— В ночь аварии матери Чейза отдали в больницу его мобильный телефон. Она видела смс, в которой он написал тебе о том, что бросает тебя. Она рассказала нам с Куинн об этом,

так что прекращай строить из себя жертву.

Тейлор больше не смотрит на Мелинду, вместо этого она достает свой телефон, нажимает какие-то кнопки, а потом снова прячет его.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Я не видела никакого сообщения. Последний раз я видела Чейза той ночью в своей спальне.

— Ох, чушь собачья, — Мелинда закатывает глаза и подходит ближе, уставившись на Тейлор. — Ты думаешь, что такая идеальная, но злишься на Куинн потому, что он любил ее. Он сказал ей, что любит ее. Это были последние слова, слетевшие с его губ. Что он любит Куинн, не тебя. И, знаешь, я просто не понимаю, почему тебя это так заботит, ведь ты изменяла Чейзу с Дином Раеном. Не веди себя так, будто не сделала ничего дурного.

Вау. Ладно. Думаете, меня это расстроило, но это не так. Немного противно, но не огорчает. На самом деле, я просто очень хочу дать пять Мелинде за такую речь.

— Это не имеет значения, — Тейлор делает шаг назад, пожимая плечами. — Все кончено.

Все кончено? Что, к черту, это значит?

Мелинда в отвращении качает головой и прислоняется к стене, глядя на закрытую дверь кабинета консультанта.

— Похоже, у тебя по отношению к ней личная вендетта, и без причины. Подумай о том, что ты с ней делаешь. Прямо сейчас ей больно, а ты просто делаешь все еще хуже.

Выражение лица Тейлор говорит о том, что ей полностью плевать на состояние Куинн.

— Знаешь, Мел, — Тейлор тихо смеется, и меня коробит от этого звука, — не *все* такие, как ты думаешь. Может, ты не знаешь Куинн так хорошо, как думаешь.

Понятия не имею, что задумала Тейлор. Я только могу видеть, что происходит прямо передо мной, и понимаю, что это не к добру.

Телефон Мелинды издает сигнал, и она переводит на него взгляд, в то время как Тейлор разворачивается и уходит. Я не знаю, что Мел там увидела, потому что в следующий момент из кабинета консультанта выходит Куинн, и мое внимание переключается на нее.

Мелинда ахает, и меня раздражает то, что я не могу увидеть, на что она смотрит, но, взглянув на ее лицо, я понимаю, произошло что-то ужасное.

— Куинн? — говорит она, со свистом втягивая воздух, а затем швыряя свой телефон на пол. — Как ты могла так поступить со мной?

Я поворачиваюсь к Куинн, которая смотрит в широко распахнутые глаза Мелинды.

«О, мой Бог. Она знает. Ганнер. Я. Та ночь».

Ганнер? Какое, черт возьми, отношение ко всему этому имеет Ганнер?

Я в растерянности от всего происходящего, но стараюсь сфокусироваться на глазах Куинн, которые становятся еще шире. Она медленно качает головой, ее голос едва слышен.

— Мел... я... — ее глаза полны слез.

«Вот оно. Вот тот момент, когда я по-настоящему теряю все. Я ненавижу себя». — думает Куинн.

В моей груди ощущение, будто мне крайне не хватает воздуха, хоть я и понимаю, что не нуждаюсь в нем. Мне ничего не нужно, кроме того, чтобы Куинн была в порядке, а она не в порядке.

Куинн больше ничего не говорит. Она просто протискивается мимо Мелинды и бежит по коридору к выходу из здания.

— Куинн! — я спешу следом за ней, пытаюсь поймать ее, но мои слова и присутствие

остаются незамеченными.

Куинн

— Мы здесь для того, чтобы помочь тебе, чем только сможем, — говорит миссис Коул. — Я знаю, ты через многое прошла, и мне очень жаль.

К сожалению, я слышала это прежде. Все это мне слишком знакомо. Когда кто-то умирает, у окружающих самые лучшие намерения. Они торопятся сказать вам о том, что всегда будут рядом, когда будут нужны вам. Они могут быть с вами какое-то время, как, например, ваша лучшая подруга спит на полу в вашей комнате, потому что не хочет оставлять вас одну. Пока, в один прекрасный день, они не пропадают. В конце концов, жизнь продолжается.

Я не спала с самых похорон. Я закрываю глаза, но сон не приходит. Ночь — это то самое время, когда я больше всего ощущаю одиночество. В те часы, когда ночь вступает в свои права и меня накрывают воспоминания, приходит темнота. Время, когда никого нет рядом.

— Я в порядке, — говорю я миссис Коул. Это мой постоянный ответ. Это стало моей постоянной реакцией, когда кто-то проявляет свое сочувствие. Я в порядке, потому что если бы была честна и поделилась тем, что я чувствую, скорее всего, они бы закрыли меня в психушке и выбросили бы ключ.

Правда в том, что я далеко не в порядке, но также я не могу отрицать тот факт, что мои ощущения напрямую связаны с моим выбором, и с момента аварии я двигаюсь по этой нисходящей спирали, но не могу сойти. Я должна быть сильнее этого, но у меня не получается.

Я хочу, чтобы Чейз вернулся.

Хочу, чтобы он был жив.

Хочу, чтобы он снова оказался на моей кровати. Я не видела его с того дня в моей комнате, хотя его бейсболка все еще лежит у изголовья. Как она здесь оказалась, я не знаю, потому что начинаю думать, что весь наш с ним разговор был просто моим сном. Он должен быть сном. В этом нет смысла, если в одну минуту он может быть здесь, а в другую — исчезает.

Не знаю... может, мне суждено быть одной. Знаете, как говорят: «Ты сама застелила себе постель, вот теперь и спи в ней».

Привет, постель.

Что он имел в виду, когда сказал, что все зависит от меня? Если бы это зависело от меня, он все еще был бы жив.

— Ты можешь поговорить об этом, — говорит миссис Коул, выдергивая меня из моих мыслей. Она пытается заставить меня рассказать о том, что я чувствую, и я знаю, что она хочет помочь мне, но я не хочу этой помощи. Я хочу остаться одна и больше не слышать слов «мне жаль».

Нет, я не могу.

Я избегаю ее взгляда, поэтому продолжаю смотреть на свой гипс, выглядывающий из-под рукава моей толстовки.

— Поговорить о чем? — я прикидываюсь дурочкой так долго, как только могу, только

чтобы избежать разговора об этом прямо сейчас. Хватит уже того, что я не могу перестать об этом думать.

Миссис Коул хмурится.

— Ты знаешь, о чем я говорю, Куинн.

Естественно, я знаю, о чем она говорит. Неужели кто-то и правда думает, что я смогу забыть о том, что произошло? Как будто могу просто притвориться и не думать о том, что сделала.

Всякий раз, глядя на себя в зеркало, я вспоминаю обо всем. Всякий раз, глядя на фотографии с ним или с моими родителями, я вспоминаю обо всем. И всякий раз, глядя на Ганнера, я вспоминаю обо всем. Это трагедии моей жизни, и, наверное, поэтому все думают, что мне нужно напоминать об этом.

— Нет, я не уверена, что понимаю. Вы говорите о моих родителях или о Чейзе?

Эта сердечность в ее глазах, я вижу ее. Ей не все равно. Ей на самом деле не все равно.

— Я знаю, что это был несчастный случай, и если тебе нужно больше времени, в конце концов, мы можем придумать что-нибудь.

Я встаю со стула и поворачиваюсь к двери, мне хочется плакать, но я сдерживаю себя.

— Я в порядке.

Как только оказываюсь в коридоре, на меня все начинают пялиться, молча ожидая моей реакции. Они наблюдают за каждым моим движением, не желая пропустить мое крушение.

Моя рука соскальзывает с двери, и позволяю ей закрыться за своей спиной. Смотрю на Мел... только вместо сочувствующего взгляда, который я получала последние несколько дней, я вижу в ее глазах боль. Произошло что-то очень плохое. Я замечаю, что все вокруг меня смотрят на свои телефоны, и я не уверена, что именно они там рассматривают, до тех пор, пока мельком не заглядываю в телефон Мел и понимаю, что там я.

Ганнер.

Я.

Та ночь.

Они знают.

Я в ужасе от того, на что они смотрят. Как это могло произойти? У кого была возможность сфотографировать это? Я знаю, что Ганнер никогда бы не сделал этого.

— Теперь все знают, что ты шлюха, — говорит Тейлор мне в спину.

Я разворачиваюсь лицом к ней и смотрю на телефон, крепко зажатый в ее руке. На нем фотография, которая была разслана всем по смс. С той ночи... четвертого августа... день рождения Мел. В желудке начинает все гореть, кипит так, будто по всему моему телу разливается кислота. Это парализует меня, нет ни малейшей возможности сдвинуться с места. Мои руки и ноги дрожат.

— Ты на самом деле думала, что никто не узнает об этом? — с каждым словом мои глаза все больше наполняются слезами. Это не из-за Тейлор, а из-за Мел, которая стоит позади нее со слезами на глазах. — Не могу поверить, что ты поступила так со своей лучшей подругой.

Я моргаю, по большей части из-за шока. Я не ожидала этого. Я полностью потеряла дар речи.

Мелинда стоит возле моего шкафчика, и я могу видеть ее через плечо Тейлор. Я наблюдаю за ней, ожидая, пока она поймет, насколько я подлая, поймет, что ее лучшая подруга уничтожила любое воспоминание о взаимоотношениях, которые у нее были. Я жду

ее ненависти.

— Какого черта, Куинн? — спрашивает она достаточно громко, чтобы окружающие нас могли услышать, развернуться и уставиться на нас. — Это правда?

Я понимаю, почему это так важно для нее. В то время она встречалась с Ганнером, а через две недели они расстались. Ганнер, так же, как и я, был подавлен тем, что произошло, и не только потому, что переживал из-за Мел и не хотел причинять ей боль, но, по большей части, из-за Чейза. Чейз был лучшим другом Ганнера, и последнее, чего он когда-либо хотел, это намеренно предать его. Поэтому мы приняли решение хранить это в секрете, что, как мы думали, будет лучше для всех.

Проблема была не в том, что это произошло на вечеринке, где присутствовала половина школы, и мы понятия не имели, сколько людей могли увидеть нас вместе, а в том, что никто из нас не помнил, что именно произошло той ночью. Мы честно не знали, что тогда было.

Когда я не отвечаю, Мел качает головой.

— Я заслуживаю ответа, Куинн.

Она заслуживает ответа, *да*, но у меня нет ни одного для нее. Я не могу причинить ей боль.

Но я должна, и это плохо. Я не могу вздохнуть. Что мне делать? Какое-то время я просто дышу, пытаюсь успокоиться, но это не помогает. В животе сворачивается паника, будто по моим венам медленно растекается яд. Нужно сглотнуть подступившую к горлу желчь, но я не могу. Мое тело застыло.

Мел делает шаг ко мне. Вот все и начинается. Мне тут же становится страшно, страх накатывает на меня, как волна на берег.

Но потом она останавливается, из ее глаз текут слезы, и она разворачивается и уходит.

Она не назвала меня сучкой и не накричала. В этом не было нужды. Достаточно ее молчания.

Я разворачиваюсь, намереваясь уйти, и замечаю Ганнера, стоящего рядом и наблюдающего за мной. Он делает шаг в сторону, и я вижу обеспокоенность в его глазах, он сожалеет.

Смешно. Мы оба на этой фотографии, но шляха я. Я предала свою лучшую подругу. Никто не осмеливается смотреть на Ганнера с такой же ненавистью и отвращением, с какими они пялятся на меня. Так, будто они думают, что я сделала выбор, предав свою любовь, а Ганнер был просто одной из моих жертв.

Я поднимаю руку, показывая, что ему не стоит сейчас ко мне подходить. Мне хочется бежать и кричать.

Во рту так пересохло, будто я не пила несколько дней. К щекам резко приливает кровь, в груди то же самое чертово жжение. Если посмотрю вниз, то, уверена, увижу, что она вся в пятнах и покрасневшая.

Я чувствую, как меня снова накрывает воспоминаниями. Ничего не становится лучше, ничего не проходит. Я навсегда застряла в той ночи — на том повороте, в том тумане. Я все молюсь и молюсь, и когда это не помогает, когда ничего не меняется, мне становится противно от самой себя. Так бесит, что каждая моя мысль — мрак и наваждение. Я хочу, чтобы все это закончилось. Обида, боль, злость и вся моя жизнь, потому что, как только я начинаю нервничать, это сразу приводит к воспоминаниям о той ночи, когда умер Чейз. Несколько месяцев назад, еще до его смерти, я медленно отгородила себя ото всех, и сейчас я по-настоящему одна, и это самое подавляющее чувство, которое я могу себе представить.

Наконец, я беру себя в руки и сдерживаю слезы, пока угрызения совести от того, что я сделала, не загонят меня в такое место, из которого я не смогу выбраться. Я больше не могу бороться с этим, и не хочу. Это слишком тяжело.

Я облажалась *во всем*... Чейз, мои родители, Мел... моя жизнь.

И вот так просто меня осеняет. Это единственный правильный выход от последствий сделанного мной неправильного выбора.

И сразу же я больше не боюсь одиночества, потому что понимаю, что это единственная возможность все исправить.

Я не боюсь своего разбитого сердца.

Это единственная возможность унять боль и вернуть себе немного покоя.

С этими мыслями я разворачиваюсь и через входные двери выбегаю наружу, вперед, по направлению к пляжу.

Я знаю, что должна сделать.

Чейз

Я не знаю, сколько прошло времени для меня, может, минуты... секунды, но я стою на пирсе рядом с Куинн, ее мысли удушающие. Нас окружают большие черные скалы, холодный ветер с пляжа треплет ее волосы вокруг лица. Сейчас ее капюшон снят, и я могу заглянуть в ее глаза. Я не могу заставить ее повернуться ко мне. Я знаю, что она меня чувствует, но я не в состоянии сделать что-то, чтобы она меня увидела.

Под нами расстилаются, как она думает, ответы, бесконечные воды... бесконечная серость... бесконечная красота, для нее, для нас, навечно.

Эта вода... она хочет верить в то, что эта мутная рифленая поверхность подарит ей свободу.

«Здесь может быть Чейз, потерявшийся в переходах между двумя горизонтами».

Я смотрю на Куинн. Волны бьются о скалы, до наших ног долетают брызги океана. Ее лицо мокрое от слез, из-за чего я ощущаю, будто по моим венам растекается яд.

— Мне не нужна такая жизнь. Мне не нужно все это... мне нужен ты, Чейз. Я хочу, чтобы эта боль прошла, — всхлипывает Куинн. Она закрывает лицо ладонями и прислоняется к скале, свернувшись в калачик, крепко обхватывая руками свое трясущееся тело. — Я не могу справиться с этим. Ты мне так сильно *нужен*.

Я жду, когда она подумает о той ночи и о том, что делала с Ганнером, но она этого не делает, и я не знаю, вдруг это намеренно. Я не смог увидеть, что видели на экранах своих телефонов все, кто стоял в коридоре. Очевидно одно: то, что произошло между ними, было достаточно плохим, чтобы они оба договорились никогда не рассказывать об этом. Мел или мне. Но о чем? Все, что я могу, это утопать в смятении и боли, которую она ощущает, и в ее мыслях о том, чтобы покончить со своей жизнью. Как получилось, что все резко пришло к этому?

Ее боль пульсирует в моей груди, затрудняя дыхание. Я пытаюсь сдерживать разрывающие меня изнутри рыдания. Это так отличается от ощущений, когда я плакал раньше, потому что сейчас это не приносит облегчения. Я не получаю никакого освобождения.

Опускаясь на колени рядом с ней, я хочу отдать ей все, что только могу. Но правда в том, что я сам нуждаюсь в ней, и это как бы, не знаю, эгоистично, да, но, может... может, таким образом, мы наконец-то сможем снова быть вместе.

В тот момент, когда я сажусь рядом с ней, меня накрывает ее скорбь, и я перестаю что-либо видеть, в каком-то смысле, я практически ослеплен. Ее тело переполнено горем, рыдания такие сильные, что почти беззвучны.

— Это единственный выход, Чейз. Я не могу жить без тебя, и после всего этого, больше ничто не сможет разлучить нас, — говорит Куинн, а затем, покачиваясь, встает. Еще одна волна врезается в скалу, намочив ее одетые в джинсы ноги, она делает еще один шаг и прыгает.

Как только она ударяется об воду, я больше не знаю, о чем она думает, и пытаюсь услышать ее мысли, но не слышу ничего, кроме своего имени. Волны обрушиваются на нее, течение тут же затягивает вниз.

На одну долю секунды я снова задумываюсь над тем, что, может, сейчас это наш шанс. Может, может... хорошо, что все так произошло, и мы снова сможем быть вместе.

— Нет! Сейчас, Чейз, ты должен слушаться меня! — кричит отец, тут же оказавшись рядом со мной, и указывая на воду, где находится Куинн. На мгновение я отшатываюсь от его злости, в шоке от того, что он так расстроен из-за всего этого. — Этого не должно произойти. Ты *должен* остановить ее.

Но... это могло бы означать, что... мы снова будем вместе.

Отец хватает меня за руку, разворачивая лицом к себе.

— Сейчас, ты должен спасти ее. Ты не можешь позволить этому произойти.

Я знаю, что должен остановить ее — я чувствую это — но эгоистичная часть меня хочет позволить ей сделать *это*. Я хочу снова быть с ней.

— Нет! — снова кричит отец, ярость в его голосе настолько сильна, что меня пробирает до костей, внутри меня все вибрирует. — Ты не понимаешь. Вы не сможете быть вместе, если она умрет вот так. Она добровольно прыгнула в воду, желая покончить с собой. Это разорвет вашу связь навсегда. Это будет концом для вас обоих.

Что он имеет в виду?

И потом я вижу, о чем он говорит. Это единственное правило сильных душ, которому они должны следовать. *Единственное* правило, нарушив которое, ты все разрушишь.

Я думаю — хоть и не уверен в этом — что видел это раньше. Воспоминания о том, что мы больше не вместе, что с ней у меня больше нет связи, практически парализуют меня. Если бы мое сердце билось, это были бы тяжелые, приносящие боль, удары. Я *не могу* позволить произойти этому. Восемнадцати лет недостаточно для этой жизни. Нам нужен еще один шанс.

— Каждая душа должна следовать правилам. Это не сложно. Ты можешь показаться смертному, когда это необходимо. Можешь увидеть прошлое, прикоснуться к нему, но будущее, — отец качает головой, — это бесконечное время и пространство. Ты не можешь изменить предначертанное. Если Куинн умрет вот так, совершив самоубийство, то изменит свою судьбу. Это разрушит связь, которая была дарована вам обоим, и вы оба перестанете существовать в какой-либо форме.

Не раздумывая, я прыгаю. Я не могу потерять нас и нашу связь.

Умерев, люди исчезают. Они сливаются с пустотой. Становятся ничем.

Я отказываюсь позволить ей исчезнуть.

— Плыви, Куинн! — кричу я, когда ее сбивает волной, унося все дальше. — Плыви, черт возьми!

Она двигает своими руками, ее глаза открыты и смотрят на меня, вода вот-вот заполнит ее легкие. Я могу видеть шок в ее глазах. Сейчас она видит меня.

— Ты не можешь это сделать! — кричу я ей. — Плыви. Ради меня... просто плыви. Борись!

Она не знает, что это может стать для нас полным концом. Она не может увидеть те жизни, которые мы прожили вместе, и от чего она отказывается... но я могу. Я знаю, то, что она совершила, это ошибка, и я должен заставить ее понять это, как-нибудь, каким-то образом.

Куинн вдыхает, и это приводит к тому, что она глотает соленую воду океана, и начинает паниковать.

«Это он. Я знала это, — думает Куинн. — Чейз здесь. Если я умру, мы сможем всегда

быть вместе».

И она представляет это, прекрасную жизнь, где мы всегда вместе, но прямо сейчас это не та реальность, которой суждено быть. Я должен вытащить ее на поверхность, похоже, это единственное, что я могу сделать.

Она опускает руки, отдавая себя течению.

— Нет! — снова кричу я, и Куинн открывает глаза и смотрит на меня, шокированная яростью в моем голосе, ее сердце стучит в груди, как отбойный молоток.

— Если ты умрешь вот так, Куинн, мы больше никогда не сможем быть вместе, — говорю я ей. — Борись за нас!

И тогда это происходит. В ее глазах вспыхивает понимание, осознание того, кем мы могли бы быть. Не в этой жизни, конечно, но в нашей следующей, и последующих за ней. Она протягивает ко мне руки, чтобы найти помощь. Но Куинн не может ухватиться ни за что, кроме воды — призрака того, чем я являюсь.

Я вспоминаю слова отца: *«Это разорвет вашу связь навсегда. Это будет концом для вас обоих».*

— Нет, — кричу я Куинн, рыдая, отказываясь позволить ей сдаться, мечтая об одном шансе, который бы мог ее спасти. Я бы отдал все на свете, лишь бы она жила. Больше никогда ее не видеть, больше никогда не прикасаться к ней, больше никогда не заниматься с ней любовью — отдал бы все наши будущие жизни вместе, только чтобы она могла жить.

— Пожалуйста, — молю я в отчаянии.

С диким взглядом в глазах, она еще раз тянется ко мне, и в этот раз хватается за мою руку. Сквозь меня волнами прокатывается шок, как только ее рука ослабевает. Куинн почти без сознания, ее глаза закрываются. Я понимаю, что не могу позволить этому произойти.

Схватив ее за руку, я начинаю работать ногами, по-настоящему ощущая, как вода давит на меня, причиняет мне боль.

Я сделал свой выбор, чтобы спасти ее.

* * *

Возвращение к ее дому занимает несколько минут, но в течение этого времени Куинн находится в полной прострации и шоке. Я помогаю ей зайти в комнату и дойти до кровати, на которую она падает.

Несколько часов, до самой ночи, Куинн спит, вся покрытая грязью и песком. Ей снятся мы и то, как мы расстались. Она лежит рядом со мной, ее влажные волосы прилипли к покрасневшим щекам и разметались по подушке и одеялу.

Пока я лежу рядом с ней, время от времени она тихо плачет, что приводит к еще большему потоку слез. Я в растерянности, не знаю, как ее утешить. По большей части, я просто сижу около нее, кажется, это наилучший вариант.

Каждая слезинка, стекающая по ее щеке, для меня как нож в сердце. В основном, потому, что все, что чувствует она, испытываю и я. Когда она, наконец, проваливается в глубокий сон, ее слезы не останавливаются.

Я думал, для меня ужаснее всего были воспоминания Куинн на моих похоронах. Так было до того, как я спас ее от утопления.

Глядя на ее беспокойный сон, я испытываю физическую боль.

Ясная ночь, мы вдвоем на пляже, дождь, ветер, все так же, как тогда, будто повторяется.

— Я хотела, чтобы ты прислушивался ко мне, — говорит она мне. — Но ты меня не слышал.

Я слышу ее слова, будто это происходит сейчас, потому что ей это снится. За этим больно наблюдать, но с водоворотом ее эмоций, это трудно не прочувствовать. Я задыхаюсь от страданий, как выброшенная на берег рыба.

Я просто не смогу перенести повторения той ночи. О, нет, этого и так было достаточно, но как сильная душа, мне необходимо прочувствовать все то, что чувствовала той ночью она. Пройти через это в первый раз было ужасно, и я ни в коем случае не хочу переживать это снова.

— Просто услышь, что я говорю, Чейз.

— О, думаю, что уловил суть всего этого, — фыркаю я. Из-за раздражения на нее, в моем голосе явно отсутствует должное уважение. Я смотрю вдаль, будто не слышу ее, но я слышу. Я слышу все, что она говорит. — Ты хочешь порвать со мной, — говорю я и подношу к губам бутылку пива. — Но чего я не могу понять, это причины. Возможно, потому, что ты не назвала мне ни одной.

— Я не хочу быть с тобой.

И в этот момент мне хочется, чтобы ее воспоминания и сон прекратились, но они продолжают, и каждое последующее все больше приводит меня в замешательство. Больше всего ранит та разрушающая часть, когда я, наконец, могу прочувствовать, что именно она чувствовала той ночью. Она соврала мне. Здесь так много эмоций и воспоминаний, что их трудно расшифровать, понять, откуда они берут начало и из-за чего продолжают.

А потом все становится более ясным: наша ссора, все детали настолько четкие, будто я вижу ту ночь ее глазами и ощущаю каждый укол в сердце, который чувствовала она.

Я выпускаю злой смешок, качая головой.

— Ага, ты продолжаешь повторять это, Куинн, но это не причина. Причиной было бы, если бы ты полюбила кого-то другого. Или разлюбила меня... но не то, что ты не хочешь быть со мной. Так какая из них? Ты меня больше не любишь? — я отбрасываю бутылку, слушая, как она разбивается о бревно, выброшенное из воды на берег. Я не жду ее ответа, прежде чем снова взорваться. — Твою мать. Что все это значит? Ты понимаешь, как я себя чувствую! Ты просто... почему ты не можешь просто назвать мне причину? — подойдя ближе, так, что она ощущает касание моей грудной клетки, я хватаю ее, притягивая к себе. — Зачем ты это делаешь?

— Я сказала, Чейз, я не хочу быть с тобой! — кричит она в ответ, отпихивая меня от себя. — Я не могу продолжать быть с тобой, а потом в итоге остаться одной, размышляя о том, какое место я занимаю в твоей жизни. Это ты оставил меня, помнишь? После выпуска ты собираешься уехать отсюда. И ты действительно видишь меня уезжающей вместе с тобой?

После этих слов в моей груди все тяжелеет, она знает, что я пытаюсь сдержать свою злость. Мое дыхание становится прерывистым.

— Знаешь, в этом и есть чертова проблема, Куинн, — мой голос надломился, но она даже не осмеливается посмотреть на меня, понимая, что я, наконец-то, чувствую всю тяжесть нашего разрыва. — Как ты вообще можешь сомневаться в том, что я хочу, чтобы ты уехала со мной? — я поднимаю руки, сбрасывая бейсболку. — Как именно наглядно я должен это показать?

Если бы я мог плакать, если бы мои слезы все еще могли вытекать из глаз, я определенно точно знаю, что сейчас они катились бы ручьями по моим щекам. Ее воспоминание слишком реалистичное и четкое. Но у меня больше нет слез, только невыносимая боль, будто кто-то поджег мое тело.

— Если мы останемся вместе, чем, только честно, ты думаешь это все закончится для нас? — она тянется к еще одной бутылке пива в моей куртке и забирает ее. — Думаю, тебе хватит.

Мое лицо искажается от боли из-за ее слов, того, что она предполагает для нас, не из-за пива.

— Ты не можешь знать, как бы все у нас сложилось, потому что ты даже не готова дать мне шанс. Ты приняла решение, что для нас все кончено, — я забираю бутылку назад. Подняв руку, стираю ладонью с глаз слезы. — Не тебе решать, когда мне будет достаточно. Ты не можешь вести себя так, будто переживаешь, когда даже не можешь сказать, чего ждешь от меня.

— Я больше ничего от тебя не жду.

— Ох, избавь меня от этого дерьма! — я быстро сдаюсь. Я никогда обычно так не поступаю, но не в этот раз. — Ты не замечала того, что было прямо перед тобой. Я! Я прямо здесь!

Она смотрит мне в глаза.

— Ты слеп в том, что находится прямо перед тобой.

А потом мой мир переворачивается с ног на голову, потому что, наконец, я понимаю ту причину, по которой она порвала со мной. Пронзающая меня боль ранит сильно и быстро. Мое сердце тяжелеет на сотню килограммов и с быстрым стуком будто падает в живот.

Ее сознание тонет во вспышках воспоминаний той ночи, когда ее жизнь была разрушена, той ночи, когда она переспала с моим лучшим другом.

ЧТО?

О, Господи!

Это уже слишком. Я не хочу это видеть.

Я пытаюсь не смотреть на это, закрываю глаза, отворачиваюсь, но оно не прекращается. Моя связь с Куинн слишком сильна. У меня нет другого выбора, кроме как сидеть здесь и переживать ту ночь, независимо от того, что я чувствую при этом. Ее боль — это моя боль.

— Я не могу увидеть то, что ты мне не показываешь, — говорю я ей, в моей груди все дрожит. — Я ждал этого от тебя. До того, как уехать в лагерь, я ждал, что ты мне скажешь не уезжать. Попросишь меня остаться. А потом, когда уехал, я ждал, что ты, по крайней мере, позвонишь мне. Чтобы сказать, что думаешь обо мне. Я ждал, что ты хотя бы раз позвонишь мне!

— И что дальше? Сказать тебе, что я тебя люблю, и ты должен вернуться домой? Променял бы ты свое спортивное будущее на девушку из глубинки, которая никогда ничего не добьется? Неужели не видишь, я не хочу быть такой девушкой!

— Ты никогда не была такой девушкой! Ты была моей девушкой! Я не понимаю, откуда все это.

— Независимо от того, кто я есть, Чейз, я больше не буду этим человеком. Тем, кто удерживает тебя от реального шанса выбраться отсюда. Больше не буду.

— Так кто ты теперь? — я опускаю голову, когда понимаю, что бы я ни сказал, это не поменяет ее мнение. Она уже приняла решение.

Куинн с силой натягивает на ладонь рукав толстовки и вытирает им щеки. Сейчас я понимаю, это ее не убедило.

На короткий миг наши взгляды встречаются, но этого хватает, чтобы дать ей понять, как сильно это ранит меня, как сильно я хочу, чтобы все это оказалось ложью, и чтобы она не говорила мне о том, что все кончено. Наша любовь настоящая, и я всегда буду настаивать на этом. И это что-то да значит.

— Давай просто скажем, что все кончено, и будем двигаться дальше, — ее глаза покраснели от слез и холодного ночного воздуха. Она переминается с ноги на ногу, обхватывая себя руками.

— Как давно ты это решила? — она ничего не отвечает. — Когда ты решила все закончить? Тогда, когда я уехал?

— Просто остановись, Чейз. Здесь больше не о чем говорить. Просто оставь все как есть, ладно?

Ее слова снова выводят меня из себя.

— В этом ты ошиблась. За это, — я возбужденно машу рукой между нами, — стоит бороться! Меня это не устраивает! Меня не устраивает то, что ты расстаешься со мной из-за чего-то такого тупого. Ты меня любишь. Я это знаю!

Во мне вновь поднимается злость, когда она вздыхает.

— Боже, Куинн, ты ведешь себя так, будто думаешь, что я не чувствую к тебе ничего. Будто меня не должно волновать, что ты решила со мной расстаться, тогда как я все еще тебя люблю. Ты меня слышишь?.. Я ВСЕ ЕЩЕ люблю тебя. Думаешь, у меня есть выбор.. но у меня его нет. У меня нет ни единого выбора в этом! Я люблю тебя. Я не могу просто взять и отпустить тебя, — я бью себя кулаком в грудь в область сердца. — Оно, черт возьми, не позволяет мне сделать это!

— Почему? — ее голос становится робким.

— Почему что? — мой голос смягчается, но все еще напряжен.

— Почему ты любишь меня?

Я полностью застигнут врасплох ее вопросом, потому что, если ей приходится спрашивать об этом, значит, в течение этих лет я хреново показывал ей, как много она значит для меня. Мои слезы и ее тоже беспомощно стекают по нашим щекам, и я с трудом говорю слова, которые, похоже, выходят из самых глубин.

— Ты этого не чувствуешь, нет?

— Чейз...

— Не надо, Куинн. Просто не надо, пожалуйста, — я протягиваю руки и резко притягиваю ее ближе. — Я не могу смотреть на тебя и не помнить о том, что у нас есть.

Она начинает еще сильнее плакать, практически навзрыд, и делает от меня шаг назад.

— Я люблю тебя. Люблю. Но не могу так больше.

Я молча киваю, потому что в этот момент до меня, наконец-то, доходит: что бы я ни сказал, она все равно уйдет от меня.

Нас окружает ночной ветер. Я делаю шаг ближе к ней, моя злость не ослабевает.

— С чего это ты вдруг решила, что нам нужно расстаться? Потому что ты уже встречаешься с кем-то другим у меня за спиной? — мое лицо мокрое от слез, и это отстойно, потому что я не из тех парней, кому плакать привычно. Но это Куинн, и я не могу остановиться. Она была частью моей жизни с тех пор, как мне было пять. Я любил ее так долго, что не помню ни одного мгновения своей жизни, когда в ней не было ее. —

Просто скажи мне правду, и покончим с этим! Перестань мне врать!

— Я встречаюсь с Дином Раеном, — признается она шепотом. Но она понимает, что я ее услышал.

— Что? Ты надо мной смеешься? Боже, Куинн! Он просто попользуется тобой и все. Ты разобьешь свое сердце, и меня не будет рядом, чтобы собрать осколки. Если ты сделаешь это, то я пас.

В то время я думал, что наше расставание было жестким. Сейчас же, слово «жестко» даже близко не описывает, что я почувствовал, когда понял, что Куинн не только врала мне о причине нашего разрыва, но и скрывала настоящую причину — то, что она переспала прошлым летом с Ганнером.

Ганнер.

Мой чертов лучший друг.

В то время парень ее лучшей подруги.

Я выдыхаю.

И вдыхаю.

И даже если мне это и не нужно, это единственное, что, как я думаю, может помочь мне успокоиться.

Но это не срабатывает.

Я знаю, что мне следует помогать ей, но я настолько ошарашен увиденным и услышанным, что даже не знаю, как реагировать на это.

Свет в ее комнате тускнеет и начинает мигать, вместе со злостью, пульсирующей во мне, в голове стоит гул. Дышать становится слишком тяжело, и хоть я и понимаю, что не могу задохнуться, такое чувство, что сейчас происходит именно это. Я в ярости, что они поступили так со мной, и разрываюсь на части, потому что люблю ее и не хочу злиться на нее. Сердце говорит мне защищать ее, но меня так чертовски сильно злит то, что я вижу.

Я стою рядом с Куинн и наблюдаю за ней, моя злость настолько сильна, что во всем доме вырубается свет, и становится темно.

Куинн это не мешает, она продолжает спать, оставаясь в неведении о том, что творится в мире вокруг нее.

Я не уверен, что мне делать, но знаю, мне нужно уйти от нее хоть на минутку, чтобы переварить все это. Я выхожу наружу, на улицу, иду по подъездной дорожке.

Я поднимаю руки, обхватывая заднюю часть шеи, пока смотрю вверх на черные, как смоль, облака, без единой видимой звездочки.

— Черт, я не могу в это поверить! — ору я ввысь.

— Успокойся, Чейз, — говорит мне отец, стоя рядом со мной посреди улицы, его руки спрятаны в карманах джинсов.

Успокоиться? Неа. Я далек от этого.

— Я не могу! — кричу я, наклоняясь и поднимая ближайший камень, потом бросаю его, будто это бейсбольный мяч. Он ударяется о заднее стекло ближайшей машины, разбивая его.

Хм-м-м. Впечатляет.

Начинает лаять собака, а отец качает головой.

— Что я должен делать? Я должен быть рядом с ней и помогать ей в то время, как она изменяла мне с моим лучшим другом?

— Я понимаю, ты расстроен. Понимаю, это ранит, и ты в растерянности, но у тебя есть свои обязанности. И ты их все еще не выполнил. Ты здесь ради нее. Это твое

предназначение, твой выбор. Ты должен закончить это дело.

Он это серьезно?

— Как? — кричу я, отчего взрывается лампа фонаря над нами.

На нас сверху падают осколки, и отец смотрит на те, что упали на его ноги.

— Ты должен прекратить так делать. Держи свою ярость под контролем, Чейз. Я понимаю, тебе больно, правда, понимаю, но ты не можешь потерять контроль. Ты должен вернуться обратно к ней.

Он говорит, как...ну, как мой отец.

— Зачем? Чтобы увидеть что-то еще, что разбивает мне сердце? Нет, пап. Не думаю, что смогу сделать это, — я взмахиваю рукой в сторону дома. — Извини, но, может, это просто слишком тяжело. Может, они ошиблись. Не думаю, что предназначен для этого.

— Знаешь, Чейз, я помню, когда тебе было примерно три года... ты был таким крошечным, но уже тогда сам сделал свой выбор в том, что будешь играть в бейсбол. Ты едва мог поднять битку к плечу, не говоря уже о том, чтобы замахнуться ею. Мы с твоей мамой день за днем наблюдали за тем, как ты находился во дворе, практикуя свои удары до тех пор, пока, наконец, в один прекрасный день твоя решимость не окупилась, и у тебя все получилось. С того дня, сынок, ты *сделал* своей целью стать лучшим, и не позволял никому и ничему встать на пути к этой мечте. Помни, кто ты есть. Ты никогда не пасовал перед препятствиями. Не делай этого и теперь.

Не могу поверить, что он пытается вразумить меня.

— Серьезно, пап? — я качаю головой в неверии, что он использует эту историю, чтобы убедить меня вернуться к Куинн. — Мне было три года. Это мое сердце, и она разорвала его на части.

— Чейз, я не говорю, что это одно и то же. В тебе намного больше силы, чем ты думаешь, и ты должен это увидеть. Ты не можешь так выпускать свою злость из-под контроля. Куинн нуждается в тебе. Ты должен помочь ей. Может, в этой истории намного больше того, о чем ты знаешь. Ты видел сон, но ты уверен, что было именно это? Иногда, сны и воспоминания перемешиваются, и в результате не совсем правдивы. В них часть реальности и часть воображения.

— И что...ты хочешь сказать, что, возможно, этого не было?

— Нет, было. Я говорю о том, что там может быть что-то еще. Ты не знаешь, почему она сделала это. Позволь ей рассказать тебе, — отец вздыхает и настойчиво смотрит на меня. — Я хочу сказать, что ты уже не сможешь сбежать от этого. *Твоя душа* — это ее душа. Твое сердце — это ее сердце. Твои воспоминания, которые ты удерживаешь в себе, все они о Куинн.

О ней.

Сейчас это самое тяжелое для меня.

Даже здесь, за пределами ее комнаты, я чувствую это просачивающееся отчаяние, отяжеляющее ее чувство вины. Куинн чувствует, что подвела меня, но, если быть честным с самим собой, я знаю, что она этого не делала, не смогла бы... никогда.

Я опускаю голову и позволяю своему телу принять эту боль, которая плещется в ней.

Только она ее не отпускает.

Куинн

— Ты не можешь это сделать! — кричит он. — Плыви. Ради меня... просто плыви. Борись!

Чейз!

Хватая ртом воздух, я выныриваю из сна, сажусь, дезориентированная, вся усеянная бисеринками пота. Тело как деревянное, каждый мускул натянут и отдает болью. Опустив взгляд вниз на свои ноги, я замечаю, что полностью одета, мои джинсы и футболка влажные, будто я падала в воду.

Даже изножье постели покрыто песком и грязью.

Что, черт возьми, вчера произошло?

Развернувшись, чтобы выглянуть в окно, я замечаю, что небо светло-синего оттенка с серыми проблесками, похоже, вот-вот поднимется солнце. Я пытаюсь вспомнить, как добралась сюда и что произошло на пляже.

Пирс.

Чейз.

Он спас меня.

— Ты не можешь это сделать! — кричит он. — Плыви. Ради меня... просто плыви. Борись!

Вся та боль, что я испытывала вчера, возвращается и снова обрушивается на меня, напоминая о том, почему я сделала тот выбор. Очевидно, мой план не сработал, раз я все еще здесь. Не знаю, что чувствовать по этому поводу. Дело в том, что я прыгнула с пирса не потому, что думала, что это единственное решение. Я прыгнула с пирса потому, что *хотела*, чтобы это было решением.

Если честно, та часть меня, которая не может отпустить Чейза, наверняка, потеряла связь с реальностью. В этом я совершенно уверена.

— Я пытался снять с тебя обувь, но не хотел будить тебя, — раздается голос рядом со мной, и я испуганно подпрыгиваю на месте.

— Чейз? — мои глаза округляются.

О, мой Бог! Это он, снова, прямо так же, как неделю назад. Он дарит мне полуулыбку, которая не затрагивает его глаз. В этот момент я так рада видеть его, что не совсем понимаю, как осознать это все, потому что он выглядит таким... не знаю... отстраненным?

Выискивая причину, чтобы отвести взгляд, я нервно разворачиваюсь, чтобы посмотреть на часы, в то время как сама пытаюсь осмыслить то, что сейчас происходит. Время на часах мигает, показывая 2:23.

— Почему мигают часы?

Чейз приподнимает бровь и смотрит на меня краем глаза.

— Прошлым вечером во всем городе отключалось электричество.

— Что? Почему?

Он фыркает и наклоняется вперед, упираясь локтями в колени.

— По всей видимости, моя злость не очень хорошо сказывается на энергетической компании.

Его слова разрывают мою душу на части, каждое последующее проникает медленнее, чем предыдущее, пока, наконец, я не ощущаю себя похороненной заживо. Пирс. Наверное, он зол на меня за то, что я хотела покончить с собой, чтобы быть с ним.

Это вынуждает меня задуматься над тем, что бы почувствовали некоторые люди, которым на меня не наплевать, если бы узнали о том, что я вчера сделала. Представляю, что бы сейчас подумал Эмери. Или даже Риз.

Черт, Эмери завтра возвращается домой.

— Злость? Из-за чего?

Чейз продолжает молчать. Не говорит ни слова. Не дождавшись его реакции, я поворачиваюсь к нему лицом.

Он смотрит на меня так, будто ждет от меня каких-то слов, в его глазах я вижу явную злость и боль. Он роняет голову на руки, и медленно выдыхает. Я знаю Чейза уже очень давно, и такое его поведение может означать только одно.

Ганнер. Он знает обо мне и Ганнере.

Все это время нам с Ганнером приходилось держать это в секрете от Мел и Чейза, чтобы оградить их от этой боли. Узнай они правду, это закончилось бы тем, что они бы возненавидели нас, и это разрушило бы все. И вот теперь, глядя на него, я вижу, что он уже все знает.

Мои воспоминания, моя жизнь, слезы и сны, все это с силой сжимает мою грудную клетку. Я бросаю взгляд в сторону Чейза в ожидании его реакции на то, что он узнал.

— Ты знаешь, да?

Он постукивает по виску указательным пальцем, его взгляд направлен прямо в мои глаза.

— Я знаю все.

Он зол. Могу сказать это сразу. Глядя на него, я вижу его задумчивый взгляд, направленный на меня, в это же время свет начинает мерцать.

Черт.

— Мне так жаль, Чейз. Я не хотела, чтобы ты узнал об этом вот так.

— Скажи мне, почему, — его голос дрожит с каждым произнесенным словом все больше, свет вокруг меня тускнеет. — Я, как минимум, заслуживаю этого.

Я не отвечаю. Конечно, он *заслуживает* услышать ответ, объяснения того, почему я по собственной воле разбила его сердце. С того момента, как это произошло, я миллион раз представляла себе этот разговор, в разных вариациях. И каждый раз приходила к одному и тому же ответу. Я не сделала это *специально*. Хоть я и была расстроена, что Чейз уехал так надолго, я знаю, что ни за что бы ни сделала этого.

Я прижимаю ладони к вискам, сгибаясь пополам от мыслей о том, что я сделала. Ощущения такие, будто кто-то пинает меня в живот.

— Скажи мне правду, — говорит он мне, медленно выдыхая, его лицо искажается болью. — И, пожалуйста, не лги мне. Это было один раз?

— Да, — шепчу я, пытаюсь выровнять свое дыхание. — Мне так жаль, Чейз. Я не знаю как это произошло. Я не могу вспомнить из той ночи ничего, кроме того, что приехала к Джейдену, чтобы отпраздновать день рождения Мел, что выпила несколько бутылок пива. Хотела бы я помнить больше, но я не помню. Я не ехала на ту вечеринку с намерением напиться. Я имею в виду, я выпила две бутылки пива. *И все*. Ты знаешь меня... две бутылки пива — это ничто. Я бы никогда не поступила так с тобой, так же, как и Ганнер.

Он кивает, кажется, соглашаясь с этим.

— Поэтому вы скрывали это? Почему ты просто не рассказала мне об этом?

Ух, потому что это отвратительно, мне было стыдно и страшно.

С моих губ срывается рваный вздох.

— Чейз... я... — на самом деле, прямо сейчас я не могу сказать ему ничего, что могло бы хоть как-то улучшить все это, или оправдать то, что мы сделали. Закрыв глаза, я нажимаю на них подушечками пальцев, делаю два быстрых вдоха, прежде чем рыдания, которые я сдерживала, вырываются из самых моих глубин. — Я никогда не хотела причинять тебе боль, Чейз. Клянусь, — это единственное, что я могу сказать, потому что это правда. Это последнее, чего бы я хотела. Но также я понимаю, что он заслуживает большего, чем это. — Это была ужасная ошибка. Мы не хотели, чтобы это произошло, а уж тем более ранить тебя этим, — слезы заливают мое лицо, и хотя я не хочу плакать, но не могу остановить их. — Я никогда не рассматривала Ганнера в этом плане.

Чейз скрещивает руки на груди, его тело еще больше напрягается, пока он ждет, что последует дальше.

В течение нескольких минут мы сидим в тишине, и я больше не могу выдерживать эту тишину.

— Скажи что-нибудь, — умоляю я.

Когда он не отвечает, я пытаюсь быть терпеливой, но у меня это не получается. Я должна узнать, о чем он думает, и я помню о том, что он слышит мои мысли, чувствует мою боль. Он знает, как я обо всем сожалею.

— Я чувствую твою боль... и это разрывает меня на части, знать, как сильно это ранит тебя.

Он кивает. Поднимает руки и, прищурившись, поводит ладонями по подбородку.

— И я ни на секунду не сомневаюсь, что тебе жаль, Куинн, но что в действительности сводит меня с ума, это что теперь я понимаю, почему на самом деле ты рассталась со мной. Потому что ты не хотела, чтобы я узнал о вас с Ганнером.

Слезы стекают по моим щекам.

— Да, — шепчу я.

Я даю ему минутку, его дыхание учащается. Он знает. Я до смерти напугана, потому что он, наконец, узнал о том, что я сделала, и теперь оставит меня, снова, и я больше никогда не увижу его. Я не могу смириться с этим. Не могу. Как бы драматично это ни звучало, я чувствую, что умру, если больше никогда не увижу его.

Тут же ощутив накатывающую панику, мои руки начинают трястись, а сердце бешено колотиться, пока я решаю, что должна сказать дальше. Мыслей куча, и воспоминания о той ночи, сейчас видимые Чейзу, дают ему возможность самому все увидеть.

У меня болит все тело, голова тяжелая, и все, о чем я могу думать, что это худшее похмелье во всей истории похмельий. Когда я открываю глаза и оглядываю комнату, то оказываюсь в полном ступоре, потому что это не моя комната. На самом деле, чем больше я прихожу в себя, тем больше понимаю, что это даже не мой дом. Черт. Я даю себе еще минуту, чтобы собрать мысли воедино. Осмотревшись, я замечаю стоящие на комоду кубки и развешенные по стенам постеры.

Черт, это комната Джейдена. Должно быть, прошлой ночью я вырубилась здесь.

Когда я начинаю поворачиваться, чтобы слезть с кровати, все мое тело протестует. У меня такая слабость, что ноги ощущаются, как желе. В этом похмелье определенно что-

то не так. Мое тело, голова... все болит, а в голове будто какой-то странный туман. Я не могу вспомнить, как оказалась здесь, и, что хуже всего, осознаю, что полностью обнажена... в кровати Джейдена.

Дважды черт.

Лежа здесь и пялясь в потолок, я чувствую, что в моем горле сухо, как в пустыне Мохаве, и когда я разворачиваюсь, то молюсь, чтобы у меня хватило мозгов оставить на прикроватной тумбочке бутылку с водой, когда тут же слышу около себя чей-то стон.

Ошеломленная, я медленно разворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это. И прихожу в ужас, когда узнаю полностью обнаженное тело рядом с собой.

Ганнер.

— Дерьмо собачье, Ганнер! — визжу я, натягивая простынь на свою обнаженную грудь. — Какого черта ты тут делаешь?

Испугавшись и подскочив от моего крика, Ганнер сваливается с края постели на пол. Он быстро хватается подушку, чтобы прикрыть свою наготу.

— Куинн? Черт... какого? Где, черт возьми, Мел? Почему ты в постели со мной?

Я выглядываю с края кровати, стараясь смотреть только ему в лицо, а не на его тело.

— В смысле где Мел? Я пришла сюда прошлой ночью, Ганнер, чтобы вырубиться. Одна! Думаю, лучше спросить, какого черта ты в одной постели со мной? Голый? — О, Господи. От каждого слова в моей черепушке будто бьют молотком. Чертово похмелье! — Серьезно! Что произошло?

Ганнер оглядывает комнату, запускает руки в волосы, отчего подушка падает на пол. Он быстро хватается ее и прикрывается.

— Я не знаю. Последнее, что помню, как прихожу сюда и вижу Мел, которая уже лежит на кровати в ожидании нашего личного празднования ее дня рождения.

Он выглядит таким же растерянным, как и я сама. И таким же голым. Черт. Твою же мать. Блядь!

А потом меня осеняет. О, Боже, нет! У нас был секс? Я смотрю на него бешеным взглядом.

— Мы... мы?..

Он выглядит смущенным, начинает осматривать комнату, а потом его глаза округляются от того, что он видит. Я прослеживаю за его взглядом, и мое сердце замирает... на прикроватной тумбочке лежит упаковка от презерватива, и когда я опускаю взгляд чуть ниже, доказательство случившегося валяется на полу — использованный презерватив.

— Твою мать! — орет Ганнер, ударяя по закрытой двери шкафа рядом с собой. Наконец, перестав бить шкаф, он быстро хватается свои джинсы и натягивает их на себя. Пока пересекает комнату, он с бешенством запускает руки в волосы, потом останавливается и смотрит на меня с полной опустошенностью во взгляде. — Какого черта, Куинн! О чем мы думали?

Все, что я могу, это сидеть здесь и думать о том, как мы могли быть такими беспечными? Мы предали двух самых близких нам людей, которых любим больше всего на свете. Теперь это не вернешь назад.

Ганнер хочет знать, о чем мы думали... очевидно, ни о чем.

Чейз смотрит на меня после того, как увидел мои воспоминания.

— Теперь ты понимаешь, почему я чувствую, что разрушаю все вокруг себя? Я

переспала с твоим лучшим другом, Чейз. Я не достойна тебя!

Он молчит, не выдает ни звука, и я опасаюсь, что он собирается уйти. *Что, если я больше никогда его не увижу?*

На мгновение я забываю о том, что он может слышать каждую мою чертову мысль. Без единого возможного секрета, все это должно быть намного проще, так? Но это не так. Даже несмотря на то, что Чейз может слышать каждую мою мысль, у меня такого дара нет. Выражение его лица пустое, оно не выражает ничего. Его взгляд настолько закрыт, что я не могу понять, что он чувствует или о чем думает, и он так избирателен в словах, которые произносит.

Я складываю руки на коленях в ожидании, что найду какие-нибудь слова, но ничего не выходит. У меня есть только мысли и воспоминания, каждое из которых, как удар ножом в его сердце, и мне так жаль. Я так сожалею, что втянула его во все это.

Чейз сдвигается, скидывает ноги с края кровати, чтобы встать, и приседает напротив меня.

— Все в прошлом. Теперь это не имеет никакого значения.

Но это не в прошлом. Я не могу взять и просто забыть о том, что сделала.

— Нет, Чейз, ты ошибаешься. Это *имеет* значение. После того, что произошло, я понимала, если честно, я просто верила в то, что мы должны расстаться, потому что дать тебе узнать о том, что я спала с Ганнером, было бы настоящим предательством, и я знала, что это причинило бы слишком сильную боль, — я вскидываю руки в воздух, но тут же побеждено роняю их на ноги. — А потом, в довершение всего, я становлюсь причастной к аварии, которая тебя убивает.

— Неправда.

— Правда! — срываюсь я. — Вот почему я сделала вчера такой выбор. Почему ты просто не оставил меня одну и не дал мне умереть? Тогда бы все это, наконец, закончилось.

Этот вопрос ему ни капли не нравится, его тело напрягается. Он делает глубокий вдох и полностью сосредотачивает взгляд на моих глазах, когда начинает говорить:

— Ты должна выслушать меня, Куинн. Очень важно, чтобы ты услышала все, что я собираюсь тебе сказать. *Поэтому* я здесь. Ты спрашивала меня, почему, и теперь я знаю ответ. Крайне важно, чтобы ты поняла, что я пытаюсь тебе объяснить, потому что от этого зависят обе наши жизни.

— Но ты уже мертв. Я не понимаю, Чейз, после всего, что я натворила, после всей боли, которую причинила, почему ты здесь?

Он качает головой.

— Посмотри на меня. Я не ушел. Я все еще очень даже присутствую в твоей жизни. И *всегда* буду.

Я не понимаю, что он пытается мне сказать. Я не заслуживаю его прощения.

— Куинн, — он вздыхает, качая головой, — не говори так.

— Но это правда. Я не принесла тебе ничего, кроме боли, и все еще продолжаю ранить тебя.

Чейз хочет, чтобы я посмотрела на него, поэтому приподнимает мой подбородок, и тепло от его прикосновения растекается по всему моему телу. Выражение его лица смягчается, а в глазах появляется сочувствие.

— Если бы вчера я не остановил тебя, это стало бы концом для нас обоих. Навсегда.

— О чем ты говоришь?

— По этой причине меня можешь видеть только ты.

Я приподнимаю бровь, думая о том, что он сошел с ума, или же я.

— И это потому?..

Он берет мои руки в свои.

— Потому что мы с тобой... так сказать, сильные души.

Сильные души? Я смотрю на него, не понимая, что он пытается мне сказать. *Что это, черт возьми, такое, сильные души?*

— Все произошло так, как и должно было произойти. Ты должна мне поверить, что ничто из всего этого не было нашей виной... Ганнер... Тейлор... моя смерть... все это было частью того, что должно было произойти. Мне было суждено умереть в той аварии, чтобы таким образом я смог спасти тебя. Моя душа приняла решение пожертвовать собой ради тебя и нашего общего будущего.

— Ладно. Так что, ты принял решение закончить свою жизнь, но мне такой выбор не был дан?

— Я не принимал решения покончить со своей жизнью, Куинн. Та авария, моя смерть — это было предначертано. Это должно было произойти.

Мое сердце начинает биться немного быстрее.

— Я не... я просто...

— Куинн, любовь не прошла, — говорит Чейз, перебивая меня. — Не для нас. Это как закат солнца. Оно скрывается на короткое время, сменяясь темнотой, но оно всегда есть. Оно просто прячется, — большим пальцем он проводит по моей щеке, и это ощущается так тепло и так правильно. — А затем, когда ты начинаешь думать о том, что оно никогда больше не поднимется, оно появляется, и ты снова сталкиваешься с этой красотой.

Я не уверена, как осмыслить то, что он говорит.

Какое-то время Чейз наблюдает за мной, но ничего не говорит. В какой-то момент его взгляд опускается на мои губы, а потом снова возвращается к моим глазам, и я думаю о том, что он может поцеловать меня, или, по крайней мере, хочет это сделать. И огромная часть меня надеется, что он сделает это.

Отклонившись, он с трудом сглатывает и создает между нами дистанцию.

Ладно, ну, возможно, я не так все поняла. Мы не можем это сделать?

Он не отвечает.

— Ты все еще не объяснил, почему ты здесь? Как так получилось, что, кроме меня, тебя больше никто не может видеть? — спрашиваю я, желая услышать ответ. Я так нервничаю из-за того, что он может исчезнуть, как в прошлый раз, но, пока что, он все еще здесь, и мне нужно знать, что именно нас связывает. Я знаю, что это, скорее всего, любовь, чем просто сильная связь. Как бы еще он смог вчера спасти меня?

— Потому что мы — сильные души, — повторяет Чейз.

— А поточнее?

— У каждого человека есть душа, но только у избранных есть дар быть сильной душой, — объясняет он. — Они созданы, чтобы быть вместе, и им суждено находить друг друга в каждой из жизней. Они произошли от греческих богов... созданы для вечной любви. Эти души, соединенные друг с другом, не всегда умирают вместе, но одно остается неизменным: в каждой жизни они будут связаны любовью.

Я не уверена, что на это ответить, поэтому просто молча таращусь на него.

— Знаешь, как говорят, «глаза — это зеркало души»? Ну, для нас это так и есть. В то

время, как наша внешность с каждой новой жизнью будет меняться, единственное, что всегда будет оставаться неизменным, это наши глаза.

— Так что, мы... — я замолкаю, пытаюсь осмыслить, что все это значит. Если это правда, то это многое объясняет. Тогда неудивительно, что я сразу же положила на него глаз в детском саду — я ощутила такую огромную связь с ним и его прекрасными карими глазами.

Э-э-э, погоди-ка, мы были вместе в других жизнях?

Чейз кивает.

— У нас их было много, хоть обстоятельства и меняются. Мы были созданы, как сильные души, с предназначением всегда быть вместе.

— И какой урок я должна выучить в этой жизни? Просто все выглядит так, будто я продолжаю совершать одну ошибку за другой.

— Если честно, я не знаю, но что я знаю точно, тебе еще так многому предстоит научиться и прожить так много жизней.

— Что насчет тебя? Что было твоей задачей?

— Спасти тебя, — он наклоняется и касается моей щеки, его легкое прикосновение отзывается во мне покалыванием по всему телу. — Моя душа принесла себя в жертву ради тебя.

Я улыбаюсь, потому что он выглядит таким убежденным и уверенным, когда отвечает на этот вопрос. Это просто... в этом весь Чейз. С того дня, как мы познакомились, он всегда вставал на мою защиту.

— Должна ли я поблагодарить тебя?

Он тоже улыбается.

— Это было бы мило с твоей стороны.

Я улыбаюсь шире, но в этом всем для меня еще так много всего непонятного.

— Я не совсем понимаю... так что, получается, не все души созданы друг для друга, ну, знаешь, как пара?

— Именно так. Сильные души отличаются от обычных. Скажем так, они были «выбраны» и им предначертано проходить путь вместе, — объясняет мне Чейз, глядя на меня, пока медленно произносит: — В каждой новой жизни они обязательно соединяются. Когда один умирает, они никогда, по-настоящему, не уходят, потому что даже в смерти их предназначение остается прежним. Одно из предназначений — это спасение другого, и если они умирают, у них есть возможность дать знать своим вторым половинкам о своем присутствии, если те нуждаются в этом.

— Получается, это происходило и раньше?

— Ну, да, судя по тому, что я смог увидеть. Я увидел множество наших совместных жизней. Однажды ты спасла меня из горящего здания. Ты умерла, и только благодаря твоей жертве я выжил. Это объясняет, почему у тебя сейчас такой страх перед огнем, — он замолкает, и я выпучиваю глаза. Я ненавижу огонь. Я делаю короткий вдох и ощущаю привкус дыма в горле, как происходит каждый раз, когда я остаюсь одна, даже на пляже. Но я никогда не говорила никому об этом. Даже Чейзу. — В одной из жизней я был наркоманом и настоящим говнюком. Так или иначе, в одну дрянную ночь я попал в ужасную автомобильную аварию, и ты была парамедиком, которого вызвали на место аварии. Ты помогла мне той ночью, а потом навещала меня в больнице, где у нас зародилась дружба. После этого ты помогла мне побороть мою зависимость, и, в конце концов, наша дружба

переросла в любовь.

— Чем это все закончилось?

— Двумя замечательными детишками. Мы умерли в преклонном возрасте... вместе.

— Так, после смерти мы все равно вместе?

— Да, когда один умирает, вторая половинка, в каком-то смысле, всегда рядом. Как в нашем случае, так должно было все случиться. Нам обоим суждено было быть там той ночью, и у моей души был выбор, выжить или умереть в той аварии. Если бы я выжил, то остался бы парализованным, и из-за чувства вины ты бы покончила с собой, как пыталась сделать это вчера на пирсе. Моя душа видела это. Я бы не смог спасти тебя, поэтому я выбрал смерть, потому что это означало, что я мог бы быть рядом, когда был бы тебе больше всего нужен.

Я киваю и отстраняюсь, нуждаясь в воздухе.

— И... вау. Ты, на самом деле, умер, чтобы спасти меня.

— Да.

Так трудно осмыслить, как это может быть правдой, и я продолжаю думать о сотнях возможных вариантов.

Я сажусь ровнее и поворачиваюсь лицом к нему.

— Но, если мы были созданы друг для друга, разве не должны были умереть вместе? Просто, это кажется таким печальным, потому что, если мы связаны как одно целое, почему второй половинке приходится продолжать проживать свою жизнь и так страдать?

— Нет, потому что, если все, кто был избран, будут умирать вместе, это будет прекрасно, да, но наша задача развиваться и учиться в течение каждой своей жизни, что стало бы бессмысленным без боли и грусти.

Я хмурюсь от этих слов.

— В нашей ситуации должно быть исключение. У *каждого* есть свой предел.

Как у меня.

— Конечно, страдание — это боль, но так же и любовь, — он говорит это так, будто у него опыта намного больше, чем у семнадцатилетнего подростка, каким он является. — Куинн, ты должна помнить о том, что это не твоя вина. Я сделал этот выбор, чтобы быть с тобой вечно. Мое предназначение — спасти тебя. Твое предназначение — жить. Именно поэтому ты не должна пытаться покончить с жизнью, чтобы быть со своей второй половинкой. Нельзя шутить с судьбой.

Что я должна сказать? Он серьезно думает, что я смогу просто продолжать жить своей жизнью, зная, что мне придется это делать без единственного человека, с которым я, образно говоря, связана?

Чейз вздыхает. Все еще сидя на коленях рядом со мной, делает еще один глубокий вдох и упирает руки в мои бедра.

— Не растрачивай тот дар, что был тебе дан. Тот факт, что я достаточно сильно люблю тебя, чтобы пожертвовать собой ради тебя, должен быть достаточной причиной продолжать держаться. Сделай это ради меня. Я умоляю тебя, пожалуйста, помни о том, что я сделал, продолжай жить за нас двоих и будь счастлива. Я не знаю, как долго смогу находиться так с тобой, но что я знаю точно, мне нужно, чтобы ты пообещала мне, что продолжишь жить без мыслей о том, что между нами все кончено, и больше никогда намеренно не сделаешь ничего, что могло бы привести к твоей смерти.

— Это так нечестно. Я должна продолжать жить, когда ты мертв. Почему я? — я

чувствую, как горят глаза от слез, а в горле снова встает ком. Я разворачиваюсь, и ком в горле спадает, когда вижу озадаченность на его лице. — Почему нельзя было умереть мне, а тебе остаться жить?

Он не хочет, чтобы я отводила от него взгляд, поэтому кладет ладонь на мою щеку.

— Чем моя жизнь лучше твоей? — спрашивает он хриплым голосом, продолжая удерживать мой взгляд. — Ты не понимаешь, Куинн, что так же сильно, как ты любишь меня, так же и я люблю тебя. И пока ты думаешь о том, что я заслуживаю жить, я верю в то, что этого заслуживаешь ты. Ты не осознаешь, что из нас двоих, ты всегда будешь более сильной душой? Каждый раз, снова и снова ты жертвуешь собой ради меня, — его глаза наполняются слезами, и я думаю, что он может заплакать. Я чувствую бушующие в нем эмоции, и они настолько сильные, что я начинаю чувствовать их внутри себя. Вначале они нечеткие, а потом меня ударяет теплота, все мое тело омывается волной жара. — Мы были созданы как одно целое. Все, что есть я, есть ты. Никто из нас двоих не важнее другого. Ты всегда будешь более сильной половинкой. Я так сильно не хочу оставлять тебя, но мне придется это сделать, и это так сложно, *так чертовски сложно, детка.*

— Как ты можешь мне это говорить? — так тяжело поверить в то, что это, на самом деле, правда. Я имею в виду, в некотором смысле, я верю в это, потому что знаю, что эта связь с ним всегда была самой сильной, что я когда-либо испытывала в своей жизни. — Ты говоришь это с такой уверенностью, я просто не знаю, как мне поверить в то, что это правда, и я не сошла, просто-напросто, с ума. Я даже не уверена, что, и в самом деле, вижу тебя. Как я должна понять, что это правда? Что я не сошла с ума?

— Вот как...

Чейз

Признаюсь, мне потребовалось какое-то время, чтобы принять тот факт, что Куинн спала с моим лучшим другом. Но, как напомнил мне отец, мое внимание сейчас должно быть сфокусировано только на ней. Не имеет значения, что она сделала или не сделала, важно то, что происходит сейчас, важно, чтобы она поверила в меня, в то, что моя любовь настоящая, что это должно было случиться.

— Вот как... — приподнявшись на коленях, я склоняю голову и крепко зажмуриваю глаза. Она думает, что знает, что это такое, но даже не представляет. Мне нужно показать ей. Если она сможет почувствовать меня вот так, тогда, возможно, сможет поверить мне. Я дотрагиваюсь до ее щеки, пальцам потирая разгоряченную кожу.

У нее путаются мысли, тут же всплывают воспоминания о нашем общем прошлом: первый поцелуй, тот последний раз в моей спальне, наше касание губ в ночь аварии... все они поглощают нас обоих, проходят сквозь меня, как электрический разряд.

Этого достаточно. Я прижимаюсь губами к ее губам раньше, чем она успевает сказать хоть слово. Я не могу больше ждать. Она может не верить тому, что я сказал, но я уверен, если смогу заставить прочувствовать это, то стану на один шаг ближе к тому, чтобы заставить ее понять меня.

От неожиданности ее тело напрягается, а сердце ускоряет свой ритм. Я не могу объяснить ей это, черт, да я даже сам себя до конца не понимаю, как у меня получается делать это. Но не важно, что поспособствовало этому, я принимаю это, потому что этот поцелуй для меня все.

Здесь нет вопросов, что мне нужно делать. Я знаю. Мне нужно сделать так, чтобы этот поцелуй был длиною в жизнь.

Она должна *чувствовать* его вечно.

В течение следующих нескольких секунд, когда мои губы касаются ее, я полностью растворяюсь в ощущениях, которые проходят сквозь меня. Я думал, нет, предполагал, что не смогу снова чувствовать что-то на физическом уровне, по крайней мере, не в этой жизни, но я чувствую. В эту секунду я очень даже хорошо все осознаю. То, какая она на вкус, то, как ее губы вжимаются в мои, все это, включая физическую реакцию, которая у меня появилась. Я вообще не понимаю, как это произошло, но все это очень даже реально.

Куинн целует меня в ответ, мягко прижимаясь своими губами к моим, когда я втягиваю ее губу в свой рот. Следующие несколько секунд мы оба пытаемся вложить в этот поцелуй все свои накопившиеся эмоции. Я прекрасно осознаю, что это может быть последний раз, когда я могу что-то ей дать, поэтому собираюсь убедиться, что она получила все, в чем нуждается.

Ее язык скользит сквозь мои приоткрытые губы, из моей груди выходит такой глубокий рев, который я сам не могу объяснить. Когда наши языки встречаются, мое тело сотрясается, будто сквозь меня пробегает заряд тока, и, естественно, лампа рядом с кроватью Куинн начинает мигать.

Ощущения ошеломляющие, и какая-то часть меня хочет проверить, насколько далеко я смогу зайти. Я не понимаю, почему у меня сейчас проявилась физическая реакция, какая

была раньше, когда я был жив, но это дает мне надежду на то, что смогу продвинуться дальше.

Так же быстро, как эта мысль возникает в моей голове, что-то внутри меня говорит мне «нет», это дар. По какой-то причине мне была подарена возможность прикоснуться и чувствовать Куинн, и я, определенно, не хочу испытывать свою судьбу.

Куинн, кажется, полностью потерялась в нашем поцелуе. Она обвила руки вокруг моей шеи, пытается прижаться ближе ко мне, а затем соскальзывает с края кровати, чтобы забраться ко мне на колени.

Н-да, мне семнадцать лет, и во мне все еще бушуют гормоны.

Ее дыхание все еще учащенное, когда мы, наконец, разрываем поцелуй. Риз стучит в ее дверь, но не открывает ее.

К счастью, я додумался закрыть ее прошлой ночью после того, как принес сюда Куинн. Все, что знает Риз, это что Куинн заперлась здесь, потому что хочет побыть одна.

— Я уезжаю на работу, Куинн, — говорит Риз через дверь. — Напиши, если тебе что-то понадобится. Эм возвращается поздно вечером, поэтому я хочу забрать его с пристани, и я вернусь, когда будет довольно поздно.

Услышав стук в дверь и голос Риз, Куинн отпрыгивает назад, тяжело дыша, и быстро садится на край кровати.

— Хорошо. Увидимся позже, — быстро отвечает она. Она смотрит на меня, ее ресницы подрагивают, пока она осторожно осматривает меня с ног до головы.

— Ты почувствовала это, Куинн? Почувствовала силу этой любви? Вот как ты можешь быть уверенной во всем. Это правда. Это происходит, и мне нужно, чтобы ты верила в меня, — снова приподнявшись на коленях, я обхватываю ладонями ее лицо и пытаюсь убедить еще раз, заправляя ее волосы за уши. — Ты чувствуешь мои прикосновения... Ты знаешь, это я, — большим пальцем я потираю ее щеку. — Разве не видишь... *только ты* можешь меня чувствовать, *только ты* можешь меня видеть потому, что *только ты* была создана для меня.

Она закрывает глаза и кладет голову мне на плечо. Я прижимаю свою ладонь к ее груди, туда, где бьется сердце, потом тяну ее руку к своей груди.

— *Ничто* никогда не изменит этого.

Куинн снова плачет, но все же на ее лице мелькает мягкая улыбка.

— Ты мне веришь?

Она кивает, закрывая глаза. Я понимаю, что она растеряна, но также замечаю и надежду. Наконец, она по-настоящему начала слышать каждое слово, которое я ей говорю. Я только надеюсь, она поверит, что это правда.

— Как думаешь, есть еще другие, такие, как мы, которые просто об этом не знают? — спрашивает Куинн, откидываясь спиной на кровать и глядя в потолок.

— Думаю, да.

Я передвигаюсь, чтобы лечь рядом с ней, притягивая ее так, чтобы она могла положить голову мне на грудь. Я вижу, что она все еще уставшая, и надеюсь, что она снова уснет. Если она заснет, то будет видеть сны, а если она будет видеть сны, то я смогу показать ей, что все это значит на самом деле.

— Помнишь, в средней школе мы читали ту историю о греческих мифах? — она кивает, и я продолжаю: — Помнишь, они верили в людей, которые были созданы с четырьмя руками, четырьмя ногами и четырьмя глазами? И Зевс верил в то, что они обладают особой

силой, и опасался их. Поэтому он разрубил из всех пополам и отправил на поиски другой своей половинки. Думаю, именно оттуда все это и произошло, или, по крайней мере, взяло свое начало, но я не совсем уверен. Я точно знаю, что это передается по наследству, и только в определенных семьях. Как мои родители, они оба сильные души.

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, наши тела настолько близко друг к другу, я чувствую, будто она часть меня самого.

— И твоя мама видит твоего отца?

— Когда отец чувствует, что мама нуждается в нем, то он тут же оказывается рядом с ней в том виде, какой для этого требуется. Что самое безумное, с момента аварии я тоже вижу его.

Куинн смотрит на меня удивленно.

— Правда? А ты видишь моих родителей?

— Нет... прости. Не вижу. Я вижу только своего отца, — мне грустно говорить ей об этом.

Какое-то время она молчит, положив голову обратно мне на грудь. Затем она спрашивает меня:

— Из-за этого она до сих пор одна?

Я пожимаю плечами.

— Нет, не думаю, что дело в этом. Думаю, когда отец умер, силу, чтобы продолжать держаться, она нашла для того, чтобы вырастить меня... это было ее предназначением.

— Но сейчас ты ушел...

— Да, но ее любовь ко мне не иссякла так же, как и не пропадет ее любовь к тебе. Привязанность, которую она испытывает к тебе, всегда будет очень сильной, и она поможет ей найти силы пройти через все это. У всех сильных душ сильная эмоциональная связь со своей семьей. Мы можем быть привязанными к своим вторым половинам, но это, как связь душ одной семьи.

Пока Куинн продолжает лежать головой на моей груди, ее дыхание выравнивается, и она начинает расслабляться. Я на автомате потираю ее спину, как делал каждую ночь, когда она пробиралась в мою комнату, и постепенно она начинает проваливаться в сон.

* * *

Ее сны очаровывают меня. Я знаю, что мое время быть с ней вот так подходит к концу, но я так отчаянно хочу, чтобы она увидела это все — мою любовь, наши жизни вместе и по отдельности. Хочу напомнить ей о том, что она сильная, что она сможет продолжить жить без меня.

Мягко прикасаясь пальцами к ее волосам, через ее сон, я могу показать ей масштабы того, что есть между нами.

Она думает, что видит сон, но это не просто сон. Я использую это время, эту возможность быть рядом с ней так, как не могу, когда она бодрствует. Это единственное время, когда ее мозг полностью расслаблен и намного лучше способен поверить и понять, насколько важно, чтобы она продолжала жить.

Куинн

Не знаю, как долго проспала, но когда просыпаюсь, я понимаю, что сейчас примерно вторая половина дня. Сквозь темные шторы проглядывает солнце, освещая мою комнату мягким серым оттенком. Растянувшись на кровати и почувствовав тепло, которое исходит только от него, я понимаю, что он все еще здесь, рядом со мной, но прямо сейчас я не смотрю на него.

Я оставляю себе несколько минут, чтобы осмыслить все те эмоции, которые пульсируют во мне. Я морально опустошена, но, как ни странно, чувствую облегчение. Оно появляется внезапно, будто из ниоткуда. Я не могу это объяснить, но что-то мне подсказывает, что это мой первый шаг к исцелению.

Когда я поворачиваюсь лицом к нему, Чейз смотрит прямо на меня, на его губах мягкая улыбка.

— Теперь ты понимаешь? Чувствуешь, насколько сильна моя любовь к тебе?

Я улыбаюсь, потому что действительно понимаю.

После того, как я уснула, мне снился Чейз и наша любовь сквозь жизни. Я видела силу наших уз и непоколебимую связь, которая есть и всегда будет между нашими душами. Прощлой ночью Чейз поделился со мной своей истинной любовью, и теперь я понимаю намного больше, чем понимала когда-либо. Повернувшись, я смотрю на часы, чтобы проверить время, и замечаю фотографию, которая всегда напоминала мне о Чейзе. На ней запечатлен он вместе с Ганнером и Джейденом, в их руках биты, и они улыбаются.

— Я все еще чувствую, что отняла у тебя твою мечту, — говорю я ему.

Чейз перекачивается на кровати ближе ко мне и прижимается губами к моему плечу, пока смотрит на фотографию.

— Из всего, что я когда-либо держал в своих руках, ты для меня — самое главное.

Я понимаю, что именно он имеет в виду. И в каком-то смысле это метафора. Я поворачиваюсь лицом к нему и улыбаюсь, пока он смотрит на меня сверху вниз.

— Ты такой банальный.

Он усмехается, жестом указывая на нас двоих.

— Ага, но это правда.

Спустя несколько минут после пробуждения я понимаю, что впервые за последние дни ощущаю чувство голода, и предлагаю продолжить наш разговор по пути на кухню.

* * *

Пока обыскиваю шкафы в поисках чего-нибудь съестного, я поглядываю на Чейза, когда он с довольной улыбкой на лице прислоняется к стене кухни, так же, как делал это сотни раз прежде. В этот момент я ощущаю такую сильную любовь, и напоминаю себе о том, какая я счастливица, что у меня есть это мгновение.

Стук в дверь вырывает меня из моих мыслей.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Чейз.

Сегодня я снова пропустила занятия, и спасибо Риз, что она прикрыла меня, позвонив в школу и сказав, что я заболела. По крайней мере, так гласила записка на столе.

— Нет... — я выглядываю в боковое окно и вижу «Мустанг» Ганнера, припаркованный рядом с машиной, которую мне помогла купить Риз на деньги по страховке. — Это Ганнер.

Качая головой, Чейз идет в гостиную и, плюхнувшись на диван, поднимает руки, чтобы обхватить ими шею.

— Сейчас не самое лучшее время. Я не уверен, что трансформаторы в этом городе смогут выдержать это.

— Остынь, Каспер. Сегодня, нам не нужны никакие скачки напряжения. Коммунальная компания и так уже сходит с ума, — шучу я, чтобы получить в ответ мягкую улыбку. — Хочешь, чтобы я попросила его уйти?

— Нет. Должен же я, в конце концов, пройти через это.

Проходит всего минута, и Ганнер снова стучит в дверь. Я смотрю на Чейза, но он не смотрит на меня — он сидит, уставившись куда-то в сторону, будто следит за чем-то.

Пожав плечами, я делаю несколько шагов к двери и медленно открываю ее.

— Ганнер, привет. Что ты здесь делаешь?

Я, правда, надеюсь, что он здесь не для того, чтобы орать на меня или обвинять. Сегодня я, наконец, чувствую себя хорошо, и прямо сейчас не хочу все это разрушать.

Голова Ганнера опущена, он в неуверенности шаркает ногой по земле.

— Могу я войти? Я просто... Мел все знает, и я просто хотел поговорить с тобой кое о чем. Мне нужно с кем-то поговорить.

Это, определенно точно, я могу понять. Ганнер — второй человек, у которого такое же чувство вины, с которым я никогда не расстаюсь, потому что он тоже его испытывает. Он любил Чейза и никогда намеренно не причинил бы ему боль. Мы переспали ненамеренно. Пусть это была безответственная ошибка, но, в конце концов, это была именно... ошибка.

В течение нескольких секунд мы стоим в тишине, неловко глядя друг на друга, а потом Чейз говорит:

— Впусти его.

Я открываю дверь шире, и Ганнер проходит в комнату, чтобы сесть в кресло возле окна, ставит локти на колени и вытягивает руки перед собой, глядя мне в глаза.

— Мне так жаль, Куинн.

Заняв свое место на диване рядом с Чейзом, я никак не реагирую, потому что наблюдаю, как Чейз пытается оценить свою реакцию на Ганнера. Я вижу, что ему не по себе, но он реагирует лучше, чем я себе представляла.

Ганнер выпрямляется в кресле. Очевидно, что он хочет сказать что-то еще и хочет сделать это спокойно.

— Той ночью я плохо соображал, прости меня. Я не... я не знаю, как это произошло, хотел бы я иметь возможность сказать ему о том, как мне жаль, — Ганнер глубоко вдыхает, и я знаю, что он действительно сожалеет. — Он был моим лучшим другом. Я любил его, как брата, а он любил тебя. Так *чертовски сильно* любил. Даже когда Чейз был с ней, он никогда не был таким счастливым, каким был рядом с тобой.

Я все еще ничего не говорю. То, что он говорит, правда. Чейз любил меня, и теперь я знаю, насколько сильна эта любовь. Сидя рядом со мной, Чейз сжимает мою руку и дарит мне ту уверенность, в которой я нуждаюсь.

Я перевожу взгляд с Чейза на Ганнера, пока тот продолжает говорить:

— Я не могу отделаться от чувства вины, Куинн, — говорит он разочарованно. — Я просто... я даже не понимаю, как это произошло.

Я смотрю на него, пытаюсь разобраться в том, что сама помню о той ночи, но воспоминания такие размытые.

— Я помню, что проснулась рядом с тобой, голая. Это все.

Он опускает голову на свои руки и медленно выдыхает.

— Я бы никогда не поставил тебя в такое положение, если бы был в здравом уме.

— Я знаю, что ты не поступил бы так.

И это правда. Не считая его любви к Чейзу, Ганнер любит Мел, и он бы никогда не поставил под угрозу их взаимоотношения.

Ганнер смотрит на свои руки.

— Я не знаю, что делать. Такое чувство, что вина сжирает меня изнутри. Я пытаюсь отпустить все это, сам себе говорю, что не могу изменить прошлое, но ничего не помогает. Как мне жить с тем, что я предал своего лучшего друга, а теперь я уже не могу ничего изменить, не могу сказать ему о том, что мне очень жаль?

Когда начинаю говорить, я не смотрю на Чейза. Поскольку Ганнер не может его видеть, не хочу, чтобы он думал, что я отвожу от него взгляд, пока он изливает мне свои страдания. Очень важно, чтобы Ганнер понял — то, что я собираюсь ему сказать, исходит из самого моего сердца. Я знаю, что Чейз испытывает к нему то же самое, что и Ганнер к Чейзу. Их дружба такая же долгая, как и наша. Нельзя все это просто взять и перечеркнуть.

— Ганнер, ты должен выслушать меня. Я всем сердцем верю в то, что Чейз простил нас, — говорю я ему, мой голос начинает дрожать, когда эмоции снова берут верх. — Он знает, что ты сожалеешь. И ты должен знать, что он любил тебя так же сильно, как и ты любил его.

В этот момент Чейз берет меня за руку, и мое тело нагревается от его тепла. Я знаю, это его способ показать свое одобрение тому, что я говорю. Это просто в очередной раз доказывает, насколько Чейз добрый и безупречный. Ведь зная о том, что произошло той ночью, он все еще самоотверженно любит нас обоих.

— Я знаю, он бы не хотел, чтобы это чувство вины продолжало оставаться с тобой и дальше. Ты должен найти способ отпустить все это. Нам обоим нужно просто отпустить это.

Не знаю, где я это услышала, возможно, от одного из миллионов психотерапевтов, с которыми встречалась после смерти родителей, но один из них сказал мне, что никакое чувство вины не поможет разрешить прошлое, и никакой страх не сможет изменить будущего.

В течение долгого времени я отмахивалась от этих слов, не готовая принять их.

Но по какой-то причине сегодня я думаю об этих словах все утро.

Чейз

— Спасибо, что поговорила сегодня с Ганнером. Ты все правильно сказала.

— Я знаю... хотя, я все еще чувствую себя странно, — Куинн перемещается по комнате, делая свои обычные дела перед сном. Ночь вступает в свои права и завершает еще один день. Она выдвигает ящик комода и достает пару треников и майку и кладет их на кровать.

— То, что ты сказала ему, правда, и ты знаешь это. Никто из вас не хотел никому причинять боль. И ничто из произошедшего не было вашей виной.

— Как ты можешь так говорить?

— Потому что я знаю, что ты чувствуешь. Твоя душа чиста.

Куинн обдумывает мои слова, а потом отворачивается, чтобы снять футболку, забыв о том, что я могу увидеть ее голое тело в зеркале. В общем, я не жалею.

Если бы я не был мертв... я бы столько всего мог с ней сделать...

Когда она снова оказывается на кровати, все, чего я хочу, это продолжить с того места, на котором мы остановились, когда нас прервала Риз, но я боюсь, потому что знаю, мое время быть здесь, рядом с ней, подходит к концу.

Будто энергия во мне выплескивается из самых глубин и говорит мне о том, что Куинн скоро больше не будет нуждаться во мне так сильно. Рано или поздно она увидит, что достаточно сильна, чтобы продолжать жить своей жизнью, и это все, чего я хочу. Конечно, эгоистичная часть меня ничего не хочет так сильно, как быть с ней всегда, но прелесть в том, что я знаю, что этот момент когда-нибудь настанет.

— Все хорошо?

Я киваю, понимая, что, несмотря на это, она чувствует мое смятение.

— Все в порядке.

Раскрыв ладонь, я прижимаю ее к груди Куинн, поверх ее майки, в которую она сейчас одета. Когда она улыбается, это так зачаровывает. Этот взгляд, который я не видел уже долгое время.

— Ты понимаешь, какой я счастливчик? — спрашиваю я, когда она ложится спиной на кровать и наблюдает за каждым моим движением.

— Счастливчик? Не уверена, что у нас одинаковое понятие этого слова, потому что, ну, знаешь, ты мертв, — говорит она, как всегда, указывая на очевидное.

— Я знаю, но я *счастливчик*. Я встретил тебя.

— И снова, ненавижу доказывать очевидное, но я, несомненно, являюсь причиной...

— Остановись! — стону я. — Я пытаюсь сказать тебе кое-что. Позволь мне сделать это.

Она тихо смеется.

— Ладно. Говори.

Молча глядя на нее, я вспоминаю о том, как много всего я разделил с ней. Я могу сказать ей так много всего, но для Куинн самое главное — вновь обрести свое я, чтобы определить, чего она хочет от жизни.

— Мне нужно, чтобы ты помнила о том, что моя душа была создана для тебя. Мы уже прожили так много жизней вместе, и я обещаю, что после этой у нас будет еще много их впереди. Мы будем находить друг друга в каждой из них. Никогда не забывай об этом.

Хочется сказать так много всего, но мне нужно больше времени на то, чтобы подобрать слова для прощания. На это нужно время.

Для меня не должно быть тяжело отпустить ее, поскольку я знаю, что это не навсегда, но все равно это нелегко.

Позже ночью, пока Куинн мирно спит рядом со мной, я лежу, потерянный в своих собственных мыслях, и думаю обо всем, что произошло за последнюю неделю. Хотя я и знаю, что для Куинн это тяжело, для меня это словно американские горки. У меня не было времени осмыслить все, что я узнал, и мне нравится, что у меня есть несколько часов на то, чтобы собрать все случившееся воедино.

* * *

— Вижу, ты, по крайней мере, успокоился, — отец смеется, прислонившись к стене спальни Куинн, и рассматривает фотографии, стоящие на ее комод, особенно на которой запечатлен я на финальной игре прошлой весной.

Наблюдая за ним, я задумываюсь, насколько странно ему смотреть на мою жизнь на фотографиях, когда большую ее часть его не было рядом, а потом я вспоминаю, что он был рядом. Он был рядом всегда.

— Я видел это, Чейз, — отец подмигивает, уверяя меня в этом. — Я был на *каждой* игре.

— Я всегда чувствовал себя так, будто ты рядом.

Перевожу взгляд с отца на Куинн и вижу, что, ворочаясь во сне, она скинула с себя одеяло. Согретая моим теплом, она переворачивается на спину и кладет сломанную руку себе на живот. После того, как ее гипс намок, когда она прыгнула в тот день в воду, Риз помогла ей его снять и забинтовала руку заново, ничего не спрашивая.

Пока она лежит здесь, я люблюсь тем, какая она невероятно красивая.

— Как у меня получилось поцеловать ее? — спрашиваю я из любопытства.

— В тот момент это было необходимо, чтобы ты смог убедить ее.

— Так... мы можем делать и что-то *другое*?

Все еще стоя у стены и глядя на меня, отец выгибает бровь.

— Я бы не стал испытывать судьбу.

Полагаю, это и есть ответ. Ладно, ну попытаться-то стоило.

— Внутри меня что-то происходит, какое-то странное ощущение, которое будто говорит мне, что все подходит к концу, — говорю я ему, не в состоянии вложить в слова все, что я ощущаю.

— Это твой путь. Наша работа заключается в том, чтобы быть там, где мы необходимы. Это к лучшему. Куинн уже близка к тому, чтобы жить дальше. Ты же этого хотел. Поверь мне, сын, я знаю, это больно, но постарайся помнить о том, *почему* мы здесь. Помни, что наше предназначение — в их жизнях.

Я стараюсь, правда, но продолжаю думать о том чертовом поцелуе и о том, как хорошо мне было в тот момент, и Куинн, наверняка бы, не помешало еще немного больше убеждений, правильно?

Отец скидывает голову и качает ею, тихонько посмеиваясь. Он знает, что я собираюсь спросить.

Я почесываю ногтями свою щеку, глядя на Куинн.

— Я знаю, ты сказал не испытывать судьбу, но раз уж я уже поцеловал ее, то почему бы не попробовать? Может, это включает в себя и прикосновения?

И снова отец выгибает бровь.

— Я говорю серьезно.

Отец качает головой, усмехается и отталкивается от стены.

— Нет, Чейз. Ты не можешь. Поцелуй был даром, способом доказать ей, что она сможет жить без тебя.

— Но что, если ей нужно больше доказательств? И что насчет моих нужд?

— Чейз, ответ — нет.

Черт возьми.

— Ладно. Ладно.

Живой он или мертвый, нельзя судить парня за попытку.

Куинн

В среду утром я боюсь просыпаться. А вдруг Чейз ушел?

Последние два дня я видела и чувствовала его рядом с собой. Каждый раз, когда я просыпаюсь, и он все еще рядом, я задумываюсь над тем, когда это изменится.

Благодаря Чейзу, мне есть над чем подумать, но благодаря ему у меня, своего рода, спокойствие ко всему этому. Очень долго я была уверена в том, что сама сделала дерьмовый выбор, который, в свою очередь, причинил Чейзу боль. А ведь я никогда не думала, что смогу сделать это. Но сейчас, благодаря ему, я смирилась, или, по крайней мере, примиряюсь с мыслью, что не все в этой жизни может быть под нашим контролем.

До этого момента я и не верила в судьбу. Моя теория заключалась в том, что ты сам строишь свою судьбу, а карма рано или поздно настигнет тебя. Я верила, что моя карма меня настигла, и потом мне пришлось жить с ее последствиями.

Я никогда не была так счастлива из-за того, что ошибалась.

В этом мире все гораздо сложнее. Сейчас я в этом уверена, спасибо Чейзу, хотя я все еще не могу представить, как мне жить дальше.

Возвращение в школу, определенно, не возглавляет мой список дел, которыми нужно заняться, но я понимаю, что мне нужно встретиться со школьным консультантом и перенести экзамены, которые я пропустила на прошлой неделе. Я с большим удовольствием покончу со всем, что придется сделать, чтобы выпуститься.

А что будет после этого, я не уверена. В последние две недели мой мир полностью остановился. Раньше моя жизнь была сосредоточена на том, что будет после окончания школы, сейчас же я не готова думать об этом. Письмо от Университета штата Флорида все это время пролежало на моем комодe, и я ни на шаг не подошла ближе к тому, чтобы открыть его, так же, как и две недели назад. Думать о будущем — значит, двигаться вперед, а я все еще не уверена, что достаточно для этого сильна.

* * *

Когда я выхожу из комнаты, одевшись в школу, наконец-то, в футболку и джинсы, а не в толстовку с капюшоном, Эмери сидит на кухне за обеденным столом, безучастно уставившись в кружку с черным кофе. Он слышит мое приближение и тут же разворачивается, будто я напугала его.

Улыбнувшись, он встает и направляется ко мне, притягивая меня в крепкие объятия.

Я вздыхаю, слезы жгут глаза. Боже, как же я нуждалась в этом. Я так сильно соскучилась по нему.

Серьезно, за последние три месяца это первый раз, когда мы видим друг друга. Он уехал в марте, так что его не было ни на момент аварии, ни на похоронах Чейза.

— Черт, Куинн. Я так рад видеть тебя, — говорит он, глубоко вздыхая, и отстраняется, чтобы осмотреть мое лицо. — Я так рад, что с тобой все в порядке. Как рука? Болит?

— Нет, она в порядке.

Я знаю, Риз рассказала ему обо всем в тот день, когда, наконец, дозвонилась до него. Он работал на Аляске, и целый месяц у них не было телефонной связи. Раньше я завидовала, что ему приходилось отключаться от мира и находиться там, где никто не сможет его найти.

Хотя в экстренной ситуации это все же отстой.

Я смеюсь, пытаясь дышать, когда он сжимает меня еще в одном крепком объятии.

— Я тоже скучала по тебе, Эм.

Обернувшись, я вижу Чейза. Он стоит на кухне с теплой улыбкой на лице, наблюдает за нашими с Эмери объятиями и выглядит от этого таким же довольным, как и я.

— Как долго будешь дома?

Когда Эмери отпускает меня, я начинаю копаться в холодильнике. Я, на удивление, голодна, поэтому вытаскиваю яйца и бекон.

Эмери внимательнее разглядывает меня, прислонившись к кухонной стойке.

— Несколько дней, — он прочищает горло. — Ты хорошо себя чувствуешь? Я слышал, ты пропустила несколько занятий в школе.

Самая лучшее в Эмери — что мне никогда не надо извиняться или во всех красках объясняться с ним. Он переживает, поэтому, естественно, задает вопросы, но если я игнорирую вопрос, он всегда дает мне время, чтобы я решила, что именно я хочу сказать и тогда, когда сама этого захочу. Он всегда старается делать для меня только самое лучшее, и я никогда этим не пренебрегала. Когда погибли наши родители, ему было восемнадцать, но он ни разу не дал мне почувствовать, что сожалеет о том, что застрял со своей одиннадцатилетней сестрой.

Не думаю, чтобы его хоть раз похвалили за то, что он пожертвовал своей жизнью ради меня.

— Мне становится лучше, вроде бы, — наконец, говорю я ему, когда решаю приготовить для нас обоих яйца. Он продолжает наблюдать за каждым моим движением, присаживаясь за стол. — Сегодня я собираюсь сходить в школу, чтобы договориться сдать на этой неделе экзамены, которые я пропустила.

Когда я даю себе минутку на то, чтобы посмотреть на него, я понимаю, что он выглядит намного старше. Его темные волосы длиннее, вьются на концах, выглядывая из-под бейсболки, а челюсть покрыта густой бородой после месяцев работы на судне.

Улыбнувшись, я качаю головой.

— Как отнеслась к бороде Риз, Дак Династи? *(Примеч.: имеется ввиду Duck Dynasty — американский телевизионный сериал, главные герои которого известны своими длинными бородами).*

Эмери снова улыбается и поднимает свою кружку с кофе, чтобы сделать глоток.

— Она сказала, что мне лучше успеть побриться до того, как она вернется домой.

Какое-то время мы просто болтаем, и он не давит на меня разговорами о том, что происходило последние две недели.

Комната наполняется запахом свиного жира, и становится тихо. Чейз сидит за столом, жалуясь на то, как хорошо пахнет бекон, и как это нечестно, что у него нет возможности съесть его.

— Тебе нужно поговорить с ним, Куинн. Расскажи ему правду о том, что с тобой происходило, и как ты себя чувствуешь из-за всего этого, — говорит он, глядя на сковородку на плите.

Я почти отвечаю ему вслух, а потом вспоминаю, что Эмери не может видеть Чейза, и

все ощущения нормальной обстановки, которые есть в этот момент, тут же вылетят в окно, как только он подумает о том, что я разговариваю со своим мертвым бывшем парнем.

Серьезно! Хватит говорить мне, что мне делать.

— Ты винишь меня, Эмери? — спрашиваю я, продолжая удерживать взгляд на шипящем беконе.

Теперь доволен, Чейз?

Чейз смеется.

— Да, доволен.

— За что? — спрашивает Эмери.

Я поворачиваюсь к нему лицом и улыбаюсь от того, насколько сильно он похож на нашего отца со своей бородой и глазами цвета океана.

— За то, что произошло с мамой и папой.

— Что? Никогда, — он смотрит прямо на меня, может, слегка растерянно. — Ты думаешь, я виню тебя?

Я пожимаю плечами, перемешивая яйца на сковороде, а потом выключаю плиту.

— Иногда я думаю, что ты должен.

— Я не виню тебя. И никогда не винил, Куинн. Это был несчастный случай.

Будь честной. Скажи ему о том, что ты чувствуешь. Он должен знать.

— Я чувствую, будто подвожу тебя.

Достав две тарелки, я накладываю на одну яйца и бекон для него. Эмери берет кусочек бекона и медленно грызет его.

— Ты бы подвела меня, если бы сдалась и испортила свое будущее. Поезжай в колледж. Выберись из этого городка и начни все сначала на новом месте. Мне во многих вещах пришлось повзрослеть слишком быстро, и я не хочу этого для тебя. Да, я доволен тем, что имею на данный момент, так что просто побудь ребенком, отправляйся в колледж и повеселись.

Я знаю, что он имеет в виду. Никто из нас не выбирал такую жизнь, но именно она была нам дана. Я, наконец, начинаю это понимать.

И снова показывает свою уродливую голову это слово — «колледж». Мои планы на будущее. Все то, о чем я не хочу думать.

Этот разговор возвращает меня к моим прошлым размышлениям о том, чтобы избежать разговоров, касающихся этого вопроса. Я знаю, что в том конверте на моем комодке хранятся ответы, но не могу пересилить себя и встретиться с ними лицом к лицу.

* * *

Когда возвращаюсь в свою комнату, чтобы забрать школьный рюкзак, я смотрю на письмо, которое лежит рядом с любимой бейсболкой Чейза. Той, которую он оставил на моей кровати в первый вечер. И которую я не планирую возвращать. Я отвожу взгляд в сторону — не думаю, что у меня хватит сил на это ранним утром.

— Рано или поздно тебе придется открыть его.

Уф-ф. Мы можем просто не говорить об этом?

Я пожимаю плечами, беру его бейсболку и надеваю ее себе на голову.

— Может, вечером.

— Ты же понимаешь, что времени у тебя не так уж много?

Я снова пожимаю плечами и наклоняюсь за рюкзаком, который покрыт песком. В тот день я оставила его на причале. Еще одна загадка, как все это оказалось снова в моей комнате.

— Мне всегда нравилось, когда ты была в моей бейсболке, — говорит Чейз, когда мы садимся в мою машину. Я в растерянности, потому что мне нравится то, как спокойно я себя чувствую, когда он рядом, но я всем сердцем ненавижу то, что знаю — скоро всему этому придет конец.

— Мне тоже. Могу я забрать себе и твою толстовку с капюшоном? Ты мертв. Она тебе больше не нужна.

— Серьезно? — он выгибает бровь. — Мою толстовку?

Чейз любил свои толстовки так, будто они были вытканы из золота. Он редко позволял мне надевать их, когда мы встречались, но мне все же удалось украсть несколько.

— Что? Ты не можешь винить меня за это. Ты умер. Не похоже, что ты можешь носить их.

Он качает головой.

— Уверен, моя мама отдаст тебе их, если они тебе нужны.

— Нужны, — говорю я ему, уставившись на ключи в своих руках. Это будет первый раз с момента аварии, когда я поведу машину. Когда я вставляю ключи в зажигание, мои руки трясутся.

Я перевожу взгляд на автоматическую коробку передач, как на что-то незнакомое. Они все для меня незнакомы. У меня никогда не было хорошей машины. Когда пришло время начинать водить машину, у нас с Эмери не было возможности купить что-то стоящее. Мы починили старый «Линкольн» нашего отца, на нем я и ездила.

Сейчас он похоронен на свалке, а у меня теперь эта «Хонда», которую Риз нашла для меня за те деньги, что нам выплатила страховая компания.

Чейз улыбается.

— Ты собираешься заводить машину или будешь пялиться на нее?

— Заткнись. Я нервничаю, — я ухмыляюсь, вставляя ключ в зажигание. — Ты должен пристегнуть свой ремень безопасности.

— Серьезно? — уголок его рта приподнимается в улыбке. — Зачем?

— Не знаю. Для безопасности.

— Просто веди машину и прекращай быть чертовой истеричкой.

Я завожу машину и аккуратно выезжаю с подъездной дорожки.

— Видишь, я веду машину. А теперь заткнись и пристегни свой чертов ремень безопасности.

Чейз смотрит на меня с ухмылкой.

— Куинн, честно, тебе не о чем так переживать. Авария произошла не по твоей вине, и, если ты забыла... я уже мертв. Теперь меня не сможет спасти ни один ремень безопасности.

Умник.

* * *

Последнее, чего я сегодня хочу, это быть замеченной кем-то. Возможно, поэтому я

надеваю бейсболку Чейза. Я не хочу иметь ничего общего с этим местом или с кем-то из этих людей, но осталась всего неделя, и мне нужно окончить школу.

Я оглядываюсь вокруг и замечаю Ганнера, который стоит около своей машины вместе с Джейденом, рядом с ними группа парней, и они пялятся на меня. Ганнер подмигивает мне и кивает в сторону школы, я киваю в ответ, несмотря на странные взгляды, обращенные в мою сторону.

Чейз смеется, оглядываясь по сторонам.

— Если бы они знали, что я рядом с тобой, они бы не стали смотреть на тебя так, как сейчас.

— Как?

— Так, будто теперь у них есть шанс с тобой.

Я хихикаю, держа голову опущенной, чтобы люди не думали, что я разговариваю сама с собой

— Каспер-собственник — это довольно сексуально.

— Угу, — ворчит он, продолжая идти рядом со мной. — Пусть продолжают так смотреть, и Каспер-собственник превратится в полтергейста.

— Это не твой конек. Лучше придержишься того, в чем ты хорош.

Когда мы подходим к школе, я замечаю, на кого кивком головы указывал мне Ганнер.

Мел. Она ждет возле моего шкафчика прямо в коридоре.

— Могу я поговорить с тобой? — спрашивает она, когда я захожу. Я вижу, что она тоже очень страдает. Очевидно, она едва справляется с тем, что узнала о нас с Ганнером.

Я киваю, неуверенная, что она собирается мне сказать. Я не звонила ей с понедельника, и она тоже не пыталась позвонить или написать мне. Я была уверена, что нашей дружбе придет конец, как только она узнает о том, что я не рассказала ей о Ганнере.

— Куинн, мне нужно, чтобы ты была честна со мной. Что произошло той ночью? — спрашивает Мел, ее грусть для меня как удар в живот.

— Я не знаю, — говорю я ей. — Все, что я знаю, я сидела на диване, пила вместе с Тейлор и тобой, а потом, наверное, забрела в комнату Джейдена и вырубилась. Следующее, что я помню, это как проснулась рядом с Ганнером, который был в отключке.

Она ничего не говорит и смотрит в пол.

Глубоко вздохнув, я выпрямляю спину, когда ощущаю теплую руку Чейза на своей пояснице.

— Честно, я даже не могу передать тебе, как мне жаль, Мел. Ты должна знать, что я, правда, никогда намеренно не сделала бы с тобой ничего такого. Я знаю, что мое опьянение не является достаточным оправданием.

Надеюсь, она поверит мне. Я не могу потерять еще и ее.

Я пытаюсь представить себя на месте Мел. Что бы я сделала, если бы это произошло с ней и Чейзом? Скорее всего, я бы испытывала то же самое, что и она сейчас. Я не жду, что Мел прямо сейчас простит меня, но надеюсь, что она, по крайней мере, позволит мне показать ей, насколько важна для меня наша дружба.

Из-за угла появляется Ганнер — его голова опущена, руки в карманах — и прислоняется к дверной раме.

— Она не врет, Мел... я тоже не знаю, как это произошло. Я ничего не помню. Когда тем утром я проснулся, у меня не было ни одного воспоминания о той ночи, кроме того, что я искал тебя. Если бы я не видел фотографии, то не верил бы самому себе. Я бы никогда не

поступил так с Чейзом, — он замолкает и смотрит на Мел. — Или с тобой.

У Ганнера все еще есть чувства к Мел. И, наверное, будут всегда, и я думаю, может, она поверит хотя бы ему.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что я не ненавижу тебя, — говорит мне Мел, вытирая слезы со своих щек. — Вся эта ситуация — полный отстой, и, естественно, она меня ранит, но ты — моя подруга, и я знаю, что ты бы никогда намеренно не причинила мне боль. Я не хочу потерять вас обоих из-за того, что произошло, когда вы явно были не в состоянии здраво мыслить.

— Мне, правда, очень жаль, — говорю я, понимая, что этого даже близко недостаточно. Звенит первый звонок, и Мел ласково улыбается нам обоим.

— Я вам верю, и то, что произошло, ничего не значит, — она показывает себе за спину и кивает. — Я должна идти в класс.

Такое ощущение, будто она бросает меня, не дав еще один шанс, пока внезапно не сжимает меня в объятиях.

— Я знаю, что ты никогда бы не причинила мне такую боль.

С минуту мы крепко обнимаем друг друга, а затем она отстраняется, улыбаясь Ганнеру. Он ей подмигивает.

— Увидимся после урока?

— Думаю, увидимся, — отвечает Мел.

Я наблюдаю за ней, пока она не разворачивается, и Ганнер шутливо толкает мое плечо своим.

— Она — хороший друг. Я рад, что она у тебя есть.

Улыбаясь уголком губ, я запикиваю рюкзак в свой шкафчик и закрываю дверцу.

— Похоже, что у тебя тоже появился с ней второй шанс.

— Ага, мы собираемся на свидание в пятницу вечером, — он весь светится, на его лице появляется улыбка. — Начнем все сначала, как она это назвала.

— Это здорово, — я легонько толкаю его плечом. — Я рада за вас обоих.

Ганнер открывает рот, чтобы что-то сказать, когда к нам подходит Тейлор со своими подругами и врзается в меня, толкая на Ганнера. Он ловит меня, чтобы я не упала.

— Занялась лучшим другом? — она поворачивается, прижав свою идеально наманикюренную руку ко рту. — Ой, точно, ты же уже это сделала.

Что за сука! Не могу поверить, что ты мог находиться с ней наедине в одной комнате, не говоря уже о том, что тебе это могло нравиться, Чейз!

— Я тоже, — бормочет он, обнимая меня одной рукой.

— Какого черта, Тейлор? — я толкаю ее в плечо. Она отлетает назад, и ее глаза округляются. — В чем твоя чертова проблема?

— Чейза не стало две недели назад, а ты уже, как шлюха, крутишься вокруг его лучшего друга? — замечает она так, будто знает хоть что-то о наших жизнях.

Ганнер передвигается, чтобы встать рядом со мной, принимая защитную позу.

— Достаточно, Тейлор. Ты не понимаешь, о чем, черт возьми, говоришь. Ты устроила этот скандал, а теперь просто оставь ее в покое.

Для Тейлор его слова становятся сигналом к действию.

— Серьезно, Ганнер? В тебе вдруг проснулась совесть? — спрашивает она своим противным визжащим голосом, который я так сильно ненавижу. — Не похоже, что тебя это волновало, когда ты трахал ее и врал об этом своей подружке.

Ганнер смотрит прямо на нее, его глаза прищурены от злости, челюсть сжимается и разжимается.

— Что ты об этом знаешь?

— Ну, для начала, я видела фотографии, — Тейлор избегает прямого ответа, пожимая плечами. — Я имею в виду, честно, как можно быть такими тупыми? Кто, как вы думаете, сделал эти снимки? Не могу поверить, насколько все было просто сделать, и что вы, два идиота, ни о чем не догадаетесь.

Ни о чем не догадаемся? Ни о чем не догадаемся?

Чейз издает тихий стон и бьет кулаком в стену. И хотя никто не слышит этого звука, они, определенно, видят его злость, когда свет в коридоре начинает мигать.

— Это была она, — взрывается Чейз. — Я чувствую это. Она сделала что-то той ночью, чтобы все это произошло. Проклятье! Она подставила вас. Тейлор знала, что ты порвешь со мной, если будешь думать, что сделала что-то, что может причинить мне боль, как, например, переспать с моим лучшим другом.

Моя реакция меня не удивляет.

Я бросаюсь на Тейлор, готовая выбить из нее все дерьмо. Мне плевать на то, что у меня на руке гипс, или что она на пятнадцать сантиметров выше меня. Может, меня подпитывает злость Чейза. Но я не могу остановить себя от того, чтобы погнаться за ней следом, и, возможно, подарить ей немного той боли, через которую она заставила пройти меня.

— Не прикасайся ко мне, ты психопатка! — визжит Тейлор, прикрывая лицо руками.

— Ненавижу тебя, двуличная сука! — кричу я в ответ.

Ганнер с Джейденом делают все, что могут, чтобы остановить нас, но я в самом настоящем бешенстве и полна решимости надрать ее красивую королевскую задницу. Я изо всех сил тяну ее за волосы, чтобы, по-настоящему, врезать ей по уху. Я никогда раньше никого не била, поэтому не уверена, что нужно делать, но врезать ей по уху, кажется, будет эффектно.

— Девушки! — кричит директор Рид через весь холл, распихивая учеников, окружающих нас. — В мой кабинет, живо! — а потом он указывает на Ганнера, который держит одной рукой меня за плечо, а второй Тейлор, разъединяя нас. — Ганнер, ты тоже идешь.

Со вздохом я следую за ними к кабинету директора, Чейз идет рядом со мной. Этот первый день в школе не пройдет для меня хорошо.

— Ты не достойна никого, подобного Чейзу, — срывается Тейлор, когда мы оказываемся в кабинете директора Рида.

— О, а ты меня, значит, достойна, сука? — рычит Чейз, его голос пропитан ненавистью, и, естественно, свет начинает мигать.

Если бы только она могла его услышать.

Прикрывая рот ладонью, я улыбаюсь, но стараюсь сдержаться.

— Секунду, пожалуйста, — директор Рид поднимает одну руку вверх, а второй удерживает телефон. — Миссис Нуннан, пожалуйста, отправьте Хэнка, чтобы он проверил и выяснил, что за чертовщина происходит последнее время в этой школе с электричеством. Свет опять мигает.

Ха! Неужели вы до сих пор не заметили! Просто подождите, пока он не разозлится.

Как только кладет трубку телефона, директор Рид смотрит на Тейлор, сидящую напротив Ганнера.

— Что произошло в коридоре?

— Она набросилась на меня, — говорит Тейлор, скрестив ноги и глядя в окно. — Я ничего не сделала.

— Неправда, — вмешивается Ганнер. — Она говорила Куинн всякую хрень.

— Следи за языком, Ганнер, — директор Рид смотрит на меня. — И я бы хотел услышать о том, что произошло, от мисс Хэдли.

— Прошлым летом, в августе, мы с Ганнером попали в одну ситуацию на вечеринке. Тейлор тоже там была, — я указываю на нее рукой, мечтая о том, чтобы снова ей врезать. — Она сделала фотографии в *приватный момент*, и в понедельник разослала их всем. Только, прежде чем отправить фотографии, она решила обвинить меня в аварии с Чейзом. И сказала при всех, что, скорее всего, я из ревности нарочно врезалась в него. Затем этим утром она подошла ко мне, когда я стояла возле своего шкафчика, назвала меня шлюхой и обвинила меня в том, что я переключилась на Ганнера, тогда как с момента смерти Чейза не прошло и двух недель. Я устала от ее выходок, мистер Рид, поэтому решила постоять за себя и выбить из нее всю дурь.

В кабинете становится тихо. Мертвецки тихо.

Даже Чейз ничего не говорит.

До тех пор, пока не начинает смеяться.

Директор Рид, прочистив горло, садится в свое чрезмерно большое черное кресло.

— Ладно, так... мисс Томас, зачем вы разослали фотографии?

Сначала Тейлор ничего не говорит, потому что не хочет, чтобы он узнал о том, какая она на самом деле подлая.

— Я ненавижу ее. Она пыталась отбить у меня парня.

Я наклоняюсь вперед в своем кресле, глядя ей прямо в глаза.

— Вы больше не были вместе. Он расстался с тобой.

Тейлор закатывает глаза.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Знаешь, Тейлор, — срывается Ганнер, наклонившись, чтобы посмотреть ей в глаза, — чем больше я думаю о той ночи, тем больше у меня все не сходится. Очень вряд ли, что Куинн вырубилась после двух бутылок пива. Мы тусовались все вместе. Черт, да ты смеялась и танцевала с ней большую часть ночи. Все ведет к тебе, и ты это знаешь.

Я не отвожу о нее взгляда, так же, как и Чейз. Если бы только она могла увидеть взгляд, которым он на нее смотрит.

Думаю, что, на данный момент, директор Рид выслушал достаточно от нас троих. Он смотрит на Тейлор, когда начинает говорить, чуть повысив голос:

— Мисс Томас, если хотите выпуститься из этой школы, советую вам начать говорить.

— Хорошо! — кричит она, понимая, что была поймана на лжи. — Хотите знать, что произошло, я вам скажу. Я устала от того, что Куинн всегда достается то, что должно быть моим. Она не заслуживала Чейза. Она не ценила свою популярность и власть, которая пришла к ней вместе с ним. Я была предназначена Чейзу, и я знала, что единственная возможность их разрыва — сделать так, чтобы Чейз думал, что она предала его, пока он был в бейсбольном лагере прошлым летом. Той ночью я решила добавить кое-что в пиво Куинн и Ганнера, в надежде, что они переспят. Они сделали это. Не моя вина, что у них был секс. Они сами сделали тот выбор.

Ганнер резко выдыхает.

— Какого хрена, Тейлор! Как ты могла?

Я встаю, готовая снова надрать ей задницу.

— Ты сделала это, потому что знала, что будешь рядом, чтобы подобрать кусочки разбитого сердца Чейза, да?

Она садится ровнее, скрещивая руки на груди.

— Ага. И это сработало.

— Ах ты, сука! — рычит Чейз, и я чувствую, как меня поражают тепловые вспышки от накала его ярости, пульсирующей по всей комнате.

Ага. Свет вырубился. Вот так просто.

— Проклятье, — стонет директор Рид, выглядывая в окно. — Что, черт возьми, происходит с этой школой?

Взбешенный Каспер, вот что происходит.

Я поворачиваюсь лицом к Тейлор, в груди все сжимается.

— *Я не могу* в это поверить, Тейлор! — кричу я, слова вылетают из меня, как снаряды. — Ты имеешь хоть малейшее представление, каково это — думать, что по собственной воле переспала с его лучшим другом? Причиненный тобой вред уничтожил не только меня с Чейзом, но также и Ганнера с Мел. Ты хоть имеешь представление, какой урон нанесла своим вмешательством?

— Я не понимаю, почему вы обвиняете в этом меня, — она пытается обороняться, будто это что-то изменит. — Не я заставила тебя заниматься с ним сексом. Ты сделала это сама.

Я не уверена, как справиться со всем этим. Никогда, даже в самых сумасшедших мыслях, я никогда не думала о том, чтобы предать Чейза, переспав с Ганнером, но когда мы проснулись тем утром, у меня не было другого выхода, кроме как принять этот факт. Сейчас же, выяснив, что это было спланировано заранее, специально для того, чтобы разрушить наши отношения... я понимаю, что, на самом деле, не предавала Чейза и нашу с ним любовь. И я не знаю, что с этим делать. Я так долго винила себя из-за того, что не могла вспомнить ничего из той ночи, но теперь все обрело смысл.

Директор Рид глубоко вздыхает, прижимая свои сложенные вместе руки к столу.

— В свете того, что мисс Томас проинформировала нас о... Куинн, почему бы тебе не отправиться домой и взять выходной на оставшуюся часть дня. Я предупрежу учителей, что твое отсутствие одобрено. Мистер Девидсон, вы также можете отдохнуть оставшуюся часть дня.

Ганнер качает головой, давая знать директору Риду, что он собирается остаться, и мы все встаем, чтобы уйти, но директор Рид снова говорит:

— Мисс Томас, вас я не отпускал. Сядьте на место. Мы еще не закончили. То, что вы сделали, является преступлением.

* * *

После составления графика моих экзаменов на пятницу, у меня, и правда, больше нет причин оставаться в школе, поэтому я направляюсь назад к своей машине. Я все еще пытаюсь осмыслить это.

Тейлор... Мне никогда и в голову не приходило, что она могла меня чем-то опоить, но, опять-таки, я всегда подозревала, что у нее есть чувства к Чейзу. Полагаю, она, в конце

концов, поняла, что в ближайшее время не сможет заполучить его, поэтому решила взять все в свои руки.

Невероятно.

— Куинн? — я слышу, как меня зовут, когда направляюсь к своей машине, и разворачиваюсь, замечая Ганнера, который бежит, пытаюсь меня догнать.

— Эй, слушай, я просто хотел убедиться, что ты в порядке, — он останавливается напротив меня, почесывая затылок. — То, что сказала Тейлор, просто сумасшествие какое-то, — наши взгляды встречаются, и я киваю. — Надеюсь, ты знаешь, что если тебе понадобится о чем-нибудь поговорить, я рядом.

Глядя сейчас на Ганнера, я понимаю, какая же я счастливица, что у меня есть такие хорошие друзья, которые заботятся обо мне. Я уверена, что теперь, после того, как не стало Чейза, он чувствует свою ответственность.

— Спасибо, Ганнер. Это много для меня значит, но, думаю, я в порядке, — тяжело вздохнув, я смотрю на здание школы и замечая подъезжающую полицейскую машину. Ставлю штуку баксов, что у Тейлор, после того, что она сказала, теперь будут серьезные неприятности. — То, что произошло, отстойно, но мы оба стали жертвами безумного плана Тейлор. А ты? Ты-то сам как?

Он дарит мне улыбку, хоть она и выглядит немного натянутой.

— Я в порядке. Может, я еще не до конца все осознал, но как бы сумасшедше это ни звучало, я рад, что той ночью это были ты и я. Все могло получиться намного хуже.

Рядом со мной напрягается Чейз, и я вспоминаю, что он все еще здесь, его рука на моем плече давит сильнее.

Я согласна с Ганнером. От мыслей о том, что могло бы произойти, по всему телу бегут мурашки. Что, если бы не Ганнер ввалился той ночью в комнату Джейдена? Что, если бы тем, кто меня тогда нашел, был бы один из хреновых дружков Раена?

Ага. Все могло быть намного хуже.

Я снова благодарю Ганнера за беспокойство обо мне и, пообещав, что при необходимости обязательно позвоню ему, я разворачиваюсь, чтобы вернуться к машине.

Чейз сидит рядом со мной на пассажирском сиденье, привалившись на один бок, чтобы было комфортнее. Сначала он пялится в окно, а потом поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Ты уверена, что в порядке?

— Ага, уверена, — говорю я ему, наблюдая за Ганнером, идущим обратно в школу. — Наверное, это просто ощущение облегчения после того, как я узнала, что не предавала тебя намеренно, но я, действительно, чувствую себя хорошо. После всего, что произошло, я очень рада, что Тейлор, наконец, получит по заслугам.

Чейз улыбается мне.

— Точно. Сучка совсем с ума сошла.

Я выдыхаю воздух из легких, хотя даже не заметила, как задержала дыхание, и смеюсь. Не просто смеюсь. Это первый раз с прошлого лета, когда я по-настоящему смеюсь.

Чейз наблюдает за мной и улыбается сам себе, будто вспоминает этот звук и то, что он для него значит.

Вдруг он затихает и задумывается, возможно, решает, что сказать.

— Я практически забыл, как звучит твой смех. Ты такая красивая, когда смеешься, — наклонившись вперед, он потирает костяшками пальцев мою разгоряченную щеку. — Я буду

скучать по тому, как краснеют твои щеки, когда я прикасаюсь к ним.

Каждую минуту рядом с ним я боюсь, что она станет последней, да, но даже в этот момент я очень счастлива.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, — шепчу я ему.

— Что угодно, — говорит он.

— Я люблю тебя, — выдыхаю я. — И мне нужно, чтобы ты знал, что я никогда не перестану любить тебя... Но чувствую, то, что мы имеем сейчас, не продлится вечно, и я думаю, что это важно — сказать тебе, что моя любовь к тебе никогда не изменится.

Он наклоняется ко мне и притягивает в свои крепкие объятия. Я обвиваю его руками и прижимаю голову к его груди.

— Я тоже люблю тебя, — он вздыхает и немного отстраняется, всматриваясь в мое лицо, в мои глаза. — Я знаю, что не перестанешь, так же, как знаю, что и сам никогда не перестану любить тебя.

Я не совсем уверена почему, но пока еду обратно домой, думаю о том, как люди появляются в наших жизнях и исчезают из них. Каждый из них в определенный момент служит какой-то цели.

Но с Чейзом это был не момент, нет. Нас с Чейзом связала судьба.

Судьба, которую никто из нас не захотел бы менять.

* * *

— Открой письмо, Куинн.

Я не могу.

— Ты должна. Время на исходе.

Я боюсь письма, так сильно боюсь. По большей части потому, что при любом раскладе это письмо заставит меня изменить свою жизнь. Я знаю, что должна это сделать, и отчасти даже хочу этого, но я так напугана.

— Ох, хватит, — я пытаюсь скинуть Чейза с кровати, но он и с места не сдвигается. — Ты уже знаешь, что в нем, так ведь?

С того момента, как мы вернулись из школы, он пытается заставить меня открыть это чертово письмо.

Он кивает, улыбаясь.

— Знаю... но я хочу увидеть твою реакцию.

Конечно же, он этого хочет.

— Я не хочу делать это сейчас. Открою его утром.

Я потеряла его на повороте дороги, трагически, ужасающе, и это произошло прежде, чем я успела сказать ему о том, как сильно он изменил мою жизнь к лучшему.

И сейчас, по какой-то странной иронии судьбы, он здесь, и я могу его видеть. Каким-то образом это происходит, и вот он здесь, снова со мной.

Обхватив мое лицо ладонями, он прижимается губами к моему лбу.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя... и я не понимаю, как должна жить дальше, зная, что ты — моя вторая половинка. Не важно, с кем я познакомлюсь — или каким-то чудом влюблюсь — они никогда не будут тобой.

Он отстраняется и ложится на мою кровать.

— Это не значит, что ты не можешь быть счастливой, Куинн. Тебе суждено было иметь будущее, — он переходит на шепот.

— Чейз...

Его улыбка исчезает, подбородок начинает дрожать. Пытаясь взять себя в руки, он трет лицо руками, а потом опускает их на колени.

— Ты росла сама с одиннадцати лет. Никогда не отступала перед трудностями. Разве не видишь, в тебе есть та сила, чтобы справиться с этим и двигаться дальше. Моя мама однажды сказала мне это, и это надолго застряло у меня в голове, но до этого момента не имело никакого смысла. У нас так много времени на этом свете, мы просыпаемся каждое утро и имеем возможность решить, как прожить этот день.

Я боюсь того, что наступает, потому что вижу, он пропадает, его прикосновения не такие теплые, и я понимаю, что больше не смогу видеть его.

Чейз говорил, что появляется здесь и видим только тогда, когда чувствует, что это необходимо. Что происходит, когда я не нуждаюсь в нем? Что, если я почувствую, что буду нуждаться в нем всегда?

— Твое прикосновение, — я беру его руку в свою, — оно больше не греет. Оно просто... теплое.

Чейз ничего не говорит. Он борется с собой, желая сказать намного больше, чем может. И хоть я и понимаю, что должна побудить его говорить открыто, я боюсь. Не могу представить, как буду справляться, когда он уйдет. Понимание, что я больше не буду видеть его каждый день, даже с расстояния, разбивает мне сердце. Это ранит и обжигает.

— Каждый раз, когда смотрю на тебя, я понимаю, насколько далеко ты продвинулась вперед за последние две недели, и я боюсь, что становлюсь к тебе все ближе, хотя должен уйти. Не пойми меня неправильно, я очень счастлив видеть, что ты наконец-то поняла, что можешь жить без меня, но мысли о том, чтобы оставить тебя, невыносимы. Это разбивает мое чертово сердце. И я понятия не имею, что должен сказать тебе, чтобы облегчить все это. Мне нужно, чтобы ты помнила о том, что неважно, сделала ты что-то или нет. Пожалуйста, пойми, той ночью не в наших силах было что-то изменить, — он придвигается ближе ко мне. — Я чувствую, как меня будто вытягивает отсюда, и я понимаю, что уже больше не смогу быть рядом с тобой вот так.

Мы лежим в тишине, облака из серых становятся черными.

— После аварии ты знал, что произошло? Для тебя это было медленно? Ты чувствовал какую-то боль? — спрашиваю я, задумываясь о том, что он почувствовал, когда умер.

— Нет, ну, я не уверен. Сразу после аварии я ощущал невыносимую боль, — от воспоминаний его улыбка увядает, а потом он целует меня в висок. — Я был в реанимации, или, может, в операционной, и я помню, что чувствовал, лежа на столе, а потом боль пропала. Следующее, что я помню, как был в своей гостиной и видел воспоминания, как мама плакала, сжимая в руках фотографию моего отца.

— А потом что?

— А потом я увидел тебя и наши совместные жизни. Все, что я видел, было связано с тобой, — он наклоняется, губами касается моего уха, и я чувствую его дыхание на своей коже. Затем опускается к плечу, медленно исследуя кожу губами, будто старается запомнить ощущение моего тела, чтобы даже после того, как уйдет, он все еще мог чувствовать меня.

— Помнишь, как поцеловал меня?

Он усмехается напротив моей кожи.

— Ага.

— Ну... мне интересно, сможешь ли ты сделать что-то большее, чем поцелуй?

— Забавно, что ты упомянула об этом. Нет, к сожалению, я не могу. Поверь, я спрашивал об этом, даже несколько раз.

От этого мне становится грустно.

— Правда? Это хреново.

Мне интересно... я имею в виду, вот он рядом, по-настоящему, его поцелуй был настоящим... а дальше?

Рукой я медленно повожу по его груди, очерчивая твердые линии и мускулы. Я скучаю по моментам, когда мы были вместе, когда нас ничто не разделяло.

Я бы отдала все на свете за еще один такой момент.

Застонав, он останавливает мои руки на своей талии.

— Я бы не стал этого делать. Мне сказали, что я не должен испытывать судьбу, и я не хочу выяснять, что произойдет, если я сделаю это.

— С каких это пор ты стал следовать правилам?

— Серьезно, — он качает головой, ерзая на кровати, будто ему некомфортно. — Ты убиваешь меня. Я пытаюсь вести себя хорошо, а ты не облегчаешь мне эту задачу.

Нельзя винить девушку за попытку.

— А мы можем снова поцеловаться?

— Перестань думать, Куинн, — его дыхание опалает теплом мою кожу. — Просто чувствуй.

— Я чувствую, — шепчу я, потому что это все, на что я способна, когда он рядом, и, очевидно, это все, что он мне позволит сделать.

Он смеется и приподнимает мой подбородок. Наклонившись, Чейз целует в лоб, а затем отстраняется, чтобы посмотреть на меня — его лицо выражает эмоции, которые я не могу расшифровать. Он открывает рот, будто собирается что-то сказать, а потом сдается. Не сказав ни слова, он прижимается губами к моим губам. В этот момент сдаемся мы оба, и он снова меня целует.

Чейз обхватывает губами мою нижнюю губу, мягко и нерешительно, и делает глубокий вдох. Наши губы разъединяются, и он скользит рукой вокруг моей талии, плотную прижимая мое тело к своему. Я чувствую, как бешено бьется мое сердце, и мечтаю о том, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Когда чувствую его язык, я благодарна, что у нас есть этот момент, еще раз. Он изливает себя, вкладывая в поцелуй каждую эмоцию, которую сдерживал при мне. Я хочу, чтобы Чейз знал, как сильно я люблю его, поэтому я делаю то же самое. Никто никогда не целовал меня так, как целует меня Чейз, будто он не может насытиться.

Отстранившись, Чейз пытается выровнять дыхание, а потом притягивает меня в свои теплые объятия, и я понимаю, что время вышло. Сердце грохочет в моей груди, быстрые удары звучат, как дождь, барабанивший по крыше, и мне хочется крикнуть ему, что я не готова, и чтобы он никогда не оставлял меня. Ощущая его крепкие объятия, я понимаю, что, когда проснусь, его уже не будет рядом.

Его лицо, весь он, становится как будто размытым, светлее по краям, и я паникую.

— Нет... не сейчас. Пожалуйста, Чейз. Мне нужно чуть больше времени.

— Ш-ш-ш-ш, — шепчет он, вынуждая меня снова положить голову ему на грудь, черты

его лица искажаются от муки. Он тоже чувствует, что это конец. — Я всегда буду с тобой, Куинн, только с тобой. И когда твоя жизнь закончится своим естественным образом, и твое сердце перестанет биться, я буду ждать тебя, всегда, — по тону его голоса и тому, как он надломился, я чувствую, что Чейз плачет, но он не дает мне увидеть его лицо. Вместо этого, он запускает пальцы мне в волосы, легонько массируя кожу головы. — Почувствуй, что ты заставляешь меня *чувствовать*.

И я чувствую это. Я вижу, что он имеет в виду, и это прекрасно. Сотни жизней, где мы вместе... Он показывает мне их все, одну за одной. Он наполняет мою жизнь своей любовью, своей душой, окончательно согревая меня. Это настолько прекрасно, что почти ослепляет.

Я сильнее прижимаюсь головой к его груди, в последний раз наслаждаясь этой связью, пока она не пропала.

— Я никогда не буду сожалеть, — говорит Чейз, и я чувствую его прохладное дыхание на моей коже, его жизнь в моем сердце.

Я зажмуриваюсь, слезы льются из моих глаз, пока я впитываю в себя его слова, свернувшись калачиком возле него.

— Я люблю тебя. Пожалуйста, помни об этом, — шепчет он. — Моя душа всегда будет с тобой. Живи своей жизнью, а я буду рядом, ожидая момента, когда наше время снова придет.

— Я не могу отпустить тебя, — всхлипываю я ему в грудь. — Не хочу этого.

— Ты можешь. Я буду рядом.

— Этого недостаточно, — слезы заливают мое лицо и его футболку, я рыдаю так сильно, что едва могу дышать. В моей груди такая сильная боль. — Я хочу, чтобы ты был здесь. Это нечестно.

— Я знаю, но мы снова найдем друг друга. Это наша судьба. Мы всегда находим друг друга, — он прижимается губами к моему виску. — Хочешь узнать, чем ты отличаешься от других людей, кто испытывает подобную трагедию и чувство потери?

Я не смотрю на него, не могу.

— Чем?

— Ты знаешь, что можешь выжить. Ты уже сталкивалась с этим раньше.

* * *

Проснувшись утром, я понимаю, что Чейза уже нет, и плачу в подушку. Я не испытываю такого же отчаяния, какое испытала, когда он умер. Нет, сейчас это что-то другое. Это осознание, что у меня есть сила жить дальше и желание сделать это, но я все еще ощущаю грусть от этой потери. Это страх перед будущим без единственного человека во всем мире, с которым я чувствовала связь.

Когда я перекатываюсь на спину и перевожу взгляд на потолок, мои слезы стихают, и я ощущаю тепло. Я знаю, что это не Чейз. Нет, это тепло моего сердца, моя сила, которую он мне вернул.

Вздохнув, я сажусь на кровати и замечаю письмо из Университета штата Флорида, которое лежит на моей прикроватной тумбочке. Поверх письма записка.

У нас так много времени на этом свете,
мы просыпаемся каждое утро и имеем возможность
решить, как прожить этот день.

Открой конверт, Кфинн. Живи полной жизнью.
С любовью, Каспер

Чейз

Ее слезы ранят мое сердце с каждым ускользающим моментом моего присутствия здесь. Я исчезаю, когда она засыпает, и я благодарен за это.

Отпустить ее кажется невозможным, невысказанным, но я всегда знал, что это неизбежно. Я понимаю, что именно так все и должно быть. Пока моя душа исчезает, Куинн даже во сне продолжает плакать. Я знаю, что должен был сделать это. Я не могу вернуть назад нашу совместную жизнь, но могу подарить ей надежду, и в то же время я молюсь, чтобы она нашла в себе силы обрести покой.

Она сильная, и я знаю, она будет в порядке. Я дал ей возможность увидеть, что даже несмотря на то, что она меня потеряла, мы всегда будем чувствовать друг друга. Даже в темноте она найдет свой свет. Мне нравится думать, что я сыграл в этом не последнюю роль.

Как бы сильно я ни хотел остаться рядом с ней, такой возможности у меня нет. Мне был дан выбор, и своим предназначением я выбрал спасти ее. Помогает то, что я и сам получил успокоение, узнав, что мы снова будем вместе.

Смерть несправедлива. Так быть не должно, но, к сожалению, мы не можем этого изменить. Это не вещь, которую ты можешь вернуть только потому, что тебе это не подошло. То место, где я нахожусь — часть чего-то великого, чего-то, что тяжело описать словами.

Никто не замечает, что я покидаю землю. Да и как бы они смогли? Начнем с того, что никто, кроме Куинн, даже не знал о том, что я был здесь.

Они и не должны были.

Куинн знала об этом, и, что более важно, *чувствовала* это.

Я был с ней какое-то мгновение, но потом это мгновение прошло, и все же, во многих отношениях, я никогда по-настоящему не покину ее. Я в энергии, окружающей ее, каждый день дарю ей силу, поощряю продолжать жить дальше.

Меня страшит неизвестность. Наверное, как и большинство людей. Смысл в том, что я оставляю ее ради чего-то незнакомого, того, что я так до конца и не понял. Но, видимо, в этом и есть смысл. Не думаю, что это мое предназначение. Похоже, что даже мой отец за все эти годы после своей смерти не смог разобраться во всем до конца. Я просто рад, что у меня есть он, чтобы пройти этот путь вместе со мной. По крайней мере, хорошо, что он рядом со мной в смерти, раз я не могу продолжить жить.

— Это все? — спрашиваю я его. — Я просто пропал для нее. Она больше не хочет меня видеть?

Отец ничего не говорит. Он мягко улыбается и кивает, чтобы я посмотрел, как Куинн открывает письмо из университета.

— Если наступит момент, когда ты будешь ей действительно необходим, ты будешь рядом.

Когда-то я думал, что моя жизнь сложится по-другому.

Но моя история — эта нестандартная жизнь, которая закончилась — возможно, была не такой, как, думаю, мне бы хотелось. Но она наша. Весь этот ужас, все моменты, которые я так старался игнорировать, забыть, произошли, и я смирился с ними.

Я выбрал смерть, потому что выбрал Куинн. Я не чувствую никакой злости или обиды

на нее за то, что произошло со мной, с нами. Ничего подобного. Даже после своей первоначальной реакции на Ганнера, все, что я чувствую, это умиротворение.

Куинн всегда будет играть свою роль в моей судьбе, как и я в ее. Дело в том, что мы на самом деле не контролировали нашу жизнь, и мне нравится думать, что в неведении есть своя красота. Если бы мы знали итог каждого принятого нами решения, то никогда бы не поняли, на что это похоже — жить.

Чем больше я наблюдаю за жизнью Куинн, тем больше понимаю, что именно так все и должно быть.

Та связь, любовь, то, как меня всегда тянет к ней, в этом есть смысл. Мы любили друг друга даже тогда, когда расстались, даже после моей смерти, и вместе мы залечивали наши раны. Такая любовь никогда не исчезнет.

Любить кого-то — это не значит «Я люблю тебя, *если...*» или «Я люблю тебя, *потому что* или *когда...*».

Любить кого-то, любить безоговорочно, означает «Я люблю тебя *в любом случае*», «Я люблю тебя, *несмотря ни на что*». Настоящая любовь бескорыстна, неизменна, *вечна*.

Люди всегда будут утверждать, что невозможно найти любовь в семнадцать лет, даже в восемнадцать. Ну, я и не нашел. Я нашел свою любовь в пять лет. И остаюсь влюбленным в эту голубоглазую девочку. Никто никогда не сможет доказать мне, что это неправда, или что это не любовь. Пусть только попробуют.

Можно найти любовь, будучи молодым. И она может быть настолько сильной, что победит все. Даже смерть.

Куинн никто не спешил говорить, что она должна двигаться дальше. Конечно, это бы произошло, когда она была бы к этому готова, но, знаете, это не было бы похоже на «двигаться дальше». Скорее это напоминало бы «я люблю себя достаточно сильно, чтобы не нуждаться в парне, который бы делал меня счастливой». Мне нравится, что я делал ее счастливой, но дело не в этом.

Люди говорят, что невозможно найти любовь в подростковом возрасте, наверное, потому, что именно в этом возрасте мы еще не знаем, как любить самих себя.

Что же... Куинн никогда не делала ничего как все, так что, думаю, она начнет двигаться дальше, когда будет готова к этому, когда почувствует, что настал подходящий момент.

* * *

Проходят месяцы, хотя для меня они ощущаются, словно мгновения, я постоянно наблюдаю за Куинн. Я рядом, переплетаюсь с каждой ее мыслью. Я заставляю уголки ее губ подрагивать в нежной улыбке по вечерам или ранним утром. За исключением того, что я не могу быть рядом в физическом смысле, в остальном, я везде, где она, когда нуждается во мне.

В этом я нашел величайшее чувство умиротворения.

Она учится оставлять меня там, где мне и суждено оставаться, в ее воспоминаниях, именно там я и должен находиться, и нет лучшего места, где я предпочел бы быть.

Я в воздухе, окружающем ее, в ветре, во влаге на ее коже.

Я присматриваю за ней по утрам, вместе с теплом, пока она лежит в плетеном шезлонге и изучает греческую мифологию, которую нашла очень увлекательной.

Я знаю, что Куинн будет ощущать мое отсутствие в своей жизни постоянно, всегда. Для нее это единственная ясная и простая частичка истины, в которой она точно уверена. Что я во всем, что бы ее сейчас не окружало.

Ее исцеление происходит в мире, в котором меня нет, в мире, где она, наконец, двигается вперед, свободная от всего, что преследовало ее раньше.

Что это значит для Куинн?

Это означает жизнь.

Означает, что она, возможно, снова влюбится. Сейчас она не понимает важности всего этого, но настанет день, и она поймет.

Потому что, настанет день, и мы снова будем вместе.

— Я так горжусь тобой и тем, каким мужчиной ты стал, — говорит мне отец, и нежность в его голосе окружает меня. — Хотел бы я иметь возможность объяснить все это тебе лучше. Хотел бы я иметь возможность дать тебе больше ответов и определенности в том, как все это работает. Но ты должен понять одно, мы здесь не для второго шанса, чтобы изменить что-то. Как бы сильно я этого ни хотел, я не мог вернуться и быть твоим отцом и заботиться о твоей маме... Но мне нравится думать, что во многих отношениях я всегда был частью вашей жизни. В твоих воспоминаниях, в воспоминаниях твоей матери. В ваших снах. Ты должен понять важность того, что я говорю тебе, Чейз.

Я в замешательстве от того, что он говорит, и тяжести, которую я ощущаю в груди.

— Никто из нас не может прожить одну и ту же жизнь дважды. Такого *никогда* не произойдет. Но твой выбор — принять смерть в обмен на спасение Куинн — был сделан самым бескорыстным сердцем. Невзирая на конечный результат, твоя душа выбрала ее жизнь в обмен на свою собственную, и, благодаря этому, тебе был дарован подарок.

— Я не понимаю. Подарок? Что ты имеешь...

И внезапно я снова вижу те воспоминания, в которых маленький мальчик бежит в объятия Куинн. Только в этот раз он разворачивается, чтобы посмотреть прямо на меня, и когда он это делает, я ахаю, потому что узнаю его глаза. Это мои глаза, и я понимаю, что он не из другой жизни, как я думал прежде... нет, это мой сын, и он — наше будущее.

Куинн

Временами я все еще пялюсь в потолок и думаю о холодных простынях и горячих поцелуях. Я думаю о парне, который обнимал крепко и любил бескорыстно. Я думаю о карих глазах и теплоте. Думаю о том, что он вознес меня и нашу любовь выше всего остального.

А потом приходят дни, когда я так сильно ощущаю его потерю, что кажется, будто у меня начинается паническая атака, но я думаю, в каком-то смысле, это ожидаемо. На самом деле, я и не думала, что смогу справиться с этим за одну ночь. Дело в том, что когда я сталкиваюсь с такими моментами, я не паникую, как было раньше, потому что помню: Чейз всегда рядом со мной, дает мне силу, и понимание этого делает все не таким пугающим.

Каждый день я напоминаю себе о том, что я хороший человек, и у меня доброе сердце, благодаря тем людям, которые всегда в нем. Я стала сильнее, потому что если бы я этого не сделала, то подвела бы не только себя. Я бы подвела своих родителей, и я бы подвела Чейза.

Я вспоминаю о выпускном, и о речи, которую произнес Джейден на церемонии.

— *Последние несколько недель я много думал о Чейзе... да и как я мог не думать? Он был моим лучшим другом. И вот я на выпускном, а его нет рядом со мной. В ночь, когда Чейз погиб, мы сидели на моем диване, разговаривали мало, как вдруг он посмотрел на меня и спросил: «Ты когда-нибудь задумывался над тем, что бейсбол и вечеринки — это еще не все?». Помню, когда он задал этот вопрос, я схватил еще одну бутылку пива и пробурчал: «Может быть. Но сегодня вечером мне на это плевать». Нет нужды говорить, что я был навеселе, и на тот момент меня не волновало будущее или вопрос, что я собирался делать со своей жизнью. За последние три недели все изменилось. И не только потеря Чейза с той ночи не давала мне напиваться в говно, — от последнего слова толпа начинает смеяться. Особенно после того, как после своего промаха он зажимает рот рукой. — Черт. Извините, я знаю, что не могу говорить слово «говно» здесь. Но я имел в виду, что Чейз заставил меня захотеть стать лучше. Лучше, чем «сегодня вечером мне на это плевать». Чейз был хорошим другом, и мы все счастливики, что были с ним знакомы.*

Для выпускников эта речь имела большое значение, потому что, да, у Джейдена были свои проблемы, и мы все думали, что он никогда не сделает ничего путного со своей жизнью. Но он это сделал, он даже был зачислен в местный колледж.

Не буду врать, было трудно принять тот факт, что Чейз ушел навсегда, потому что даже сейчас он, в каком-то смысле, нависает над моей жизнью, как туман, зависший над бухтой. Иногда я ощущаю тяжесть, а вместе с ней трепет в груди, прохладный ветерок или покалывания на своей коже, и думаю, может, это он мягко напоминает о данном обещании.

Каждый день я стараюсь улыбаться больше, а плакать меньше. Я живу одним моментом, одним днем, потому что знаю — завтра может не настать. На повороте дороги вы можете лишиться всего.

В этой жизни ничто не может быть гарантированным, но, по крайней мере, я знаю, что смерть Чейза была не странной трагедией, а выбором, ставшим его предназначением. Для меня это подарок — знать о том, что он всегда будет рядом со мной, и что однажды мы снова будем вместе.

Я чувствовала, как мое сердце разбивается на тысячи осколков. Оно все еще разбито, даже спустя месяцы и тысячи километров от той жизни, которая была у нас.

Но также я чувствовала и любовь, настолько сильную, что ее не мог разрушить даже крутой поворот дороги. И пусть я больше не могу видеть свою любовь, отраженную в его глазах, у меня есть мой подарок. Благодаря Чейзу я познала истинный смысл любви. Мне нравится думать, что лучшая часть нашей истории не в том, что он любил меня, потому что мы сильные души, а в том, что он любил меня потому, что хотел этого. Да, лучшая часть в том, что мы любили друг друга по собственной воле задолго до того, как узнали, что такое быть сильными душами.

Меня успокаивает осознание того, что мы найдем друг друга снова, потому что еще до того, как пришло наше время, до того, как мы обо всем узнали, мы были одними из тысяч созвездий угасающих звезд. Мы были выбраны и созданы для того, чтобы быть вместе вечно.

В конце концов, Чейз спас меня.

Он помог мне увидеть это. Чейз научил меня тому, что любовь нельзя сдерживать. Она бесконечна, безгранична и должна быть бесстрашной. Благодаря ему я узнала так много всего, о чем и не догадывалась.

* * *

Я открыла письмо. И теперь, спустя несколько месяцев после окончания школы, я выглядываю в окно и смотрю на совершенно другой пейзаж. Я не вижу океан с серым песком, вместо этого я вижу высокие деревья и красную глину.

Глядя на свое отражение в зеркале, я улыбаюсь, когда в ответ на меня смотрит мое измененное отражение. Пропала моя серая толстовка с капюшоном и черная шапочка. Мне больше не нужно скрываться.

Я одета в синюю майку и обрезанные джинсовые шорты. Вьетнамки выставляют напоказ мой обновленный педикюр. Вот что изменили несколько месяцев и расстояние в пару тысяч километров.

Я смотрю на сложенные возле шкафа коробки, и одна вещь привлекает мое внимание. Это черная бейсболка Чейза, которую я никогда не убираю. Она хранит воспоминания, которые я держу в себе. Определенными вещами не делятся, и эти воспоминания — они наши и только наши.

Знаете, если бы незнакомые люди наблюдали за моей жизнью, они бы подумали, что я спокойно стала жить дальше. Но продолжать жить оказалось намного сложнее, чем я себе представляла. Нельзя просто спокойно жить дальше, потеряв такого человека, как Чейз.

Это невысказано, а временами кажется просто невозможным.

Перед моим отъездом во Флориду, Эмери усадил меня перед собой и дал мне, вероятно, лучший совет, который может дать старший брат.

— Ты прошла через ад, — начал он с очевидного, — и я думаю, благодаря этому ты стала сильнее. Подумай о том, что ты видела, что преодолела, о том, что собираешься сделать в результате всего этого. Ты выжила, Куинн. Поэтому, когда уедешь отсюда и начнешь новую главу своей жизни, никогда не забывай о том, чего тебе это стоило.

Какое-то время я сидела там, впитывая эти слова. Только потому, что Чейз умер, не означает, что я должна перестать жить. Я любила его больше всех на свете, но я знаю, как

для него было важно, чтобы я продолжала жить своей жизнью. Хотя каждая улыбка и каждый смех кажется несправедливым или незаслуженным, потому что того, кто ушел, здесь нет, чтобы улыбаться и смеяться вместе с тобой.

Мне приходится напоминать себе, что Чейз умер ради меня, ради нас, ради будущего, которое у нас впоследствии будет. До смерти Чейза я не считала, что должна это сделать, но дело в том, что я должна полюбить себя так же сильно, как люблю его. Этого не легко достичь, когда пришлось пройти через то, что было у меня. Думаю, само трудное в том, что я не чувствую, что по-настоящему знаю саму себя. Как я могу любить что-то, что до конца не понимаю?

Любить кого-то другого намного проще. И, конечно, намного проще найти в них что-то особенное для себя. Любить себя намного сложнее, потому что ты так сильно стараешься быть кем-то, кто будет признан, что это вынуждает тебя бороться со своей индивидуальностью. По крайней мере, так было у меня.

Я знаю не так много девушек моего возраста, кто с этим справился. Их всего несколько, как, например, Мел. Она знает, чего хочет от жизни, и кто она есть, и не позволяет неуверенности в себе встать на своем пути.

Для меня все по-другому. Потери стали определенной частью моей жизни с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет. Я пробиралась сквозь серые облака в поисках чего-то, что должно иметь смысл, что поможет мне чувствовать себя живой. Это был Чейз. А потом я потеряла его, и мне пришлось учиться быть самой собой без него.

Это тяжело, но я понимаю, что не безнадежно.

* * *

Когда я выхожу из комнаты в свой первый день обучения в Университете штата Флорида, я спотыкаюсь о коробку, лежащую прямо под моей дверью. Я отлетаю к стене, а моя бейсболка падает на пол.

Джанет смеется, толкая коробку ногой.

— Прости. Я уберу это вечером. Опаздываю на работу.

Подняв бейсболку, я смеюсь и спускаюсь вместе с ней вниз по лестнице.

— Хорошо, что вы работаете на свою сестру.

Сразу после выпускного мы с Джанет уехали в Таллахасси и поселились в доме у ее сестры Барб и ее сына Брейдена. (*Примеч. Таллахасси — столица штата Флорида*).

У меня нет знакомых во Флориде, и так случилось, что Джанет решила, что хочет сменить обстановку. Она сказала, что это просто каприз, и я не собираюсь с этим спорить, потому что, в итоге, все вышло великолепно.

— Итак... — Джанет наливает себе чашку черного кофе, — ты готова к первому дню? Я чувствую себя так, будто должна упаковать тебе ланч.

Я молчу в течение нескольких секунд, пока читаю многочисленные подбадривающие сообщения, которые мне прислала Мел.

Мел: Подруга! Это твой первый день! У тебя все получится! Я жду, что ты позвонишь мне после занятий и расскажешь обо всем. До весенних каникул осталось всего шесть месяцев. Мы с Ганнером не можем дождаться, когда приедем повидать тебя!

От ее сообщения я не могу сдерживать улыбку. Они с Ганнером оба учатся в Вашингтонском Университете (*Примеч. Вашингтонский Университет находится в городе Сиэтл, штат Вашингтон*), и Мел настояла на том, что они приедут проведать меня на весенних каникулах.

— Бикини и пляжи! — громко объявила она, прежде чем я покинула Вестпорт. Как я и сказала, Мел знает, чего хочет.

Положив телефон на стойку, я поднимаю на взгляд на Джанет.

— Вообще-то, да, я готова.

— Эй, Куинн, ты уже готова ехать? — спрашивает Брейден. Он опять стоит на кухне без рубашки, потому что, по-видимому, парни Флориды вообще не носят рубашек, и улыбается мне. — Ты все еще хочешь, чтобы я тебя подвез?

Брейден флиртует, но не так, чтобы я чувствовала себя некомфортно или жалела о том, что переехала к ним. Мы как одна большая семья. И хотя я скучаю по своему брату и Риз, быть далеко от Вестпорта и находиться в этом городе со всеми вытекающими возможностями, кажется хорошим решением.

Я забираю телефон со стойки и кладу его в сумку.

— Ага, только дай мне взять батончик.

— Надень рубашку, — говорит Барб Брейдену, бросая ему одну по дороге на кухню.

Она обнимает меня, спеша так же, как и Джанет. Похоже, опоздания — это наследственное в их семье. Чейз никогда не делал ничего вовремя.

— Брейден, — Барб поднимает стопку бумаг со стойки, выискивая свои ключи. — Как поживает твой друг? Тот, с которым произошел несчастный случай на гидроцикле. В этом сезоне он сможет играть в футбол?

Брейден выгибает бровь, выглядя при этом растерянным. Я знала, что его легко сбить с толку. В игре в футбол слишком много ударов по голове.

— Ты имеешь в виду Джексона?

Барб закатывает глаза.

— Ага, тот, который здесь на стипендии.

У меня сжимается сердце от упоминания кого-то нашего возраста, попавшего в аварию. Ненавижу слушать такое. Особенно об автомобильных авариях. Я не могу вести машину в одиночестве без ощущения, что мое сердце вот-вот разорвется на части.

Брейден натягивает рубашку через голову.

— Ага, он выглядит здоровым. У него была остановка сердца в течение целой минуты, а он умудрился справиться со всем этим. Сумасшествие. Хотя, насколько мне известно, в этом году он играет в бейсбол.

Джанет переводит взгляд на меня, а потом протягивает мне злаковый батончик. Сразу перед тем, как выйти за дверь, она разворачивается и обнимает меня. Когда отстраняется, она все еще продолжает удерживать мой взгляд, нежно поглаживая мои волосы, ни на секунду не отводит от меня взгляда, будто ищет *его* внутри меня. Возможно, она может видеть его, ведь он заполняет всю мою душу.

Чейз был страстно увлечен жизнью и теми, кого любил, и сейчас у меня такое чувство, что все это у меня есть благодаря тому, что подарил мне это он, пропитав своим энтузиазмом мою душу.

— Сегодня ты будешь неотразимой, и я так горжусь тобой, — она целует меня в

макушку и делает глубокий вдох. — Ох, она все еще пахнет моим мальчиком.

Я смеюсь. Это одна из причин, почему я так сильно люблю эту бейсболку. С нее не пропадает его запах.

Брейден толкает меня в плечо.

— Готова?

Я делаю глубокий вдох и киваю — сейчас или никогда.

Очень долго я думала, что не смогу двигаться дальше. И очень долго я этого и не хотела. А потом, в один день, я осознала, что, в действительности, все дело в выборе. Ты можешь выбрать двигаться вперед, а потом ты это делаешь. Рано или поздно.

Еще я не думала, что смогу быть достаточно сильной, чтобы жить и быть счастливой без Чейза рядом со мной. Любить кого-то — это, определенно, еще не все. В жизни столько всего помимо влюбленности. Это и взросление, и обучение урокам жизни. Это узнавание самого себя и, что более важно, умение любить себя.

Чейз в моем сердце, и прямо сейчас это все, в чем я нуждаюсь. И если в какой-то момент в течение дня почувствую, что погружаюсь в эту знакомую грусть, я просто вспоминаю о его обещании.

— *Не грусти, красавица. Мы вместе. Мы предназначены друг другу.*

Чейз научил меня кое-чему. Многие в жизни важно, но что-то занимает особое место. У нас так много времени на этой земле, и каждое утро мы просыпаемся и можем сами решить, как прожить этот день.

Стать сильной не получится сразу. Иногда это нежный толчок со словами: «Ты с этим справишься».

Чейз дал мне этот толчок.

* * *

Сказать, что в Таллахасси в августе жарко, это как сказать, что в Вестпорте дождь только по воскресеньям. Здесь не просто жарко, здесь *чертовски* жарко. Не говоря уже о влажности. «Хвостик» определенно станет любимой прической в это время года. Нет нужды говорить, что это очень далеко от того, как было у меня раньше.

Хотя я научилась любить жару. Она напоминает мне о нем. Каждый раз, как мои щеки краснеют, я думаю о том, как костяшками пальцев он нежно поглаживали мою кожу, и представляю, что, возможно, он все еще рядом.

Брейден ждет меня на подъездной дорожке в своей отменной полноприводной черной «Шевроле Чеве», и я улыбаюсь — парни и их грузовики. Это хороший пикап, хотя я предпочитаю ржавый грузовик серого цвета, в котором ловит только одна радиостанция.

В меня начинает вгрызаться страх, когда я тянусь к ручке двери. Это первый день новой меня с новыми перспективами. Я напоминала себе об этом в течение трех недель, с тех пор, как покинула Вестпорт, но сегодня это стало моей реальностью.

В машине Брейден, по большей части, молчит, пока не произносит:

— Как тебе Талли?

— Талли? — я выгибаю бровь, глядя на него.

Он смеется, качая головой.

— Таллахасси.

— О, точно, — я чувствую себя тупицей. — Здесь хорошо. Очень отличается от Вестпорта.

— Я бы сказал, намного меньше дождя, да?

Я киваю.

— Это забавно, потому что даже если там нет дождя, то облака все равно всегда выглядят серыми. Не синими, не белыми, просто серыми.

Разница между этими двумя городами колоссальная. Ничего общего, но, в каком-то роде, это именно то, что мне нужно.

Впервые я обратила внимание на Университет штата Флорида осенью прошлого года, и сделала я это только для того, чтобы успокоить Эмери. Я, правда, никогда не рассматривала такой вариант, что могу поступить туда. Пока не узнала, что Чейз тоже выбрал его, и тогда у меня появилась надежда, что это может стать нашим вторым шансом.

А потом, в тот же день, когда пришло письмо о моем зачислении, Чейз погиб. Я и представить себе не могла, что буду здесь без него. Это была его мечта, и для меня быть здесь, проживать эту мечту, как-то слишком жестоко. До сих пор есть дни, когда я не уверена, что справлюсь, но это происходит все реже и реже. Находиться здесь, в месте, где он хотел быть, дает мне ощущение, что я ближе к нему.

— Я один раз приезжал к Чейзу, — говорит Брейден. — Было холодно и скучно.

Упоминание имени Чейза, сказанное кем-то, до сих пор ранит меня. Наверное, так будет всегда.

— Там, безусловно, мало чем можно заняться, если только ты не рыбак или серфер. И даже серфинг не тот, что здесь у вас.

Брейден кажется хорошим парнем. Он, в некотором роде, напоминает мне Чейза, но, в основном, они полные противоположности, особенно внешне. Чейз был высоким и подтянутым, а Брейден ниже ростом и с более объемными мускулами. Он выглядит как парень, который проводит слишком много времени в спортзале. Думаю, поэтому мне так легко общаться с ним.

— На самом деле, я даже никогда не пробовала заниматься серфингом, — говорю я ему.

Брейден склоняется и выключает музыку, когда мы заезжаем на парковку кампуса.

— Ну, если тебе интересно, мы с друзьями стараемся хотя бы раз или два в месяц выбраться посерфить на выходных. Это тяжело, но уверен, ты быстро научишься. Большую часть лета я провел со своими друзьями в Панама-Сити, занимаясь серфингом и катаясь на гидроциклах.

Я бросаю на него взгляд.

— О, вот, значит, где с твоим другом произошел несчастный случай?

— Ага, инцидент с Джексоном произошел во время праздника четвертого июля, — говорит он мне, останавливаясь на парковочном месте, которое находится далековато от учебного корпуса. — Он довольно сильно пострадал. Скоростной катер, переполненный пьяными придурками, налетел прямо на его гидроцикл. Меня там не было, но я знаю, когда они вытащили его из воды, он не дышал. Вытащив его на берег, они решили, что он умер, но парамедики нащупали слабый пульс, и сразу после этого им удалось вернуть его к жизни. Он провел в больнице около месяца, восстанавливаясь. Думаю, сейчас он в порядке... может, просто не до конца оправился. Кажется, у него небольшой провал в памяти, и он мало что помнит из того, что было до столкновения. Он всю неделю ходил на футбольные тренировки и держался вполне нормально.

Зайти в кампус было легко. Найти дорогу к своим кабинетам было чуть сложнее.

В конце дня я, наконец, нахожу аудиторию, где проходит мое последнее занятие, и улыбаюсь от облегчения, когда замечаю Брейдена и двух его друзей. Они стоят, прислонившись к стене возле входа.

Пока я приближаюсь, они внезапно оживляются, когда к ним присоединяется еще один парень. Они приветствуют его, стучаясь с ним кулаками. Они все начинают разговаривать, а я наблюдаю за тем, как новый парень перевешивает свой рюкзак на другое плечо, чтобы прислониться к стене. В его позе можно увидеть уверенность, мне это так знакомо, что я улыбаюсь. Он излучает такую расслабленную уверенность в себе, которой так восхищались люди в Чейзе.

Брейден хлопает парня по плечу.

— Как себя чувствуешь, Джексон?

Мое любопытство возрастает. С одной стороны, мне интересно познакомиться с парнем, который выжил в такой ужасной аварии, и, что более странно, мне интересно, как он выглядит.

Парень пожимает плечом, не сказав ничего, что я могла бы услышать. И я понимаю, что практически одержима желанием, чтобы он развернулся. Мне нужно увидеть, как он выглядит.

Держи себя в руках, Куинн.

Есть что-то такое знакомое в том, как он стоит, как прислоняется к стене, и в моем животе будто порхают бабочки, а щеки начинают пылать.

Вдохнув, я подхожу ближе к Брейдену, и когда оказываюсь рядом с их компанией, парень смотрит на меня и улыбается, хотя я не смотрю на его лицо.

— Милая бейсболка, — скромно говорит он, и я быстро перевожу взгляд на его глаза.

Эти глаза... я узнаю их.

* КОНЕЦ *